

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

МАТЕРИАЛЫ
II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Минск, 14–15 октября 2016 г.

Минск МГЛУ
2017

УДК 81
ББК 81.0
У59

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2 (47) от 24 мая 2017 г.

Редакционная коллегия: Н. В. Фурашова (*ответственный редактор*), Н. Е. Лаптева, Р. Ф. Сахарова, Ю. И. Сидорчук

Универсальное и национальное в языковой картине мира:
У59 материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 14–15 окт. 2016 г. / редкол. : Н. В. Фурашова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2017. – 212 с.
ISBN 978-985-460-808-2.

В материалах конференции освещаются проблемы соотношения универсального и культурно обусловленного в картинах мира, зафиксированных разными языками, рассматривается роль сходств и различий языковых картин мира в процессах межкультурной коммуникации, обучении иностранным языкам, а также в переводческой деятельности и литературоведении.

Для специалистов в области лингвистики, переводо- и литературоведения, преподавателей иностранных языков, а также аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81
ББК 81.0

ISBN 978-985-460-808-2

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная парадигма лингвистических исследований характеризуется интересом как к универсальным аспектам, лежащим в основе языков, так и к национально или культурно обусловленным аспектам, предопределяющим их специфику.

Представленные материалы отражают интерес лингвистов к данным аспектам и свидетельствуют о том, что проблема соотношения универсального и национального в языках важна в теоретическом и в прикладном планах: в преподавании иностранных языков, переводе с одного языка на другой, в межкультурной коммуникации и т.д. Теоретическая значимость данных исследований в значительной мере заключается в том, что они выполнены на основе междисциплинарного подхода, являющегося сегодня требованием времени.

Сборник содержит материалы выступлений 75 участников конференции из Беларуси, Грузии, России и Украины – как авторитетных ученых, так и исследователей, находящихся в поиске путей решения поставленных задач в различных областях науки. Объектом изучения в докладах был целый ряд языков – английский, белорусский, китайский, немецкий, русский. Проблемными полями, которые рассматривались на материале данных языков, стали: языковая и концептуальная картины мира, языковые универсалии и национально-культурная специфика разных уровней языка, переводоведение в аспекте межкультурной коммуникации, картина мира в произведениях художественной литературы, диалог культур в обучении иноязычному общению, фразеологическая картина мира в разных языках. В материалах представлены как традиционные взгляды на разные феномены языка, так и относительно новая, в ряде случаев авторская их трактовка. Это стало причиной дискуссий во время конференции и даст возможность читателю не только получить информацию о проводимых исследованиях в рамках поиска универсального и национального в языковых картинах мира, но и критически осмыслить полученные результаты, традиционные взгляды на язык и новые подходы к его исследованию.

Редколлегия

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Л. И. Богданова (Москва, Россия)

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ

Согласно концепции Питирима Сорокина [1], всякая великая культура это не просто конгломерат различных явлений, а совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, а также совокупность самих носителей этих ценностей и норм, т.е. людей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Именно ценность служит основой и фундаментом единой культуры. В свою очередь, культура в ряде философских работ рассматривается как система кодов, закрепляющих социально-исторический опыт людей. Коды, представляя собой особые информационные структуры, обеспечивают саморегуляцию системы. Эту роль в биологических организмах выполняют генетические коды – ДНК. В обществе, представляющем собой социальный организм, аналогом генетических кодов выступает культура.

Специалистами в области лингвокультурологии культурный код в широком смысле рассматривается как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [2, с. 3].

Выявлению различий, которые связаны с существованием специфических для каждой культуры способов кодирования культурных феноменов, способствует межкультурное общение. Язык способен аккумулировать опыт и передавать культурные ценности от одного поколения к другому, что находит отражение в языковой картине мира – зафиксированной в языке и специфичной для данного языкового коллектива схеме восприятия действительности, в которой выражаемые значения складываются в единую систему взглядов – коллективную философию [3, с. 39].

Ценности определенным образом «складированы» в языке, связаны со значениями слов и языковых конструкций. Значения слов, отражая общественные ценности, содержат, как известно, не только объективный компонент значения, но и субъективный, оценочный компонент, связанный с «наивной этикой» [Там же, с. 351]. Так, например, слова типа *доносчик*, *ябеда*, *фискал*, *стукач* не только сообщают о том, что реально делают люди, получившие такую номинацию в языке, но и указывают на то, что данные действия оцениваются обществом отрицательно: «нехорошо передавать негативную информацию о ком-либо третьим лицам». Такая оценка далеко не универсальна, в некоторых культурах стран Западной Европы передавать информацию о каких-либо нарушениях в полицию и другие органы считается правильным и оценивается положительно.

Приведем некоторые из «заповедей» русской наивно-языковой этики: «нехорошо преследовать узкокорыстные интересы» (*домогаться*, *льстить*, *сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подслуши-*

вать, подсматривать, любопытствовать); «нехорошо унижать достоинство других людей» (помыкать, насмехаться, глумиться); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (унижаться, пресмыкаться, угождать) [3, с. 351]. Исходя из этих правил, можем декодировать ряд русских культурных ценностей. Некоторые из них (внутренний мир, человеческое достоинство, доброта, уважение к людям) представляются общими, в частности, с западноевропейской культурой, где так высоко ценится личное пространство (*privacy*). Предстоит выяснить ранжирование ценностей в разных культурах, степень их внутренней значимости, содержание в них специфического национально-культурного компонента, что особенно ярко проявляются при контакте культур. При этом представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке заметны сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов. Оценочный знак ценности может меняться в зависимости от того, какой взгляд фиксирует ценность: взгляд изнутри или взгляд извне. Рассмотрим несколько примеров.

Отрицательно оцениваются (в частности японцами) герои некоторых русских сказок, например, Иванушка-дурачок, Емеля и другие персонажи, воспринимаемые русскими как положительные. Причина несовпадения оценок состоит в том, что в характере одних и тех же героев представители разных культур выделяют различные доминантные черты.

Русские ценности *терпение, смирение, кротость, скромность* и др. нередко остаются вне поля зрения представителей западного типа ментальности, однако в славянском мире эти качества являются положительными (ср. восприятие фильма «Морозко» в разных странах).

В рамках русской культуры *русская прямота* (в отличие от прямолинейности) и *откровенность* ценятся очень высоко. В толковых словарях *прямой* толкуется как 'правдивый, откровенный, нелицемерный'. Однако с позиций иной культуры эти качества далеко не всегда привлекательны. Так, напр., английский журналист был удивлен прямыми и честными ответами российского нападающего: «Этот Аршавин – неисправимый русский!» («Советский спорт», 2009, 20. 05).

Такое русское качество, как *удаль* (ср. *русская удаль*), определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное качество: ср. *удаль молодецкая; мал, да удал* (поговорка). Однако, как отмечал Н. С. Трубецкой, «удаль, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романо-германцам, ни славянам». Целый ряд качеств и черт, которые русский народ в себе особенно ценит, «не имеет никакого эквивалента в славянском моральном облике», что дает основание Н. С. Трубецкому сделать следующий вывод: «наклонность к созерцательности и приверженность к обряду, характеризующие русское благочестие, формально базируются на византийских традициях, но, тем не менее, совершенно чужды другим православным славянам и скорее связывают Россию с неправославным Востоком» [4, с. 102].

В русской картине мира *красота* как ценность предстает менее значимой, чем счастье, ум, хороший характер (ср. *Не родись красивой, а родись счастливой*; *С лица воду не пить* и др.). Как показали специальные исследования, в китайской картине мира также при восприятии *красоты* происходит сдвиг от эстетики к этике, поскольку *mei* ‘красота’ и *hao* ‘добродетель’ синонимичны не только в лексическом, но и в психологическом плане. В представлении китайцев, для которых в определенной степени свойственно соединение интеллектуального и эмоционального начал, человек, с одной стороны, не может оставаться только наблюдателем, поклонником или обладателем эстетической ценности – совершенной красоты. Красота становится частью добродетели. С другой стороны, эстетическое наслаждение не может быть только для души. «Оно непременно вызывает утилитарную, гедонистическую или эмотивную оценку – эстет и аскет редко уживаются в одном человеке» [5, с. 187–188]. Именно поэтому в буквальном переводе *красивым* может быть имя, если оно доброе, намерения, если они хорошие, но *красивой* может оказаться и пища, если она вкусная, и работа, если она выгодная. В русской картине мира красота лишена утилитарности, но она не столь однозначно связана с нравственной основой, т.е. красота может быть как божественной, так и дьявольской.

Итак, национальные ценности и их ранжирование особенно ярко проявляются при контакте культур. Структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ, что еще раз подтверждает мысль М. Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и схемами восприятия [6, с. 37]. Сложность и противоречивость культурно-ценностного универсума не отменяет глубокого изучения феномена культурных ценностей в межкультурном аспекте и его реализации в практике преподавания языков и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
2. Маслова, В. А. Коды лингвокультуры / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2016. – 180 с.
3. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избр. труды: в 2 т. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1995. – Т. 2. – 767 с.
4. Трубецкой, Н. С. Верхи и низы русской культуры: Этническая основа русской культуры / Н. С. Трубецкой // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. – София : Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921. – С. 86 – 103.
5. Аошуан, Т. Китайская картина мира. Язык. Культура. Ментальность / Т. Аошуан. – М. : Языки слав. культур, 2004. – 232 с.
6. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко. – СПб : А-cad, 1994. – 408 с.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В АСПЕКТЕ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Межкультурная (кросскультурная, интеркультурная, транскультурная, контркультурная) коммуникация понимается исследователями данного феномена как общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам. В этой связи рассматривается, как правило, термин «культурная идентичность», принятый для обозначения принадлежности индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующей ценностное отношение человека к себе, другим людям, обществу и миру в целом. Культурная идентичность основывается на разделении представителей всех культур на «своих» и «чужих».

Родоначальником исследований различных аспектов межкультурной коммуникации по праву считается американский антрополог Эдвард Холл, возглавивший созданный в 1946 г. в США Институт службы за границей. В 1958 г. вышла из печати книга Э. Холла и Д. Трагира «Культура как коммуникация», в которой впервые употреблен термин *межкультурная коммуникация* (МКК). В 1959 г. была опубликована книга Э. Холла «Silent Language», в которой обосновывается связь между культурой и коммуникацией. Автор считал главной целью теории межкультурной коммуникации изучение практических нужд представителей различных культур для их успешного общения друг с другом.

Постепенно теория МКК начинает преподаваться в университетах США. При этом уже в 60-е гг. обозначились два основных направления: *интернациональное* (в учебных заведениях, где готовились кадры для работы за рубежом) и *межэтническое* (в школах, где обучались дети смешанного этнического состава).

В Европе, хотя и с некоторой задержкой, связанной с преодолением тяжелых последствий Второй мировой войны, тоже начинает «просыпаться» интерес к новому перспективному направлению исследований, позволявшему дать ответы на многие актуальные вопросы послевоенного экономического развития, не в последнюю очередь на основе реализации Плана Маршалла. В 1966 г. в Берлине прошел научный симпозиум «Интернациональная межкультурная коммуникация между развитыми и развивающимися странами», вызвавший большой интерес со стороны бизнесменов и ученых. В 1989 г. в Мюнхенском университете МКК начинает преподаваться как новая специализация.

Инициаторами изучения специфики процессов межкультурной коммуникации стали преподаватели иностранных языков. Лингвистическими дисциплинами, рассматривавшими проблемы взаимодействия языка и культуры, были признаны лингвострановедение, этнолингвистика, лингвокультурология, социоллингвистика, психоллингвистика, теория перевода, когнитивная лингвистика.

Таким образом, объектом теории МКК является процесс естественной коммуникации между представителями различных лингвокультур, а в качестве ее предмета выступают типы взаимодействия между представителями различных культур и факторы, оказывающие влияние на результат коммуникативного взаимодействия.

Основной единицей теории МКК является *дискурсивное событие* – совокупность коммуникативно значимых речевых и неречевых действий участников общения, направленных на достижение общей коммуникативной цели. Примерами дискурсивных событий являются приглашение, просьба, приветствие и под.

В качестве базовых понятий теории МКК функционируют: культура, коммуникация, культурная идентичность, языковая личность, языковая картина мира, коммуникативная компетенция.

Межкультурная коммуникация является, таким образом, междисциплинарной областью научного знания, которая взаимодействует с антропологией, культурологией, социологией, лингвистикой, лингводидактикой.

Важное место в теории межкультурной коммуникации занимает понятие *языковая личность*, которая рассматривается здесь как национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной картиной мира и системой ценностей, способный к межкультурной трансформации [1]. Последнее положение играет в современных условиях мировых процессов глобализации и борьбы за энергоресурсы и рынки сбыта произведенной продукции очень важную роль.

В теории МКК уделяется серьезное внимание структуре и типологии языковых личностей. Согласно Ю. Н. Караулову, языковая личность – это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов) [1]. При этом необходимо различать *лингвокогнитивный* аспект (понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой личности), *вербально-семантический* (отражает степень владения языком) и *прагматический* аспект (отражает цели, мотивы, интересы).

Языковая индивидуальность подвержена эволюции с выработкой более или менее упорядоченной *картины мира*, отражающей определенную иерархию ценностей.

Языковая картина мира является частью *концептуальной картины мира* – совокупности сведений о мире, хранимых и передаваемых от поколения к поколению с помощью языка.

В качестве важнейших категорий культуры Э. Холл постулировал *контекст* (информацию, сопровождающую культурное событие), *время* и *пространство*. В этой связи им были выделены *высококонтекстуальные* и *низкоконтекстуальные*, *монокронные* и *полихронные*, *контактные* и *дистантные* типы культур.

Владение коммуникативными механизмами, приемами и стратегиями, необходимыми для обеспечения эффективного процесса общения, составляет понятие *коммуникативной компетенции*. Помимо знания того, как исполь-

зовать язык в процессе общения, наличие коммуникативной компетенции предполагает владение социальными и культурными знаниями, умениями и навыками межличностного взаимодействия.

Национальный характер – совокупность специфических психологических черт, свойственных той или иной социально-этнической общности. В. В. Воробьев выделяет доминантные характеристики русской национальной личности: *вера, нравственность, соборность, поляризованность душ* [2].

Согласно И. А. Стернину, такие особенности русского национального характера, как соборность, этническая терпимость, любовь к природе, гостеприимство, непунктуальность, «закононебрежение», готовность помогать другим, склонность к устойчивым дружеским связям, общительность влияют на коммуникативное поведение и обуславливают структуру социальной идентичности: гендерной, возрастной, расовой и этнической, географической, классовой, имущественной, статусной [3].

Все описанное выше свидетельствует о широком поле проблем, связанных с межкультурной коммуникацией, которые требуют дальнейшего глубокого изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
2. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: учеб. пособие / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 2006. – 112 с.
3. Русское и финское коммуникативное поведение / ред. кол.: И. А. Стернин [и др.]. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – Вып. 1. – 100 с.

М. Л. Ковшова (Москва, Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ДЕЙСТВИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ*

В сознании человека реальный мир дан в какой-то мере таким, каким он отражается в языке, и каждый язык отражает реальный мир по-своему, тем самым складывая свою *языковую картину мира*, определяющую специфику национального мировидения. Действительно, «мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием» [1], и главная роль в организации этого потока впечатлений принадлежит

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

языку. Различные направления в современной лингвистике сходятся в том, что языковая картина мира есть означивание в языке концептуальной картины мира, т.е. мира, воспринимаемого сознанием и существующего в сокращенном и упрощенном отображении всей суммы наивных представлений о мире. Тем самым «... национальная концептосфера включает в себя наивную картину мира данного языка, формирующую образную составляющую концептов, национальную систему ценностей» [2, с. 14]. Для представителей различных направлений в лингвистике на современном этапе стало очевидным, что недостаточно сводить понятие языковой картины мира к особенностям языковой системы, проявляющейся в техниках номинации. Мир на естественном языке изначально описывается не «как он есть», а сквозь призму его интерпретации в культуре. Описывая мир, естественный язык, будучи неотъемлемой и важнейшей частью национальной культуры, создает культурно детерминированную картину мира, тем самым онтологизируя мысли о мире, осуществляет движение от мировидения к мировоззрению. Идея миропонимания, запечатленного во внутренней форме языка, не может исследоваться в отрыве от идеи мировоззрения, также запечатленного в языке как элементе этнической культуры; вместе с языком мы воспринимаем и особенности мировоззрения, сформированного в той или иной культуре. Поэтому в лингвокультурологии, нацеленной на изучение языка и культуры в их взаимопроникновении, под языковой картиной мира понимается отраженный в языке способ восприятия мира и его понимания (интерпретации) человеком или группой людей, объединенных общим мировоззрением, основанным на общности этнической культуры. Лингвокультурологический подход основывается также на положении о том, что в языковых знаках хранится и транслируется в речи разного рода культурная информация. Понятие культурно значимой информации связано с главным в самопознании – с выделением из всего существующего общечеловеческих ценностей и тех ориентиров, которые выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе ее развития у того или иного народа в ту или иную эпоху. Человек, владеющий культурно значимой информацией, владеет ценностным кодом этнической культуры, ориентирующим его в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизни. Разными способами, в том числе и прежде всего – с помощью языка кодируемое ценностное содержание, вырабатываемое в культуре, и составляет в целом культурно-национальную картину мира, в которой раскрывается мировоззрение народа.

О национально-культурной специфике фразеологизмов в их сопоставлении. В истории фразеологии сопоставление единиц разных языков опиралось, прежде всего, на *объективный фактор* обязательного наличия специфики у фразеологизмов. Действительно, жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и историко-культурной (материальной и духовной) реальности. На этом основании в образы фразеологизмов «попадают» те вещи, явления, исторические события, названия природных

реалий, животных, растений, имена людей и т.п., которые есть и которые значимы в жизни данного народа. «Всякий язык проявляет избирательность по отношению к объективному внеязыковому миру и по-своему отображает его» [3, с. 374]. Например, в русском языке нет фразеологизмов со словом *артишок* (пример В. Г. Гака), так как это растение нетипично для русской природы и русской гастрономической культуры; есть две-три идиомы со словом *сыр*, которое в русской пищевой культуре долгое время означало продукт наподобие творога, который уступал по значимости другим сытным и дешевым видам пищи, в большей мере отвечающим суровым климатическим условиям России и особенностям крестьянского труда. (В отличие от французских реалий и французской пищевой культуры, где наименований сыра, как известно, столько, сколько дней в году, а фразеологизмов с этим компонентом еще больше [4].) *Субъективный фактор* видится исследователями в произвольной избирательности языка, когда слова в разных языках, отражающие одни и те же для разных народов реальности, в составе фразеологизмов выступают носителями различных смыслов, служат выразителями различных сформированных в культуре символов, эталонов, стереотипов и т.п. Так, символами искренности и доверия в русской языковой картине мира являются *сердце, душа (открыть сердце, излить душу)*, в китайской языковой картине мира – *желчный пузырь, печень*. Ср.: *沥胆披肝* букв. *желчный/желчь пузырь капает/излить, открыть печень* ‘абсолютно искренний и верный’; *吐肝露胆* букв. *выплюнуть печень, открыть/показать желчный пузырь* ‘открыть свое сердце’. В. Г. Гак в своей статье, посвященной национально-культурной специфике фразеологизмов, писал, что «быть может, следует разграничивать национальную специфику ФЕ и культурную специфику ФЕ» [5, с. 260]. Действительно, *национальная специфика* фразеологизмов выявляется при сопоставлении разных языков по алгоритму лингвистического анализа: план содержания – план выражения (внешняя и внутренняя форма) – соотношение обоих планов – функционирование. *Культурная* же специфика фразеологизмов определяется лингвокультурологическим методом соотнесения образа языкового знака с другими символически нагруженными знаками материальной и духовной культуры народа, со сведениями из его истории, верований, обычаев. Говоря о специфичности фразеологизмов, лингвисты неизбежно переходят в область культуры, и углубление в пространство культуры требует умения описывать связь культуры и языка на метаязыке лингвокультурологии. Сопоставление фразеологизмов как знаков языка и культуры с другими знаками культуры – ритуалами, обычаями, поведенческими практиками и т.п. – проводится как в рамках одной национальной культуры, так при сопоставлении разных национальных культур (также сопоставляются в рамках одной национальной культуры ее субкультуры). Лингвокультурология не нацелена исключительно на поиск специфичных проявлений культуры в языке – важно выявлять общие и специфичные механизмы внедрения культуры в языковые сущности.

Лингвокультурологический сопоставительный метод исследования во фразеологии. С позиций лингвокультурологии фразеологические единицы разных языков сопоставляются как знаки, в семиотической форме которых нашла свое воплощение культурно значимая информация, важная для познания ментальности того или иного народа, для изучения особенностей сложившегося в той или иной культуре мировоззрения. «Результаты контрастивного описания фразеологизмов проливают свет на этническую логику, предопределяющую различия “наивных” культурно-языковых картин мира» [6, с. 16]. Фразеология исследуется как способ «самопознания, нацеленного на установление факта идентичности субъекта культуры с тем, что выделено в этих процессах и продуктах как мерило собственно человеческого в деятельности, т.е. как ценности ее ценности» [7, с. 102–103]. Семантика фразеологизмов не только содержит денотативный и сигнификативный компоненты – передает обобщенное представление о фрагменте действительности и конфигурацию этого типового представления; не только сообщает образ, концептуальную схему видения происходящего, но и транслирует культурные смыслы, а в образах фразеологизмов запечатлено ценностное содержание той или иной культуры. Поэтому, сопоставляя последовательно все аспекты значения (от денотативного до оценочного) и способы их выражения (структура, компонентный состав, тропы, модели), лингвокультурология уделяет особое внимание сходству и различию глубоко залегающих культурных «слоев» в семантике языковых знаков, сходству и различию в культурных установках [8]. Лингвокультурологический анализ позволяет описать значение фразеологизмов во взаимосвязи с семантикой той или иной культуры; выявить культурные константы, получившие закрепление в устойчивых единицах различных языков, установить культурно-языковые эквиваленты.

Так, в русском и китайском языках концептуализация абстрактного понятия «возраст» обнаруживает немало сходного. И в русской, и в китайской фразеологии есть единицы, в которых компонентом является имя самого концепта, напр. рус.: *выйти из детского возраста, переходный возраст, бальзаковского возраста, на возрасте, без возраста* и др.; ср. кит.: 年齡、岁数: 超龄 ‘выйти из какого-л. возраста’, 妙龄 ‘человек на возрасте’, 中年人 ‘человек средних лет’, 结婚年龄 ‘брачный возраст’ и т.д. [9]. Необходимая для такого абстрактного понятия, как возраст, конкретизация в образах русских идиом и поговорок и китайских единиц весьма специфична, однако картирование возраста в наивном языковом сознании у русских и китайцев имеет и общую черту: фразеологизмы описывают не столько тему возраста (напр., рус. *пожилого возраста* и кит. 古稀之年 букв. *возраст, до которого мало людей может дожить*), сколько те признаки и формы человеческой жизнедеятельности, которые так или иначе сопряжены с темой возраста. Это внешние качества человека (напр., рус. *седой как лунь*; кит. 白发苍苍 букв. *белые и седые волосы*; 鹤发鸡皮 букв. *волосы журавля и кожа курицы*); физическое состояние человека (напр., рус. *песок сыпется*;

кит. 老态龙钟 букв. *неуклюжий от старости*); внутренние свойства, характер человека, поведение (напр., рус. *бальзаковского возраста* – «Характеристика женщины средних лет или несколько старше, сохранившей привлекательность, демонстрирующей интерес к мужчинам и пользующейся у них успехом» [10, с. 106–107]; деятельность, опыт (рус. *старый морской волк, старый воробей, старый конь борозды не портит*; кит. 老马识途 букв. *старая лошадь знает дорогу*) и др.

Сопоставим три близкие по значению единицы: рус. *как лунь седой, белый* и кит. 白发苍苍 букв. *белые и седые волосы* (седые волосы, словно перья журавля); 鹤发鸡皮 букв. *волосы журавля и кожа курицы*.

Лингвистический анализ. В плане выражения русский фразеологизм является компаративом, его внутренняя форма основана на идее подобия субъекта и объекта сравнения, тогда как китайские единицы основаны на тождестве, при этом русский фразеологизм является описательной фраземой, а китайский – идиомой (чэньюй). Для структуры китайских фразеологизмов характерно парное, представленное в виде сочинительной конструкции, описание: белые и седые; волосы журавля и кожа курицы, в то время как русская компаративная единица содержит только объект сравнения – *как лунь* в сочетании с устойчивым признаком сравнения, выраженным двумя единицами: *белый, седой*. В предложении и русская, и китайские единицы выполняют функцию характеризующей предикации. Китайские единицы прозрачны по образам, в то время как русская единица содержит опорный компонент, выраженный лексемой, требующей этимологического комментария: *лунь* – «род сокола белого или серого цвета; коршун» [11, с. 534; 12, с. 352]. (Ассоциация, которую вызывает восприятие непрозрачного компонента *лунь*, обусловлена семантикой признака сравнения – *седой, белый* и созвучием слов *лунь* и *луна*, тем самым создается ложная мотивированность образа на уподоблении цвета волос лунному свету.) В плане содержания русская и китайские единицы сходны по денотативному аспекту, однако области денотации полностью не совпадают. Первая китайская единица описывает седые волосы, вторая – седые волосы и дряблую кожу лица старого человека (мужчины или женщины); русский компаратив – совершенно седые волосы/ волосы и бороду (если описывается мужчина). Сигнификативный аспект китайских единиц – типичная внешность старого человека; в русской единице описывается 1) типичная внешность старого человека или 2) типичная внешность не старого, но много пережившего человека [13, с. 15]. Ср. иллюстрации: (1) *Отмечу, что старушек звали Анна Степановна и Юлия Моисеевна, обе **белые как лунь**, но совершенно бодрые и похожи были как родные сестры из-за необычайно малого роста и живого блеска в глазах.* (2) *Любовь Онисимовна тогда была еще не совсем стара, но **седа как лунь**. В дверях стоял моложавый улыбающийся мужчина, но уже весь **седой как лунь**, среднего роста, в очках, с мягким, как бы извиняющимся, выражением лица* [14]. Ср. также рус. выражения *поседеть от горя, рано поседеть* и т.п. Мотивационный аспект значения содержит сходные образные основания:

русская единица построена на сравнении цвета волос с перьями птицы; китайские чэньюй – на сходстве волос человека и перьев журавля по цвету; кожи человека и курицы по цвету и фактуре. Эмотивно-оценочный аспект сходится в нейтральной позиции, но все фразеологизмы склонны к выражению позитивной оценочности.

Культурологический анализ. И русская, и китайские единицы обнаруживают в своих образах «следы» древнейших архетипических представлений, основанных на наблюдении о связи внешнего и внутреннего – тех процессов, которые происходят в организме человека, и их внешних проявлений. Белый цвет старости, имеющий онтологическое основание, символизирует и в русском, и в китайском цветовых кодах культуры (кроме многих других, более позитивных, смыслов; ср. рус. *белый свет*, *белая кожа* и т.п.) потерю активности, необратимые возрастные изменения (ср. рус. *убеленный сединой*). Компоненты сопоставляемых фразеологизмов соотносятся с зооморфным кодом культуры, который хранит исходные пути метафорических переносов с внешнего вида животных на облик человека. И русский, и китайский образы восходят к архетипическим способам осознания универсума, а именно наделению явлений окружающего мира свойствами человека (т.е. антропоморфизм), к верованиям о связи между человеком и животным (т.е. тотемизм). Кроме того, в китайской идиоме (чэньюй) образ журавля дополнен символическими смыслами. «По мифологическим представлениям, журавли неизменно присутствовали в лаосском раю. Из яиц этих священных птиц готовили пилюли бессмертия <...> журавли переносят по воздуху небожителей <...> Журавль – птица, связанная с представлениями о бессмертном бытии» [15, с. 76]. В русской языковой картине мира фразеологизм *белый как лунь* играет роль эталона необратимых изменений во внешности человека от старости или переживаний; в китайской языковой картине мира фразеологизмы передают стереотипизированное представление о внешности старого человека.

Лингвокультурология в настоящее время нацелена на следующий шаг – сопоставить план прагматический, т.е. описать модальную организацию высказывания, конвенционализированные типы речевого поведения при употреблении фразеологизмов, стилистические ограничения и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уорф, Б. Л. Отношение нормы поведения к мышлению и языку / Б. Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1960. – Вып. 1. – С. 61 – 97.
2. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: URSS, 2010. – 408 с.
4. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2015. – 456 с.

5. Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 260–265.
6. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 13–24.
7. Телия, В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия // Логика, методология, философия науки: тез. докл. – М. : Обнинск, 1995. – С. 102–104.
8. Ковшова, М. Л. Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры / М. Л. Ковшова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии. – М : Культурная революция. – 2016. – С. 468–498.
9. Доу, Ч. Фразеология и ее классификация в русской и китайской филологии / Ч. Доу // Вестн. Орлов. гос. уни-та. – 2015. – № 5 (46). – С. 284–287.
10. Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЛЕКСРУС, 2015. – 1168 с.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.
12. Мокиенко, В. М. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стереотип. – СПб. : Изд-во СПбГУ ; Фолио-пресс, 2001. – 704 с.
13. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка / Л. А. Лебедева // Краткий тематический словарь. – Краснодар, 2003. – 300 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 05.09.2016.
15. Филимонова, Е. Н. Символика животных в переводных произведениях. «Священные» животные: На материале переводов с корейского и китайского языков / Е. Н. Филимонова // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 51–82.

А. И. Куляпин (Барнаул, Россия)

«РУССКОЕ» И «СОВЕТСКОЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ В. М. ШУКШИНА

Со школьных времен у будущего писателя сформировался устойчивый интерес к географии, ставшей одним из его любимых учебных предметов. Впоследствии биография Шукшина – режиссера и актера – будет связана уже не с виртуальными, а с настоящими путешествиями по многим городам Советского Союза и Европы.

Хотя в своих произведениях Шукшин чаще всего использует подлинные топонимы, его географическая топонимика далека от реальной.

Поэтика раннего Шукшина ориентирована на соцреалистический канон, что определило сильную степень идеологизации его рассказов начала шестидесятых годов. В них предстает специфически советская картина мира, единое гомогенное советское пространство. Даже если действие рассказа развивается в далекой сибирской деревушке, в тексте незримо присутствует образ всей советской страны – «весь СССР». Так, в частности, организовано художественное пространство рассказа «Светлые души» (1961), в котором Михайло Беспалов объясняет жене насущную потребность в рекордных урожаях пшеницы: *Весь СССР прокормить – это... одна шестая часть* [1, с. 74].

Формула «СССР – одна шестая часть земли» своей популярностью во многом обязана стихотворению С. Есенина «Русь советская» (1924).

*Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь»* [2, с. 24].

«Русь советская» – очевидный оксюморон. Есенин парадоксально соединяет древность с современностью, национальное с интернациональным, русское с советским. Нечто подобное можно будет обнаружить и в творчестве Шукшина, но пока, в рассказе «Светлые души» писатель создает образ однородно советского пространства.

Впрочем, спустя всего несколько лет Шукшин уже иронизирует по поводу стереотипов официальной литературы, оказавших столь заметное влияние на его первые произведения.

Герой рассказа «Непротивленец Макар Жеребцов» (1969) подобно Михайле Беспалову из «Светлых душ» мыслит масштабами всей советской страны:

*Макар подходил к пряслу, вешал свою сумку на колышек, закуривал.
– Сколько у нас, в СССР, народу?
Старуха не знала.
– Дьявол их знает, сколько? Много небось.
– Много. – Макар тоже точно не знал, сколько. – И всем надо выдать пенсию...* [3, с. 28].

Для Макара Жеребцова, как и Михайло Беспалова, СССР – некая абстракция: «много» и «одна шестая часть» в данном случае инвариантные понятия. Разница в том, что беспокойство Макара за всех жителей страны притворное. Абсурдна его реплика о необходимости выдать пенсию «всем», ведь получается, что каждый гражданин СССР – пенсионер, каждый находится на иждивении у государства. При этом показушная забота обо всех – это повод не заботиться о каждом.

В написанной в 1966–67 гг., но опубликованной лишь в последний год жизни писателя повести-сказке «Точка зрения» пародируется знаменитая строчка из «Авиамарша» Ю. Хайта и П. Германа: *Мы рождены, чтоб сказку сделать былью*. Жест для тех времен достаточно смелый. В одной из сцен повести «некто хромой и бойкий» рассказывает Пессимисту про «волшебный мир»:

– *Кстати, что это за волшебный мир? Что вы там делаете?* – поинтересовался Пессимист.

– *Мы хотим жизнь превратить в сказку!*

– *Да?*

– *Да!*

– *Хотел бы я знать, как вы это болото превратите в сказку. Бульдозерами, что ли? Засынете?*

– *Это не ваше собачье дело! – почему-то вдруг обозлился Некто* [4, с. 286].

Сходство между «волшебным миром» повести и «страной чудес» (как частенько называли СССР) не только в самом стремлении превратить жизнь в сказку, но и в средствах достижения цели, а самое главное, в специфичности этой сказки. *Видите ли, в той сказке, которую мы хотим создать, предполагаются... как бы это выразиться... представители темных сил, что ли,* – разъясняет Некто. Довершает картину признание «хромого и бойкого»: *В нашем волшебном мире <...> много пьют* [Там же, с. 286].

Подобно многим современникам, к неприятию советского строя Шукшин придет после разоблачения сталинского культа личности на XX съезде КПСС. До 1956 года он склонен не замечать противоречий между русским и советским. Будучи членом бюро ВЛКСМ постановочного факультета ВГИКа, Шукшин активно участвовал в борьбе с увлечениями западной культурой. В письме к И. П. Попову (ориентировочно датируется 1955 г.) Шукшин сетует: *Попробовал развернуть кампанию против стиляг – в райкоме получил благодарность, в институте врагов*. Поразительно, но, включившись в комсомольскую антизападническую агиткампанию 1954–1955 гг., Шукшин отстаивает культуру даже не России, а Руси. В незаконченной статье «Мода...» (1969) он вспоминал то время: *Я, например, так увлекся этой борьбой, так меня раззадорили эти “узкобрюшники”, что, утратив еще и чувство юмора, всерьез стал носить... сапоги. Я рассуждал так: они копируют Запад, я “вернусь” назад, в Русь* [5, с. 42].

В 1970 г. Шукшин делает в рабочей тетради запись, в которой со всей откровенностью выразил свою боль за судьбу страны: *Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую* [6, с. 316]. Именуя Советский Союз Русью, писатель перебрасывает мостик из древней истории в современность.

Вообще Шукшин склонен к циклизации исторических событий. Студент-заочник Николай из раннего рассказа Шукшина «Экзамен» (1962) воспроизводит в ответе шаблоны «дурацкого», по определению профессора Григорьева, предисловия к «Слову о полку Игореве»: *...Князья были разобщены, и... В общем Русь была разобщена, и когда половцы напали на Русь...* [7, с. 90]. С оценкой профессора нельзя не согласиться, что не отменяет правоты неведомого автора предисловия. Более того, к середине XX века разобщенность в русском обществе стала еще глубже.

Необычность хронотопической модели Шукшина заключается в том, что при максимальном ослаблении горизонтальных связей связи вертикальные в ней очень прочны. В советском социуме начала шестидесятых люди разьединены, но зато они с легкостью отождествляют себя с обитателями Киевской Руси. Профессору Григорьеву на берегу Днепра кажется, что он «там ходил когда-то. Давно. Во времена Игоря» [7, с. 93], а студент-заочник настойчиво отождествляется и с автором «Слова...», и самим князем Игорем.

Хрущевская «оттепель» стала катализатором процесса утраты советской идентичности и стимулировала поиски какой-то иной ее формы. Шукшинская «Русь» – это как раз попытка конструирования идентичности нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шукиин, В. М.* Светлые души / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 1. – С. 71–76.
2. *Есенин, С. А.* Русь советская / С. А. Есенин // Собр. соч. : в 5 т. – М. : Худож. лит., 1967. – Т. 3. – С. 21–24.
3. *Шукиин, В. М.* Непротивленец Макар Жеребцов / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 5 – С. 28–33.
4. *Шукиин, В. М.* Точка зрения / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 3. – С. 262–298.
5. *Шукиин, В. М.* Мода... / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 9. – С. 41–42.
6. *Шукиин, В. М.* Рабочие записи / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 8. – С. 310–328.
7. *Шукиин, В. М.* Экзамен / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 1. – С. 89–95.

Л. М. Лещева (Минск, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализ публикаций и конференций за последние два десятилетия свидетельствуют о «фразеологическом буме» в современной лингвистике. В сообщении предпринята попытка, с одной стороны, выяснить причины резко возросшего интереса к фразеологии, с другой – в какой-то мере восполнить имеющийся пробел в установлении особенностей научных подходов к изучению фразеологических единиц в современных лингвистических парадигмах.

Фразеологизмы – структурно сложные и противоречивые единицы: функционально они могут быть эквивалентны словам, но не являются ими; включают в себя обычно нейтральные слова, но сами, как правило, стилис-

тически маркированы; являются раздельнооформленными, т.е., состоят из слов, но могут не подчиняться правилам синтаксической сочетаемости; являются словосочетаниями, но воспроизводятся в готовом виде, а не в результате действия правил порождающей грамматики; характеризуются постоянством лексического состава, но при этом не исключается и его определенная вариативность; существуют и регулярно воспроизводятся на протяжении веков, но могут не соответствовать лексическим и грамматическим нормам языка; образуют достаточно закрытую подсистему языка, но с трудом поддаются определению и классификации в силу своего разнообразия и множества параметров описания и т.д.

Для обозначения этих особых языковых единиц имеется целый терминологический калейдоскоп, где каждый термин отражает фокусирование исследователя на их разных аспектах: *фразеологизмы, фраземы, фразеологические обороты, идиомы, клише, сочетания-фразеосхемы, фразовые лексические единства, словокомплексы, многословные номинативные словосочетания* и др., а также, в случае включения в этот разряд и коммуникативных единиц паремиологического характера – *пословицы, поговорки, афоризмы, штампы, крылатые слова, максимы, гномы, парадоксы* и т. д., хотя это остается предметом научных дискуссий. В национальных языках могут наблюдаться также идиоэтнические виды фразеологизмов, например, в китайском – так называемые, *недоговорки* «сехоу-юй» – двучленные предложения, в которых первая часть представляет собой иносказание, вторая – его раскрытие: 当天一道裂 – 日月难过 ‘трещина поперек неба – солнцу и луне трудно перейти’ (о трудных временах).

В европейской лингвистической традиции такие словосочетания называют, прежде всего, зонтичным термином *фразеологические единицы* (или *фразеологизмы*).

В советской структурной лингвистике фразеология рассматривалась, прежде всего, как составная часть лексикологии, а фразеологизм – как единица лексического или, реже, лексико-фразеологического, уровня, поскольку фразеологизмы функционально и семантически находятся ближе к слову. Соответственно, и все описание фразеологических единиц базировалось, главным образом, на таких характеристиках, свойственных слову, как *мотивированность, структурная модель, семантическое ядро, частеречное значение*, а также *коллокация*. Именно структурная лингвистика, владеющая методами и приемами детального исчисления и описания объекта языковой структуры, первой попыталась не просто составить инвентарь и изучить происхождение *фразекон* как особой части лексикона, что частично имело место в доструктурном языкознании, но и, это самое главное, описать его характеристики и классифицировать.

Объектом исследования фразеологии в рамках структурного лексикологического подхода были и остаются, прежде всего, такие вопросы, касающиеся сущности фразеологизмов, как *классификация фразеологизмов* с точки зрения степени их семантической слитности, структуры, функциональной

эквивалентности какой-либо части речи, происхождения, особенностей лексического состава; *вариативность*; *синонимия*, *антонимия*, *полисемия фразеологизмов* и др.

В 70-е годы прошлого столетия фразеология нашла свое место и в европейской лингвистике, где изучение фразеологии во многом продолжало традиции советской фразеологической школы.

Вместе с тем О. Есперсен еще в 30-е годы одним из первых обратил внимание на отсутствие четко выраженных границ между лексикологией и синтаксисом, и его замечания о лексикализации отдельных предложений нашли отклик в *трансформационной / генеративной*, или *порождающей грамматике*, хотя в целом исследование фразеологизмов не находится в центре этой теории. Однако вклад этой лингвистической школы во фразеологию оказался весьма значимым, поскольку в центре ее внимания была плодотворная дискуссия о таких важнейших свойствах фразеологизмов, как *нетрансформируемость*, *конвенциональность* и *некомпозициональность*, т.е. их семантической невыводимости из значений синтаксически комбинируемых частей. Моделирование характера разрешения нашим сознанием этих свойств некомпозициональности фразеологизмов важно как для теоретического, так и для прикладного языкознания. Нельзя не заметить, что генеративная грамматика снова, хотя и на новом уровне, возвращает исследователя к проблеме *коллокаций* и *межуровневого взаимодействия информации*, проблеме *лексических и синтаксических ограничений*, которые поднимались и в структурной фразеологии.

Так же, как генеративная лингвистика, *коммуникативная и дискурсивная* парадигмы лингвистических исследований расширили традиционный круг вопросов, рассматриваемых фразеологией. К их числу можно отнести, например, такие, как функционально-коммуникативное разнообразие фразеологизмов; приемы преобразований фразеологизмов, их функционально-коммуникативное назначение в разных видах дискурса; речевые ошибки в сфере фразеологизмов, их природа и классификация и др.; имеется целый ряд интересных и принципиально новых работ, основанных на использовании теорий речевых актов, хотя они могут быть применены, главным образом, к достаточно ограниченному классу фразеологизмов, выполняющих коммуникативную функцию. Тем не менее коммуникативные теории могут быть шире применены при изучении вопросов *иллокутивной силы и дискурсивной вариативности фразеологизмов*, когда эти двухплановые по своей природе единицы приобретают в дискурсе еще один, третий, план для реализации разного рода импликатур.

В *когнитивной лингвистике*, в целом разделяющей с генеративной лингвистикой Хомского программу лингвистических исследований, *идиома* видится не просто как сложный концепт, отражающий определенную ситуацию, но как *фрейм*, репрезентирующий прототипическую категорию целого класса ситуаций, связанный сетевыми отношениями с другими концептами. Идиоматичность номинативной единицы обеспечивается ее одновременной

прочной связанностью с несколькими схожими концептуальными структурами, и именно поэтому она всегда сохраняет свое двойное прочтение. Учитывая способность идиом конструировать и манипулировать моделями образности, когнитивные лингвисты, в отличие от генеративистов, вполне допускают наличие у них такого свойства, как *креативность*.

Известно, что язык как универсальное средство означивания мира способствует сохранению и трансляции *общего запаса культурных ценностей*, и в наиболее концентрированном виде он представлен во *фразеологическом фонде*. Соответственно, целями *лингвокультурологии*, возникшей на рубеже XX и XXI веков, являются установление образно-речевых стереотипов лингвокультуры, реконструкция языковой картины мира и национальных ценностей, выявление универсального и идиотнического в лингвокультуре разных языков.

Таким образом, причина «фразеологического бума», наблюдаемого в последние два десятилетия, – в широких возможностях современных лингвистических направлений принципиально по-иному осветить пласт фразеологических единиц, что дает всем исследователям надежду увидеть и интерпретировать их новые свойства.

Н. Н. Миронова (Москва, Россия)

РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Понимание мультимедийной (полимодальной) природы дискурса закономерно вытекает из положений современной семиотики, в соответствии с которой любой вид коммуникации считается мультимодальным. Знаковые системы, вариативность которых обусловлена каналом репрезентации, актуализируются в коммуникации в виде кинесики, звукового ряда и видеоряда, речевых форм (устных и письменных), что, в свою очередь, образует определенные модусы и их сочетания [1; 2; 3; 4].

Современная лингвистика включает в себя немало проектов, которые находятся в активной стадии разработки, это, например, изучение мультимодальности аудиовизуальной коммуникации (театральных спектаклей, фильмов, телевидения), – тех видов творческой интеракции, которые весьма близки к повседневной коммуникации. Мультимодальные продукты художественного творчества проходят несколько этапов, что находит свое выражение в создании сценариев, основанных на художественном производстве. Вариативность сценариев для телевидения, театра, художественного фильма одной этнокультуры усиливается при их переводе на языки иных этнолингвокультур: передача смыслов выходит на первый план. При этом создатели мультимодального продукта на другом языке должны учитывать все культурные различия, передаваемые благодаря кинесике. Речь идет

о реконструкции культурных феноменов, включая исторические, идеологические, политические, ментальные, бытовые (социальные), возрастные. Таким образом, объединение всех названных различий приводит к расширению области исследования дискурса – понятие «мультимодальный дискурс» позволяет создать знаковое пространство, структурно более сложное, чем пространство текста.

Богатый материал для исследования художественного творчества в аспекте полимодальности представляет русская литература. Комедия М. А. Булгакова «Иван Васильевич» (1937), экранизированная много позже, обладает знаковыми системами разных исторических эпох, на их вариативности основывается комический эффект, выражающийся и в визуальном, и в вербальном пространстве при смене культурных кодов эпохи (одежды, манер, набора речевых средств).

Приведем пример полимодального переводного дискурса на материале пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». Премьера состоялась в Венском театре в 1916 году. Л. Фейхтвангер [5], первый рецензент спектакля, отметил закрепившееся на долгие годы понимание «импрессионистской» техники А. П. Чехова как одного из главных направлений в театральной критике. В 2009 г. состоялась премьера пьесы «Вишневый сад» в Ганновере. Изменилась презентация объектов в пространстве спектакля: декоративное убранство весьма условно – оно построено по правилам минимализма с целью показать бедность поместья. Но введены некоторые новые приспособления, наделяемые семиотикой движения, например, вентилятор. Он начинает работать в конце спектакля и увлекает за собой Лопахина как бесстрашного пионера авиации, который на одномоторном самолете улетит в новое время.

Еще одна премьера пьесы «Вишневый сад» датируется 16 января 2010 года. На сцене театра в г. Штутгарте режиссер Михаэль Тальхаймер поставил пьесу, используя новый перевод Томаса Браша [6]. Пьеса пессимистична: фатальность исторической слепоты очевидна. «Wer nichts leistet, muss weg!» – Кто ничего не делает, должен уйти! Тому не место в новом капиталистическом мире Лопахина. Театральные критики подчеркивают, что пьеса получилась «грандиозно комичной», «чеховские персонажи говорят и чувствуют «мимо друг друга». Они даже молчат «мимо друг друга» [7]. В переводе Т. Барша используются интерпретации российских реалий, как следствие этого возникают иные интонации: чеховские нюансы и намеки были заменены на немецкую основательность в суждениях, модус поменялся.

У. Вайнцирль дает отрицательную оценку постановке на том основании, что «Вишневый сад» из пространственной *внешней* метафоры (сад – страна) стал *внутренней* метафорой, от этого безысходность героев пьесы усилилась. Критик высказывает суждение о том, что деловой подход режиссера постановки гиперболизирует состояние внутренней деградации героев [8]. Благодаря этому изменяется модус повествования художественного произведения.

Анализ театральных постановок поднимает вопрос о вариативности понимания данного произведения. Пьеса «Вишневый сад» – это лирическая драма, трагедия, комедия? Какому литературному направлению она принадлежит: натурализму, декадентству, символизму (противоположными по своей сути)? Вот те теоретические вопросы в области литературоведения, которые волнуют не одно поколение немецких и швейцарских славистов в университетах Штутгарта, Ганновера, Тюбингена, Базеля. В исследовательских студиях было показано, что в пьесе А. П. Чехова есть черты и натурализма, и декадентства, и символизма.

Чеховские реалии («вечный студент», «недотепа», «враздробь» и др.) не поддаются буквальному переводу. Замечу, что в отношении передачи лексемы *недотепа* на английский и японский языки в течение ста лет длилась дискуссия о том, как правильно передать смысл этого просторечного слова. Подобная национально-специфическая семантика привлекает к себе особое внимание переводчиков. Оценочная семантика варьируется от ироничной до отрицательной.

Весьма примечательный мультимодальный вариативный материал дают пьесы Б. Брехта на европейской и русской сцене.

Таким образом, рецепция и интерпретация мультимодальных дискурсов суть реконструкции этнолингвокультурологического вида, они вполне вписываются в современную парадигму исследований когнитивных, вербальных и кинетических составляющих коммуникации (интеракции субъектов общения) и репрезентации (положения субъектов и объектов в пространстве).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Deppermann, A.* Multimodal participation in simultaneous joint projects: Interpersonal and intrapersonal coordination of paramedics in emergency drills / A. Deppermann // *Multiactivity in social interaction: Beyond multitasking* / Haddington [u.a] (Hrsg.) – Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2014. – P. 247–281.
2. *Heidtmann, D.* Multimodalität der Kooperation im Lehr-Lern-Diskurs: Wie Ideen für Filme entstehen / D. Heidtmann // *Studien zur deutschen Sprache* – 2009. – S. 157–163.
3. *Kress, G.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication / G. Kress, T. van Leeuwen. – London : Arnold, 2001. – 142 p.
4. *Kress, G.* Multimodality: a Social Semiotic Approach to Contemporary Communication / G. Kress. – London : Routledge, 2010. – 242 p.
5. Lion Feuchtwanger: Die Biographie [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://books.google.ru/books?id=9T_AAwwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false. – Дата доступа : 15.09.2016.
6. *Tschechow, A.* Der Kirschgarten. Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch / A. Tschechow. – Frankfurt a.M., 1985. – 81 S.

7. Der innere Kirschgarten ist abgeholzt // Die Welt [Электронный ресурс]. – 19.10.2010. – Режим доступа : <https://www.welt.de/kultur/theater/article5903238/Der-innere-Kirschgarten-ist-abgeholzt.html>. – Дата доступа : 10.09.2016.
8. Die Entkirschten Thalheimers Stuttgarter Tschechow // Frankfurter Allgemein [Электронный ресурс]. – 18.01.2010. – Режим доступа : <http://www.genios.de/presse-archiv/artikel/FAZ/20100118/die-entkirschten-thalheimers-stuttg/FD1201001182572153.html>. – Дата доступа : 10.09.2016.

О. А. Сулейманова (Москва, Россия)

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГОРОДА КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современное урбанистическое пространство с лингвистической точки зрения в норме представляет собой мультикультурное, многоязычное образование, в котором проживают как резиденты страны с различным этническим происхождением (и часто билингвальным статусом), так и иностранные граждане, по долгу службы и работы проживающие в Москве (так называемые экспаты), а также туристы, поток которых увеличивается с каждым годом, – это с необходимостью определяет и лингвогеографический образ города.

Комфортное существование всех этих групп людей и успешное межкультурное взаимодействие предполагает создание для них комфортной информационной среды, которая главным образом обеспечивается за счет языкового сопровождения их пребывания в иноязычной среде. В первую очередь среда создается системой городской транспортной навигации, навигацией культурно-социального сопровождения и др.

В связи с этим особое значение приобретает выработка прозрачной языковой политики в данной области, а именно:

- 1) анализ целевой группы, для которой выстраивается информационное лингвистическое сопровождение;
- 2) определение задач, которые будет решать данная система лингвистического сопровождения;
- 3) выбор *lingua franca* межкультурной коммуникации и обоснование такого выбора;
- 4) выбор системы передачи информационного контента на язык межкультурной коммуникации.

Иными словами, одной из основных задач видится определение целевой группы, которую в данном случае составляют неносители русского языка, среди которых туристы, экспаты (иностранцы-специалисты, работающие, например, в Москве и в большинстве своем слабо знающие русский язык) и их семьи, многочисленные деловые партнеры российских компаний. В основном это люди, владеющие либо своим родным (одним из европейских

языков), либо в той или иной степени английским языком как языком международного общения. В силу того, что большинство европейских языков основано на латинице, а русский язык – на принципиально отличной системе письма – кириллической (или кирилловской), иностранец не способен в принципе прочесть русскоязычные указатели. Опыт многолетнего взаимодействия с европейскими коллегами-лингвистами показывает, что даже они готовы отказаться от поездок в Россию без специального сопровождения именно по этой причине. Задача создания некоторой упорядоченной системы «перевода» русскоязычной кириллической навигации на понятный иностранцу искусственный язык представляется как никогда актуальной в эпоху разворачивания интенсивного межнационального взаимодействия. Турист приезжает в страну не только с целью посмотреть на достопримечательности. Новые развивающиеся виды путешествий ориентированы на интеграцию – пусть на короткий момент – в повседневную жизнь местных жителей, с тем чтобы понять, как «здесь люди живут». Это возможно только в попытках установить межличностные контакты, а иными словами, практически осуществить такую широко декларируемую гуманитарную ценность, как межкультурная коммуникация. Из этого следует, что речь идет о взаимодействии, предполагающем отправителя сообщения и реципиента, или иностранца и местного жителя. Такое взаимодействие в принципе опирается на различные комбинации следующих речевых действий:

- иностранец – прочтение и произнесение указателя;
- реципиент – понимание и ответ (в различных комбинациях).

Данный формат межязыкового взаимодействия требует такой репрезентации указателя, чтобы он звучал понятно для местного жителя, «подвернувшегося» проходящим мимо по московскому дворику заблудившимся иностранцам. Как хорошо известно из теории и практики перевода, репрезентация указателя в таком случае приобретает вид транслитерации / транскрипции / калькирования либо их сочетания. Нужно сказать, что на данный момент, например, в Москве практически отсутствует иноязычное сопровождение после неудачной поспешной попытки транслитерировать названия объектов транспортной навигации – названий московских улиц. Как представляется, лингвистическое и, в частности, иноязычное сопровождение безусловно требует внимания прежде всего со стороны лингвистов.

Помимо названий улиц область интереса для потенциальных реципиентов представляют наименования социально и культурно значимых объектов города, например, названий театров и музеев. Эти объекты даже в англоязычном варианте отсутствуют, например, на картах Google, что делает данные объекты – несмотря на их чрезвычайно высокую значимость для адекватного представления о культуре страны – «невидимыми» для иностранца.

Что касается передачи латиницей русских указателей, выделим здесь несколько проблем. (Мы не рассматриваем очевидно ошибочные варианты, например, на Тверской (!) улице: при правильности обозначения почему-то существовало очевидно ошибочное обозначение *2st – тогда как хорошо известно, что сокращенное обозначение для *второй* в английском языке – 2nd.)

Прежде всего возникает вопрос о том, какой иностранный язык (очевидно на основе латинского алфавита) может служить в качестве *lingua franca* для иноязычного сопровождения по европейскому мегаполису. По всей видимости, в качестве такого языка удобным будет английский язык при условии выстраивания системы транслитерации, соответствующей задачам городской навигации. Как известно, в настоящее время в информационном поле Российской Федерации сосуществуют (и конкурируют с различной степенью успешности) несколько стандартов транслитерации. Ситуация осложняется также и тем, что сегодня на различных сайтах в Интернете также предлагаются стандарты транслитерации, причем основанные часто на различных принципах. Действительно, выбор стандарта в значительной степени определяется той задачей, которую он призван решать. Так, распространенные в РФ стандарты в ряде случаев предназначены для решения, например, библиографических задач, для специалистов по библиотечному делу, для лингвистов и ученых в других областях знания; они включают диакритические знаки, которые для неакадемической среды не представляются вполне прозрачными и тем самым не способствуют решению задачи навигации «на улице». Это означает, что для создания системы транслитерации необходимо исследовать существующие стандарты транслитерации на предмет выбора оптимального из них, тестировать выбранную систему на хорошем репрезентативном материале, в том числе и с привлечением носителей разнообразных языков (желательно не только европейских), и в конечном итоге выработать однозначную систему транслитерации для навигации в городе, которая позволит решить данную задачу.

Таким образом, ясное представление о целевой группе, о задачах, решаемых создаваемой системой городской навигации, правильное определение языка системы навигации (в нашем случае очевидно английского), а также выбор системы транслитерации, адекватной поставленным задачам, позволяют надеяться на создание успешной системы, способной оптимально решать поставленные задачи.

Е. Г. Тарева (Москва, Россия)

«МЯГКАЯ СИЛА» МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях усиления тенденций многополярности мира, ужесточения межнациональных конфликтов и непримиримости разногласий между странами переосмыслению подлежат технологии межкультурного образования, в пределах которого происходит подготовка человека к участию в диалоге культур, при котором оба участника не лишаются национальной идентичности и осознают друг друга как носителей разнотультурных представлений. В этом смысле межкультурное образование может и должно рассматриваться как инструмент «мягкой силы», действие которой активно проявляется в контексте глобальных геополитических трансформаций.

Канонически «мягкая сила» определяется как способность государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей привлекательности политического курса и эффективности политических институтов [1].

Инструментом мягкой силы, ответственным за формирование человека, является система образования. Соответствующий ее потенциал изучается давно и весьма успешно (Д. Н. Андросова, Н. Н. Большова, В. А. Масич, А. В. Торкунов и др.). Многие государства делают ставку на систему образования, видя в ней модель, привлекательную для потенциальных потребителей, транслирующую образ жизни, ценности, установки, присущие определенному обществу. В этом случае ставится вопрос об «экспорте» образования – распространении идей и идеологии, присущих определенному социуму/государству, посредством образовательных процессов и явлений в образовательном континууме, в ходе обучения предмету, освоения специальности, в контексте определенного направления подготовки. Примером такой образовательной экспансии может служить распространение доминирующего иностранного языка (сегодня, как общепризнанно, английского), который транслирует (порой насаждает) культурные ценности, и сам, по сути, стремится стать такой ценностью.

Университет сегодня по праву может считаться не только системой, нацеленной на подготовку молодого поколения к жизни в профессиональном социуме, но и площадкой для применения «мягкой силы». В этом особая миссия высшей школы – служить идеологическим камертоном, воздействовать на умы, помогать укреплению и/или созданию ценностной палитры, способствующей обеспечению безопасности жизни государства и общества, а также человека в системе окружающих его факторов нестабильности и неопределенности.

Осознавая это, принципиально важно учитывать возможные риски применения образовательной системы в качестве механизма «мягкой силы». Весьма вероятны негативные эффекты, проявляющиеся в виде обострения борьбы за право определять нормативную составляющую мирового порядка в структуре образовательных стандартов и программ. Возникает среда для непродуктивной и чреватой негативными последствиями конкуренции ценностей в ходе преподавания предметного содержания.

В таких условиях весьма важно с осторожностью использовать подходы и стратегии, которые потенциально могут вызвать негативные эффекты от применения образования в качестве инструмента «мягкой силы». В этой связи уместно остановиться на том, каким образом с течением времени развивается идея обучения иностранному языку в его (языка) взаимодействии с транслируемой им культурой, дабы оценить потенциал культуросообразных образовательных моделей, лежащих в основе технологий «мягкой силы».

В настоящее время тезис о неотделимости изучения иностранного языка от ознакомления обучающегося с культурой страны, ее историей, социокультурными традициями, особенностями национального видения мира народом-носителем является общепризнанным в методике преподавания. Достаточно долгое время, вплоть до сегодняшнего дня полагалось, что на занятиях должна транслироваться культура страны изучаемого языка. Тому способствуют и лингвокультурологический, и лингвострановедческий, и социокультурный подходы, в рамках которых родная культура служит *средством* постижения *иной* картины мира, обеспечивающим снятие трудностей, выявление зон культурной интерференции, определение культурных лакун и пр. Студенты осваивают безэквивалентную лексику, фоновые знания и через них знакомятся с национальными обычаями, традициями, реалиями страны изучаемого языка.

При этом предполагается, что свою родную культуру студенты знают досконально и не испытывают потребности в расширении соответствующей картины мира. Налицо центрация обучающихся усилий исключительно на культуре иной страны, что порой приводит к присвоению студентами (чаще произвольному) идеи уникальности осваиваемой культуры, ее исключительности и даже превосходства по сравнению с культурой родной страны. Возникают условия для утверждения этноцентризма, способного привести к замещению в аксиосфере обучающегося родных ценностей иными установками, к интериоризации иного образа жизни, других ценностей. Именно таким образом способна себя проявить «мягкая сила» в ее разрушительном для личности воздействии.

Между тем идея взаимосвязи языка и культуры, столь привлекательная в системе иноязычного образования, может послужить истинным, а не мнимым инструментом воздействия на умы с целью формирования гражданской позиции и одновременно готовности к жизни в поликультурном и многоязычном пространстве. Речь идет об учебной ситуации, в которой обеспечивается подлинное равноправие культурных данностей, взаимно пересекающихся, диалогически взаимодействующих, дополняющих друг друга, но при этом не выпячивающих достоинства одной в ущерб другой.

Такая ситуация может быть создана при условии применения к обучению иностранному языку *межкультурного подхода*, который во многом переворачивает традиционные устои и коренным образом меняет представления о том, как обучать иностранному языку в его взаимодействии с культурой. Происходит изменение привычного образа объекта овладения, выраженного бинарными формулами «язык ↔ страна», «язык ↔ культура», «иностраный язык ↔ родной язык», «родная культура ↔ иная культура». Такой примитивизм отношений усложняется, образуя множественные образовательные орбиты, которые, пересекаясь и взаимодействуя, вовлекают все эти явления в единое пространство. В результате происходит отказ от традиционной необратимой последовательности линейной формулы «знакомство с фактом иной культуры → перенос его в родную культуру →

сопоставление фактов двух культур → усвоение факта иного лингвосоциума». Реализуется движение обучающегося скорее по расширяющейся спирали, обеспечивающей цикличность следующих процессов: (1) знакомство с фактом иной культуры, → (2) перенос его в родную культуру и осознание особенностей последней → (3) переоценка (постижение, осознание) факта родной культуры → (4) возврат с позиций (3) к факту иной культуры и его переосмысление на основе сопоставления с новым знанием о родной культуре → (5) переосмысление на базе (4) факта родной культуры, но уже с позиций не своего «я», а представителя иного лингвосоциума → (6) признание фактов двух культур как полноценных равноправных, несовпадающих и отражающих различные картины мира представителей различных лингвосоциумов.

В этой сложной когнитивной деятельности обучающийся меняет привычный для него образ восприятия окружающей действительности, но не в пользу какой-то одной культурной данности – родной или иной, а в пользу признания многополярности окружающего пространства. Важно избегать негативных оценочных умозаключений, способных привести к конфронтации представлений, к конфликту ценностей, к еще большему дистанцированию объективно существующих противоположностей: «Я–не Я», «свое–чужое», «мы–они». Данные противоположности оказываются во взаимном пересечении, при котором изучаемый объект (факт культуры, вербализованный иностранным языком, а значит, материализованный, пусть умозрительно, в сознании обучающегося) не единожды пропускается студентом сквозь призму своего опыта. Такая деятельность, весьма насыщенная по комплексу операций, способна сформировать тот образ своего мира и чужой / иной реальности в их диалогической взаимосвязи, который так востребован в современном мире, полном ксенофобии и националистических проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Най, Дж.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най. – М. : Тренд, 2006. – 397 с.

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА

Н. А. Басилая (Тбилиси, Грузия)

ТЕКСТЫ ГЛАМУРНЫХ ЖУРНАЛОВ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ МЕТАФОРИЧЕСКАЯ БИНАРМА

Текст и заглавие в журналах развлекательного типа представляют собой целостное содержательное единство: заглавие, благодаря своей сильной позиции в тексте, органически входит в его художественную структуру, занимая особую синтаксическую позицию и выступая как неотъемлемая часть текста, «выдвинутый», ключевой его компонент.

«Основное требование к заголовку – соответствие содержанию публикации. Его контактная функция, рассчитанная на привлечение внимания читателя, не должна входить в противоречие с функцией информационной» [1, с. 29]. Однако основное требование к заголовку – соответствие содержанию публикации – не выполняется в гламурных журналах; наоборот, основным требованием к заголовку в них является нарочитое несоответствие содержанию публикации.

«Еще одна особенность слова должна быть описана для того, чтобы лучше представить себе многогранность возможной информации, – это способность слова реализовать в высказывании не одно, а два и более значений одновременно» [2, с. 96]. Обыгрывание многозначности слова, игра смыслов, реализуемая в единстве заглавия и текста, – визитная карточка многих гламурных журналов.

В основе стратегии подбора прецедентных заголовков к рекламным публикациям в русских версиях англоязычных гламурных журналов («Glamour», «Officiële», «Elle», «Vogue», «Playboy» и др.) лежит сформулированный в свое время принцип универсальности метафорического двусловного словосочетания, или *метафорической бинармы* [3, с. 72].

Все семантические отношения в метафорической бинарме сводятся к двум составам: метафоризируемому и метафоризирующему.

Нарушенные валентные связи в бинарме восстанавливаются при ее восприятии посредством воздействия одного, метафоризирующего, состава на другой, метафоризируемый, состав: метафоризируемое слово изменяет свое основное значение, подпадая под влияние семантических связей слова метафоризирующего.

Так, например, в цветаевской метафоре *луны глаз* (*Вас притягивали луны двух огромных глаз* [4, с. 59]) слово *глаза*, сохраняя свое значение, способствует переосмыслению слова *луны*, в результате чего метафора понимается как ‘огромные, таинственные, прекрасные глаза’.

Так же и в гламурных журналах восприятие читателем единства заголовка, выраженного прецедентным высказыванием, и собственно текста, который на первый взгляд не соответствует теме, заявленной в заголовке,

выступает как универсальная метафорическая бинарма: заголовок переосмысливается, метафоризируется при обращении к тексту, играющему по отношению к заголовку метафоризирующую, способствующую этому переосмыслению роль. При этом, разгадывая метафору, построенную на использовании различных языковых тактик и стратегий, читатель вовлекается в языковую игру [5].

Между заголовками и рекламными текстами в гламурных журналах наблюдается контраст ассоциаций, вызываемых заголовками, которые предъявлялись реципиентам изолированно, и ассоциаций, вызываемых заголовками и текстами как единым содержательным целым.

Взаимоотношение заголовка и текста определяет эмоциональный эффект «столкновения» двух направлений ассоциативного осмысления содержания информации – предполагаемого и реального: *«Темные аллеи» – об актуальных духах и румянах; «Боевые подружки» – Жакет в стиле милитари уместен везде; «Низкие истины» – С чем носить шорты; «Как ни садитесь» – В баре все плетутся «кто в лес, кто по дрова». Но под достойную музыку; «Russo turista» – о секретной даче Анны Делло Руссо в Апулии.*

Языковые тактики и стратегии презентации заглавий в гламурных журналах опираются на психолингвистические процессы возникновения и направления ассоциаций в сознании читателя, в основе которых лежит принцип «расщепления» значения слова.

Нарочито закодированные заглавия, представленные в оглавлении, согласно возникающему ассоциативному ряду, могут быть восприняты реципиентами в смысле, который в тексте не подтверждается.

Восприятие читателем развлекательного журнала текстов, которые озаглавлены прецедентным высказыванием, состоит из нескольких этапов. Естественно, эти этапы искусственно вычленены, представлены, как в замедленной съемке; в действительности же процесс восприятия происходит мгновенно. Таких этапов десять:

- 1) возникновение аллюзий при прочтении прецедентного заголовка;
- 2) обращение к тексту;
- 3) осмысление содержания текста;
- 4) понимание нарочитого несоответствия заголовка и текста;
- 5) сопоставление заголовка и текста;
- 6) нахождение общих признаков, объединяющих содержание текста и прецедентного высказывания;
- 7) «расщепление» смысла прецедентного заголовка и вычленение признаков, соответствующих содержанию текста;
- 8) осознание двуплановости прецедентного высказывания:
 - а) I план – его изначальное значение;
 - б) II план – выступающие на уровне сознания ореолы, намеки, ассоциации, связанные с прецедентным высказыванием, выраженным цитатой из поэтического или прозаического произведения, названием кинофильма, речевым клише и др.;

9) осознание вступления в языковую игру, в которой читатель «разгадывает загадку» несоответствия заголовка и корректирующего его текста при помощи «правильных» ассоциаций, объединяющих прецедентный заголовок и текст;

10) «разгадка» метафорической бинармы (прецедентный заголовок + означенный им текст) благодаря содержащимся в заглавии скрытым аллюзиям.

А поскольку скрытые аллюзии, намеки, ореолы и смыслы, которые заданы в заголовке, в тексте буквально не подтверждаются, но присутствуют коннотативно, и это наиболее частая тактика гламурных журналов, читатель должен получить определенное эстетическое удовольствие от игры в «загадку» и разгадку значения заглавия при восприятии текста в соотношении с этим заглавием. Основой понимания метафорической бинармы реципиентом является частичное совпадение концептуальных систем автора и воспринимающего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, И. Р. Информативность единиц языка / И. Р. Гальперин. – М. : Высш. шк., 1974. – 176 с.
2. Литературное редактирование. Материалы для занятий: учеб. пособие / И. К. Гужова [и др.]. – М. : МГУ, 2000. – 160 с.
3. Басилая, Н. А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний / Н. А. Басилая. – Тбилиси : ТГУ, 1971. – 75 с.
4. Цветаева, М. Избранные произведения / М. Цветаева. – М.; Л. : Сов. писатель, 1965. – 812 с.
5. Земская, Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М. : Наука, 1996. – С. 157–168.

С. Е. Борзенец (Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ПЕРИФРАЗАХ, СОДЕРЖАЩИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТОПОНИМ

Категория *интенсивности* является одной из базовых языковых категорий. Так, Ш. Балли, рассматривавший интенсивность в широком смысле, утверждал, что «...количественное различие, либо различие в интенсивности, является одной из тех общих “категорий”, в которые мы вводим любые объекты нашего восприятия или нашей мысли» [1, с. 203]. Интенсивность – вид количественной характеристики признака, лексическим воплощением которого можно считать слово *очень*. Такая «усилительная» характеристика противопоставляется нейтральной, демонстрируя отклонение от «нормальной» меры. Определяя место категории интенсивности среди близких

«качественно-количественных» семантических категорий (категории меры признака, градуальности, недискретного количества), исследователи в качестве важнейшей сущностной характеристики указывают субъективно-оценочный характер интенсивности [2; 3].

Категория интенсивности находит свое яркое воплощение в *топонимических перифразах* (например, *New Orleans – America's Most European City*). Такого рода имяназачение чрезвычайно распространено в США; оно предполагает указание на какое-либо качество города, проявляющееся в значительной степени. Среди наиболее распространенных в американской топонимике средств объективации категории интенсивности – морфологические, а именно использование сравнительной и превосходной степеней сравнения (*America's Finest City – San Diego*). Широко применяются синтаксические средства: генитивные конструкции *the world's*, *of the world*, локативная конструкция *on Earth* (*Capital of the World – Washington, D.C.*). Репертуар лексических усилительных средств ограничен интенсификатами, например, *marvel* ‘чудо’, *gem* ‘драгоценность/жемчужина’, *queen* ‘королева’, *heart* ‘сердце/душа’, *jewel* ‘драгоценный камень/сокровище’, *top* ‘что-либо самое лучшее, сливки, цвет’, *treasure* ‘сокровище’, являющими собой имплицитный способ выражения интенсивности.

Перечисленные разноуровневые средства языкового представления категории интенсивности достаточно традиционны и изучены. Предметом подробного рассмотрения в настоящей работе является изучение реализации категории интенсивности в топонимических перифразах, содержащих *прецедентный топоним*: *The American Rome* (Washington, D.C.), *Venice of America* (Fort Lauderdale), *Switzerland of the Wayne County* (Northville). Оговоримся: «прецедентность» подобных топонимов, а именно их значимость «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении» [4, с. 216] не подвергается сомнению, поскольку только топонимы, имеющие «сверхличностный характер», могут входить в структуру подобных перифраз. Тем не менее степень прецедентности, как будет показано далее, имеет значение для реализации категории интенсивности.

Среди перифраз, содержащих прецедентный топоним, выделяются следующие структурные типы:

- *(the)* + имя прилагательное + прецедентный топоним, например, *Little Manila* (Daly City), *The Modern Athens* (Boston), *The Neon Babylon* (Reno);
- *(the)* + прецедентный топоним + локатив/генитив, например, *The Chicago of the South* (Decatur), *Athens of the West* (Berkeley), *Iowa by the Sea* (Long Beach), *Paris of the Plains* (Kansas City);
- инициальная часть исходного топонима + финальная часть прецедентного топонима (тип «сращение»), например, *ManchVegas* (Manchester), *G-Vegas* (Greenville).

Прецедентные топонимы, использующиеся в топонимических перифразах, – это, прежде всего, астионимы США: *Chicago*, *New York City*, *Las Vegas*, *Pittsburgh*, *Detroit*, *Berkeley*, *Denver*, *San Francisco*. Вторую по степени пред-

ставленности группу составляют наименования древних городов в период их наивысшего расцвета: *Athens, Baghdad, Babylon, Rome*. Среди прецедентных астионимов, частотность которых не столь значительна, укажем единицы *Paris, Venice, London, Manchester, Manila, Havana*.

Важно подчеркнуть, что ядром описательного именованья какого-либо города может стать не только прецедентный астионим, но также прецедентный хороним: *Switzerland of Wayne County* (Northville), *Little Sweden* (Lindsborg), прецедентный годоним: *Wall Street of the West* (Denver), прецедентный ойкодомоним: *Bastille by the Bay* (San Quentin).

Прецедентный топоним может являться средством выражения усиления признака при соблюдении следующих условий.

- Достаточно высокий уровень прецедентности топонима (коллективный, национальный или общечеловеческий [5, л. 10]) для реципиента высказывания, содержащего этот топоним. Так, возможности функционирования в качестве интенсификата снижены у астионима *Pittsburgh* (национальный уровень прецедентности) в сравнении с астионимом *New York City* (общечеловеческий уровень прецедентности) при рецепции перифраз *the Pittsburgh of the South* (Birmingham) и *New York of the South* (Atlanta).

- Выделенность качества (комплекса качеств), в репрезентации которого прецедентный топоним считается «эталонным». Так, сравнивая астионимы *Paris* и *London* (их уровень прецедентности для представителей американской культуры следует признать одинаковым), обнаруживаем, что первый в рассматриваемой культуре является эталоном высокой степени выражения признака ‘романтичность’, в то время как со вторым языковой коллектив не связывает никаких характеристик. Поэтому в перифразе *Little London* (Colorado Springs), метафорическое значение которого можно описать как «похож на Лондон во всем / во многом», прецедентный топоним не служит средством выражения интенсивности. Метафорическое значение перифраза *Paris of the South* (New Orleans) «**очень** романтичный, как Париж» содержит имплицитную сему ‘очень’, что делает топоним *Paris* лексическим средством реализации категории интенсивности.

Среди топонимов, способных выступать в интенсифицирующей функции, назовем *New York* (эталон признаков ‘большой, многолюдный, занимающий лидирующее положение в бизнесе’), *Las Vegas* (символ лидирующего положения в игорном бизнесе), *Berkeley* (символ лидирующего положения в образовательной сфере), *Athens* (эталон просвещенности и богатого архитектурного наследия), *Babylon* (символ удовольствия и аморального поведения).

Таким образом, прецедентный топоним, встраиваясь в структуру топонимического перифраза, способен выступать в роли интенсификата – лексического средства имплицитного выражения значения усиления. Функционирование прецедентного топонима ограничивается уровнем его прецедентности и выделенностью качества, эталонным репрезентантом которого он является.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балли, Ш.* Французская стилистика / Ш. Балли ; пер. с фр. К. А. Долинина ; под ред. Е. Г. Эткинда. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
2. *Родионова, С. Е.* Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий / С. Е. Родионова // Славянский вестник [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/sv2/rodionova.pdf>. – Дата доступа : 20.08.2016.
3. *Туранский, И. И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке / И. И. Туранский. – М. : Высш. шк., 1990. – 173 с.
4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. *Попадинец, Р. В.* Прецедентные имена в сознании носителя русского языка : Экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Р. В. Попадинец. – Курск, 2006. – 196 л.

Е. А. Гапанович (Минск, Беларусь)

ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОСТЬ ФРАНЦУЗСКИХ ИМЕН СОВОКУПНОСТЕЙ

В условиях непрекращающегося, но последовательного и логичного развития научной мысли и, соответственно, углубления уже существующих лингвистических теорий и методик лингвистического анализа вопросы систематизации языковых средств сохраняют свою актуальность. При отсутствии единообразного подхода к классификации значимой части речи – имени существительного – мы полагаем, что выделение такого особого разряда слов, как *имена совокупностей*, даст возможность более полно представить семантический спектр выражаемых французским языком номинальных идей. Несмотря на то, что разграничение имен собственных и нарицательных, конкретных и абстрактных, а также отвлеченных, одушевленных и неодушевленных, вещественных и собирательных является языковой универсалией, в отношении номинативного инвентаря отдельно взятого языка оно может получить своеобразное преломление.

Процесс познания окружающего мира поступательно проходит через этапы описания и обобщения фактов. При этом актуальным остается вопрос о целесообразности использования того или иного метода их научного анализа. Сложность решения нашей задачи определяется и наличием парадокса, отмеченного еще классиками: целое всегда больше «суммы частей». Не умаляя достоинства когнитивного подхода, применявшегося ранее в отношении имен собирательных и прежде всего ориентированного на человеческую когницию как взаимодействие систем восприятия, представления и продуцирования информации в слове, мы расширяем границы лингвистического исследо-

вания процесса обобщения и его результатов, объективированных в языке. Так, при исследовании межъязыковых несоответствий, к числу которых мы относим и обобщающие наименования предметы повседневной жизни и социальные категории, целесообразно использовать и гносеологический подход. В этом случае значим не только источник познания, но и активность познающего субъекта при отражении явлений внешнего мира на основе общественно-исторической практики [1, с. 64–65].

Рассмотрение обобщающих номинаций типа *patientèle* букв. *пациентура*, *les Assedics* ‘пособие по безработице’, *l'Europe* зд. ‘единая Европа’ с применением гносеологического аппарата позволит объяснить сочетаемостные и функциональные особенности подобных имен, наблюдаемые во французском языке (варьирование форм множественного/единственного числа у глагола-сказуемого, варьирование детерминантов, в том числе артиклей и притяжательных прилагательных, употребление с темпоральными предложениями и т.д.). Данные лексемы не могут быть отнесены однозначно ни к одной из традиционно выделяемых лингвистами лексико-семантических групп и находятся скорее на периферии имен собирательных. Специфика наименований совокупности лиц или предметов как сложных объектов, а именно недискретных множеств, проявляется через несколько иное обозначение, а точнее сказать через иные методы познания и обобщения, чем указание на единый и неделимый характер одинаковых или сходных лиц, однородных предметов. Поэтому для слов, подобных вышеназванным, специалисты в области германского языкознания предложили условный термин *furniture-type nouns* [2, р. 344], назвав, таким образом, гетерогенные совокупности, не имеющие минимальных элементов.

Отнесение нескольких предметов к классу совокупностей, не содержащему конечное количество элементов, происходит по принципу «фамильного сходства» с опорой на особенные топологически значимые элементы/узлы, в которых сфокусированы категориальные признаки. Связь между разнородными предметами, изначально названными именами, не связанными конкретным единством основ (или корня), фиксируется посредством общего имени. Так, имя существительное *patientèle* называет совокупность пациентов с разными личными именами, напр. *Dubois, Martin, Lebrun* и т.д., которые ранее лечились или лечатся сейчас у одного и того же врача или в одном и том же медицинском заведении. Поскольку временной параметр единства места и времени не соблюдается, свести в определенный момент или синхронизировать всех этих людей в класс пациентов (*des patients*) не представляется возможным. Именам данного типа, в первую очередь, присуща соотнесенность с разнородными лицами и предметами, функциональная связь между которыми носит регулярный или длительный характер: пособие по безработице *les Assedics* выплачивается *Association pour l'emploi dans l'industrie et le commerce, qui gère l'assurance chômage* (Французским фондом занятости) ежемесячно (не одновременно). Отсюда и возможность употребления во множественном числе без изменения денотативного значения. Примечательно, что в словаре французских реалий 2015 года *assedic* указано

как неизменяемое имя существительное (*n.m.inv.*): *Prestation versée par les Assedic (Association pour l'emploi dans l'industrie et le commerce)* [3]. В русском языке с ним коррелируют такие субстантиваты, как *суточные, проездные, квартирные*, употребляемые только в форме *pluralia tantum* со значением 'денежные выплаты'.

В семантической структуре лексемы *ensemble* 'совокупность', рассматриваемой нами как прототипической, конкретизатором выступает не признаковая сема 'характер', а 'факт' как 'реальное', что позволяет считать, что именно функционирование в единстве (заодно) является *raison d'être* целого в течение продолжительного времени: *lorsque le groupe agit comme une unité* → *fait la même chose* 'когда группа действует как единое целое и, следовательно, выполняет одно и то же'. В этом смысле французские имена совокупностей существенно отличаются от классических имен собирательных, соотносенных по принципу единства места и времени с чувственно воспринимаемым миром, природой.

Связь с фактуальной реальностью становится основополагающим критерием для выделения *furniture-nouns* из класса имен собирательных. На онтологический базис – природную сущность объектов познания – кладется надстройка – фактуальная информация, например, о социальных формациях. При этом отдельные события, не следующие друг за другом и, соответственно, на первый взгляд топологически различные, интегрируются в один целокупный факт. Так, для французов Европа – это культурно-историческая формация, название которой ассоциируется с такими социальными феноменами, как единое учебное пространство для студентов из разных стран, единая спортивная площадка с участниками из разных стран: *l'Université française à l'heure de l'Europe* 'Французские университеты в эпоху единой Европы'.

Реальность, аналитически освоенная и упорядоченная, трансформируется в мир знаний – логическое пространство субъекта познания и характеризуется присутствием в нем не столько предметов, сколько целокупных фактов, или целостных совокупностей. В отличие от русского языка, в котором данные имена появляются в результате индивидуального речетворчества и функционируют скорее как узувальные языковые единицы или специальные термины, напр., *галопом по европам*, во французском языке они включены в словари, где численное превосходство подчеркивает их лингвоспецифичность и способность представлять языковую объективацию целокупных фактов.

Инвентарь французского языка позволяет также представить исследуемое категориальное свойство материи и идей с позиции того, кто его воспринимает и, вербально выражая, осмысливает. Так, варьирование форм сказуемого (единственного или множественного числа) при подлежащем *l'ensemble* определяется не столько количеством и суммой составных частей или элементов, сколько намерением и точкой зрения говорящего субъекта. Кроме того, понятие *vue d'ensemble* 'общая картина (проблемы)' как фокус рассмотрения мира вещей позволяет включить сложноорганизованные объекты в среду, воспринимаемую целостно «изнутри».

Таким образом, во французском языке результаты осмысления реальной действительности (материальной и идеальной) могут быть представлены дифференцированно, в зависимости от того, как они воспринимаются и как познаются, в частности фактуальная информация о сложноорганизованных объектах или событиях вербализуется с помощью имен совокупностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопухов, А. М. Словарь терминов и понятий по обществознанию / А. М. Лопухов. – М., 2013. – 448 с.
2. Levin, B. Who Has More Furniture? An Exploration of the Bases for Comparison / B. Levin, S. Grimm // Mass/Count in Linguistics, Philosophy and Cognitive Science Conference [Электронный ресурс]. – École Normale Supérieure, Paris, France. Dec. 20–21, 2012. – Режим доступа: <http://web.stanford.edu/~bclevin/lsa11talk.pdf>. – Дата доступа : 10.01.2016.
3. Le dictionnaire des mots absents des autres dictionnaires. – Antidico, 2002. – 120 p.

А. А. Джигоева, О. Ф. Стрельникова (Москва, Россия)

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В АНГЛИЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КАРТИНАХ МИРА: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЭТНОСПЕЦИФИЧНОЕ

Кардинальное противопоставление универсального и этноспецифичного в языке обусловлено кардинальностью этого соотношения вне его, т.е. в окружающем нас мире. При этом поиски этноспецифичного обусловлены интересом к изучению особенного, выделяющегося из ряда обычного, и потому часто служат объектом исследования. Вместе с тем мир скорее универсален, чем этноспецифичен. Универсальны общечеловеческие ценности: добра и зла, красоты и уродства, любви и ненависти, чести, достоинства и многие другие. Универсальны в целом способы постижения мира и мысли о нем, а также репрезентации мира в языке человека, что позволяет людям постигать другие языки и обеспечивать полноценную, адекватную коммуникацию между представителями и носителями разных этнокультур и языков.

Важным для анализируемой проблематики является понятие языковой картины мира, которая включает в себя три основных компонента: мир действительности, мир мышления и мир языка [1]. При относительной универсальности всех трех компонентов специфические особенности мира мышления и, в особенности, мира языка представляют особый интерес [2].

Иными словами, говоря об универсальности мира и языка, мы, естественно, не исключаем значимости этноспецифичного компонента, который является существенным элементом общей схемы языковой картины мира, придавая ей неповторимость и оригинальность, отличая ее от всех остальных языковых картин.

Связь универсального и этноспецифичного в языке во многом детерминирована их связью в окружающем нас мире, где универсальные категории находят свое специфичное преломление в каждой этнокультуре, каждом социуме и даже в каждой отдельно взятой индивидуальной личности.

Одним из основных универсальных концептов в языковой картине мира является концепт «семья». Важность концепта и входящих в его концептосферу компонентов в языке обусловлена тем, что соответствующие им денотаты и явления значимы вне его, т.е. в реальном мире. Кардинальность и значимость феномена семьи в мире неоспорима, хотя и находит свое специфичное преломление в каждой отдельной этнокультуре и достаточно ярко репрезентирована в языке – все известные языки полно и многообразно представляют лексикон, отражающий концепт «семья».

Особое место в этом смысле занимает метафорическая репрезентация концепта семьи. Метафора, трактуемая нами как «любой способ косвенного выражения мысли» [3, с. 296], или концептуальные метафоры – которые понимаются как «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [4, с. 24], – этноспецифична, ибо она отражает вторичные значения семантики слова, которые составляют специфику языкового знака, часто не находят прямого коррелята в окружающем нас мире и наслаиваются на основную, денотативную часть и образуют его идиоэтнический или идеосемантический компонент [5].

Денотативный же компонент, в свою очередь, является обычно носителем первичного значения слова и соотносится с конкретным денотатом в окружающем нас мире. Поэтому денотативные значения по большей части, универсальны.

Метафора как носитель переносного, вторичного значения приобретает в силу этого исключительно этноспецифичный характер. Тому, как метафорический концепт семьи и составляющие его компоненты представлены в английской и американской этнокультурах и находят соответствующую языковую репрезентацию, посвящено настоящее исследование.

Частной областью представленности концепта «семья» и всей связанной с ним концептосферы выступает политический текст. Универсальность данного концепта в мире позволяет говорить об универсальности метафоры семьи в политической риторике лидеров самых разных государств. Интересным представляется анализ особенностей использования метафоры семьи в британском и американском политическом дискурсе с целью выявления универсального и этноспецифичного.

Изучение риторического стиля бывшего премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона позволяет проследить последовательное использование метафоры семьи. Обращение Д. Кэмерона к теме семьи становится особенно важным накануне референдума о выходе Великобритании из ЕС: говоря о «семье европейских наций», бывший премьер-министр подчеркивает единство

интересов европейских стран. *Our allies have a very clear view. They want us to remain members of the European Union. <...> And then there are the nations to which we are perhaps closest in the world, our cousins in Australia and New Zealand, whose prime ministers have spoken out so clearly* ‘Наши союзники обладают ясным видением. Они хотят, чтобы мы сохраняли членство в Евросоюзе. <...> И затем есть нации, которым мы, возможно, наиболее близки в мире, наши двоюродные братья и сестры в Австралии и Новой Зеландии, чьи премьер-министры высказались так ясно’ [6]. Бывший лидер Великобритании подчеркивает сплоченность стран содружества, которые, по его словам, придерживаются единого мнения о референдуме и необходимости для Великобритании проголосовать против выхода страны из ЕС с помощью концепта «семья»: дружественные нации в Австралии и Новой Зеландии метафорически представляются как «двоюродные братья и сестры», т.е. дальние родственники, что объясняется географической удаленностью обеих стран.

Метафора семьи востребована и в американской политической риторике. В своем выступлении в 2015 г. президент США повествует о молодой американской семье, столкнувшейся с экономическими трудностями. В заключение своего рассказа Б. Обама цитирует письмо Ребекки: *... we are a strong, tight-knit family who has made it through some very, very hard times* – и повторяет: *We are a strong, tight-knit family who has made it through some very, very hard times. America, Rebekah and Ben’s story is our story. They represent the millions who have worked hard and scrimped, and sacrificed and retooled* ‘Мы сильная, сплоченная семья, которой удалось пережить очень, очень тяжелые времена. Америка, история Ребекки и Бена, – это наша история. Они представляют миллионы (людей), которые упорно трудились и экономии, и жертвовали чем-то и учились новому’ [7]. Таким образом, история Ребекки и Бена становится историей Америки – повествованием о сильной, сплоченной «семье», которая противостоит всевозможным испытаниям. Прибегая к метафорическому концепту «семья», президент США подчеркивает единство нации перед лицом трудностей. Эта идея становится еще более наглядной в конце выступления, в сильной коммуникативной позиции, когда Б. Обама повторяет мысль об американской нации как о сплоченной семье: *My fellow Americans, we, too, are a strong, tight-knit family. We, too, have made it through some hard times* ‘Сотраждане, мы тоже – крепкая, сплоченная семья. Мы тоже смогли пережить тяжелые времена’ [6]. Итак, метафора семьи играет большую роль в тексте, позволяя президенту США провести через весь текст мысль о единстве и сплоченности американской нации. Такое метафорическое описание отражает декларирование значимости семьи и семейных ценностей в американском социуме.

Итак, исследование, посвященное ключевому концепту «семья» и отражающей его концептосфере с коррелирующими компонентами и иллюстрацией последних на примере речей двух крупных политиков современности Д. Кэмерона и Б. Обамы, показало, что как в британской, так и в амери-

канской политической риторике концепт «семья» и репрезентирующая его концептосфера представляют достаточно репрезентативную картину. Вместе с тем материал позволил выявить, что детерминированная самой действительностью и ценностями, заложенными в американском и британском социумах, репрезентация концепта «семья» и его компонентов оказалась несколько разной. Проведенный анализ показал, что в американской политической риторике данный концепт и его корреляты описываются как относящиеся к внутреннему устройству страны, в то время как в британской политической риторике представлены и отношения Великобритании с ЕС и некоторыми странами Содружества. Лидер США делает акцент на членах семьи, принадлежащих к «immediate family» («ближайших родственниках»), в то время как бывший политический лидер Великобритании предпочитает номинацию, отражающую членов семьи как «extended family» («ближних и дальних родственников»). В данном случае «островная ментальность» британцев не становится препятствием к использованию концепта «семья» в отношении стран Евросоюза, поскольку, как мы предполагаем, оно продиктовано желанием бывшего лидера Великобритании постулировать общность интересов европейских стран, что было особенно важным накануне референдума о выходе Великобритании из ЕС («Brexit»). Отношения же со странами Содружества представлены как отношения с дальними родственниками, что объясняется географической удаленностью стран содружества и желанием британцев сохранять дистанцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джигоева, А. А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт «privacy» / А. А. Джигоева // Вестн. МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 1. – С. 41–59.
2. Джигоева, А. А. Англосаксонский менталитет сквозь призму английского языка / А. А. Джигоева. – М. : Изд-во МГУ, 2014. – 151 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.
4. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – 2-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – С. 24–26.
5. Абаев, В. И. Понятие об идеосемантике / В. И. Абаев // Язык и мышление. – М.; Л., 1948. – Вып. I. – С. 13–18.
6. PM speech on the UK's strength and security in the EU [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-the-uks-strength-and-security-in-the-eu-9-may-2016>. – Дата доступа : 04.09.2016.
7. Peters, G. State of the Union Addresses and Messages / G. Peters [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.presidency.ucsb.edu/sou.php>. – Дата доступа : 30.05.16.

СВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ДИАЛЕКТНОМ ИДИОЛЕКСИКОНЕ*

Данная работа посвящена анализу номинаций света и тьмы в речи носителя сибирского старожильческого говора В.П. Вершининой и является частью исследования чувственного восприятия диалектной языковой личности. В качестве источника использовались записи спонтанной устной речи информанта, сделанные диалектологами Томской лингвистической школы (10 тыс. страниц) и 4-томный «Полный словарь диалектной языковой личности» (Томск, 2006 – 2012).

В речи Веры Прокофьевны зафиксировано 103 единицы семантического поля «Свет» (исследовались прилагательные *светлый – темный; блестящий, яркий – бледный; прозрачный – мутный* и их дериваты; за единицу анализа принят лексико-семантический вариант, т.е. слово в отдельно взятом значении).

Существительное *свет* чаще всего реализует в контекстах значение ‘электрическое освещение’: *А че, свет-то включи'те там. А тут выключи; От у наших – и там горит свет, и там, счас четыре избы, дак вообще: и в избах горит, и в сеньях*. Несколько реже используются лексико-семантические варианты со значением ‘напряжение в электрической сети’ (*У них свету нету, лектри'чество че-то отключили*) и ‘потребление электроэнергии’ (*За свет надо платить, я ешо за воду не платила давным-давно*). Лексико-семантический вариант *свет* с отвлеченным значением ‘освещенность’ практически не употребляется: *А помидоры-то были там [на окне], я это, штору-то задирала туды', заворо...[тила] подбирала, чтоб помидоры-то... свету-то больше было*. Как ясно из контекста, свет имеет прагматическое значение. Положительно оценивает говорящий наличие достаточного света в доме: *Туды' дальше в зал зайдешь – зал хороший такой, да солнце все*.

Несколько реже характеризуется освещенность природной среды: *А ночью светло-о-светло! Луна большая. А вечером темно, угу*. В таких высказываниях обозначения света, как правило, сочетаются с обозначением времени: *Вот вчера посмотри: светло', а все двенадцать часов; Передают уж сорок с чем-то минут восьмого, а темновато; От пошла Катя ее провожать, в семь часов, – а те'меть лю'та!* С семантическим полем «Время» пересекаются и номинации природных явлений, связанных со светом: *Света'т, а там будет попозже светать; Приедешь – рассвета'т уж, приедешь на базар; Хороший день, кода' вечером заря горит; Ну за'светло, так мале'нько сумерки стали*.

Позитивно оценивается ясная, солнечная погода (здесь предполагается одновременно наличие света и тепла, источником которых является солнце): *Ой, какой день хороший. Ясный-преясный; Со'лнушко я'рко, слава бог*. Оценка погодных условий включает, по-видимому, прагматический компонент (такие условия благоприятны для сельскохозяйственной деятельности),

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

однако отмечена и собственно эмоциональная оценка данного объекта: *[Солнышко.] Ну. Я люблю кода' солнышко. Как-то вроде маленько повеселе', так-то тоскливо вовсе.* При характеристике даров природы светообозначения включают компонент позитивной эстетической оценки: *А ки'слица! – ой, пойдешь – как слеза прямо це'ла ветка; А дожжык пройдет, бе'лы грибы' только блестят.*

Регулярную положительную оценку получает блеск артефактов. Объектами описания при этом могут быть ювелирные украшения, предметы домашнего быта и религиозной культуры: *И там все была эта, брошка ли кто ли она там? <...> Таки', ну как звезды, эти камушки, прямо от как жар горят!; Скрасна' [пол]. Красивый. Са'мо гла'вно, блестит; Матери хороший сервиз привез в подарок – знашь, какой? Перламо'товый; А е'тот-то был красивый [собор]! Ой, сколько'этажный был! Красивый прям. Как золото горело.* О значимости свойства «блестящий» свидетельствует также приоритет эстетического критерия над прагматическим, что нетипично для носителя диалекта: *Теперь опе'ть мода пошла не блестя'иша [мебель], пыль ии'бко заметна. А я говорю: «Блестя'иша-то лучше».*

Матовые поверхности описываются с помощью отрицательных конструкций: *Я покрасила пол-то, а он не блестит, как кирпичом натертый. А я думаю, с лаком, может, получче было [бы]...; Она [краска] как кирпичом намазано было, у ей ни блеску, ниче не было, она давно'иша.* Сравнение с кирпичом указывает одновременно и на цветовые, и на световые характеристики. Отрицательная оценка матовых поверхностей подтверждает тезис о ценности блеска. Негативную оценку получает отсутствие зеркальных поверхностей: *Хоро'иша стенка. Ну, правда, там зерькало'в нету. Никакого отраженья-то нет, как вроде бы и... некрасиво.* Подобные примеры позволяют реконструировать положительную оценку поверхностей, отражающих свет.

При характеристике человека обозначения света могут описывать тип внешности: *Бе'ленька, светленька така', уходила, говорят, она. Его жена, видно; Он [внук] темноватый. Миша-то [сын] белый был.* Выделяется группа сравнений, описывающих глаза человека, с общим значением 'блестящий, выразительный': *От этот Лексе'й сидел у меня, <...> да глаза-то как у я'стрепа прям, ясны таки', да взра'чны да...; А Колька, он же хорошенький так, черненький только. Глаза дак у его прямо как огни горели; А он чернобровый такой, да румяный сидит, да глаза-то прямо как искры горят черны – ну, красивенький.* Сравнение глаз с огнями, искрами, глазами ястреба, как и употребление эпитета *ясный*, восходит, видимо, к фольклорной традиции, где особое внимание уделяется глазам человека как «зеркалу души». Отсутствие блеска в глазах свидетельствует о болезни или о старости: *Глаза-то разми'лы всегда как сияли, а счас каки'-то мутня'ишы таки' [у заболевшего племянника]; Вот у нас у отца были черны глаза. А после какие-то му'тны, се'ры стали таки'.*

Достаточно часто отмечается бледность кожи, которая в представлении диалектоносителя связывается с болезнью: *Суха', лицо прям худо', бле'дна... худя'; А это моя хре'сница, она прям болеет-болеет! От така' как холодильник, бле'дна така', сжелта', худя'. Желудок болит; А Нюра заболела,*

сестра-то ее, желудок заболел, бе'ла-бе'ла, воскова', воскова'! Народный идеал красоты предполагает человека здорового, способного к работе, поэтому бледность оценивается отрицательно. В данном случае проявляется яркое отличие народного и элитарного идеалов красоты: для последнего в большей степени характерна положительная оценка бледной кожи, что связывается, в частности, с аристократизмом.

При описании продуктов питания лексема *бледный* также имеет негативные коннотации, так как это свойство может означать некачественность пищи: *Сырой. Он белый, бледный [хлеб]. Я не знаю, кого тут – пекла, раз испекла, да другой раз. <...> Бледный был у меня, обо'е раза'. <...> Ну не зарумянились, такой белый [хлеб]. Белехонький.* Как при описании человека, так и при описании пищи *бледный* противопоставляется *румяному*, соотносимо с народным идеалом красоты, здоровья/полезности. Ассоциативная связь *бледный* – ‘безжизненный’ актуализируется через внутреннюю форму сравнений *как мертвый, как покойники: Они [не поджарившиеся голубцы] как покойники у меня; Он [о цветке лиловой фиалки] мне не гля'нется. Низкий какой-то, и свет такой неяркий. <....> Как мертвый.*

При описании продуктов питания позитивную оценку в ряде высказываний получает прозрачность, свидетельствующая о высоком качестве, сохранности продукта: *А я люблю тоже тако' <...> прозрачный холодец; А кото'ры простерилизовала [огурцы], те лучшие. Прямо как стеклянный рассол! А эти му'тны.*

Таким образом, обозначения света в идиолекте образуют достаточно компактное поле, употребляются в целом нечасто. С помощью обозначений света информант характеризует состояние природной среды, артефакты, отдельные аспекты внешности человека, а также продукты питания. Оценочные контексты свидетельствуют о сохранении в сознании информанта некоторых архаических смыслов, свойственных словам данного семантического поля. Этот тезис подтверждается и высокой долей образных единиц в его составе (около 30 %). Свет, блеск, яркость оцениваются практически всегда положительно, противоположные свойства – отрицательно. Выявлена культурная специфика оценки внешности человека: если в элитарной культуре бледность имеет позитивные коннотации, то в народной – только негативные, так как свидетельствует о болезни человека.

А. Э. Левицкий (Москва, Россия)

ЧЕЛОВЕК В ПРОФЕТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭТНОСА (на материале сонника Г. Хиндмана Миллера)

В пределах когнитивно-дискурсивной парадигмы [1] постулируется возможность выявления путем анализа «ословливания» действительности при передаче информации особенности мировосприятия индивидом, соци-

альной или этнокультурной группировкой. Именно посредством анализа номинативно-коммуникативной деятельности человека с учетом этнокультурных, социальных, индивидуально-психологических и ситуативных фильтров мы можем обнаружить характерные черты организации полученных языковых и речевых данных.

Категориальные ориентации и стереотипы мыслительной деятельности индивидов или их этнических группировок на основе анализа продуктов вербализации имеющейся информации являются существенными для определения особенностей отдельных картин мира. При использовании такого подхода повышается уровень обобщения результатов языкового и речевого материала. Более весомыми становятся выводы относительно особенностей взаимодействия языка и речи, языка и мышления, языка и культуры.

К структурным подразделениям, которые выделяются в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, относятся *картины мира*, детально разработанные в современном языкознании [2; 3; 4]. Эти объединения позволяют сгруппировать концепты в концептуальной и единицы номинации – в языковой картине мира, представляющей предметы, явления, факты, ситуации, ценностные ориентиры, жизненные стратегии и сценарии поведения в языковых знаках, категориях, которые выступают семиотическим результатом концептуальной репрезентации действительности в этносознании [5, с. 365]. В языке находят свое выражение социально весомые и национально значимые материальные и духовные явления.

В современном языкознании существуют различные подходы к выделению картин мира, в частности, художественной, научной, наивной, мистической и др. Мы же остановимся на возможности рассмотрения *профетической* картины мира, которую составляют предсказания. Один из путей предсказания будущего содержится в сонниках, состоящих из перечня предметов, явлений, действий, свойств и состояний человека. Имеющиеся предсказания отражают традиционные верования, стереотипы, предубеждения и суеверия, характеризующиеся ярко выраженной этнокультурной маркированностью. Они основаны на определенных категориальных ориентациях (термин Э. К. Лиепинь [6]) суть продуктов мышления, интенций, оценок и установок индивидуально-психологического, социального и, прежде всего, этнокультурного характера.

Сонник как компендиум толкований различных снов и сновидений дает основания для представления его данных в форме определенной картины мира, элементы которой тесно взаимосвязаны и позволяют любому члену социума увидеть в своих снах знамение будущего. Безусловно, данная картина мира не носит научного характера, будучи одной из форм наивной картины мира, актуализированной в специфической профетической форме.

Словарь снов Г. Хиндмана Миллера, впервые изданный в 1909 г., но до сих пор считающийся наиболее полным и экспланаторным, о чем свидетельствуют его многочисленные переиздания [7], дает основания для выделения наиболее значимых концептосфер для американского общества, их аксиологической маркировки и позволяет воссоздать особенности миропонимания, присущего данному этнокультурному сообществу.

Из того, что окружает человека в американской профетической картине мира, выделяется концептосфера «Человек», указывающая на важность социального начала. Американец выделяет ряд социальных групп, видеть представителей которых во сне является хорошим предзнаменованием. К ним относятся: *королева* (к удачным предприятиям), *женищина* (к разоблачению интриг), *мужчина* (к радостной жизни), *близнецы* (к хорошему бизнесу), *учитель* (к успехам в учебе). Видеть же во сне *стариков/старух*, *барменов*, *актеров*, *казаков*, *журналистов*, *переводчиков*, *политиков*, *полицейских*, *адвокатов*, *пиратов*, *проституток* и *нищих* считается дурной приметой. Неоднозначное будущее ждет тех, кто видит во сне *ведьм* (будет искать приключений), *парикмахеров* (удача придет только после борьбы), *акробатов* (не будет участвовать в рискованных предприятиях из-за страха).

Прослеживаются в профетической картине мира и родственные связи. Так, к добру видеть *семью*, *родителей*, *мать*, *свекровь/тещу*, *брата*; а к несчастью – *отца*, *свекра/тестя*, *жену* и *невесту*. Видеть же во сне *мужа* для женщины трактуется неоднозначно.

Опыт контактов с представителями других народов проявляется в том, что считается хорошим знаком увидеть во сне *иностранца* (к хорошему здоровью и прекрасному окружению). В то же время не всегда полезно видеть во сне *цыган* (в жизни материальные блага станут превыше всего), *индусов* (удалитесь от друзей). Если американец увидел во сне *грека*, то это сулит ему исполнение планов. *Еврей* же является знаком лишь частично реализованных амбиций. *Англичанин* во сне предвещает страдания из-за эгоистов.

Концептосфера «Еда» также играет немаловажную роль в представлении профетической картины мира. Причем она рассматривается в целом как сигнал о необходимости уделить больше внимания мелким делам, *есть одному* – к меланхолии, *в компании* – к достижению цели, а *пить* – к дискредитации женщины. *Завтракать* выступает хорошим знаком лишь для занятых умственным трудом, а *обедать одному* – к мыслям об обеспечении жизни, *в компании* – к приему гостей. Гурманы, которые во сне будут вкушать *лягушек*, рискуют достичь очень малого от общения с близкими людьми, а желания любителей во сне полакомиться *грибами* будут вознаграждены нездоровыми стремлениями.

Во сне человек может также заниматься спортом (*бейсболом*, *ездить на велосипеде*, *плавать*, что выступает хорошим знаком, если же он *играет в бильярд*, то скоро нагрянут проблемы, а в *покер* – то попадет в дурную компанию); ходить в *театр* (к обретению новых друзей) на просмотр *драмы* (к примирению), *комедии* (к кратковременным удовольствиям), *трагедии* (к непониманию и разочарованию); *танцевать* (к хорошим известиям); учить *грамматику* и *историю* (хорошие предзнаменования); *болеть* (к отмененным визитам и реальной болезни), видеть *хирурга* (к опасности от врагов) и *окулиста* (к неудовлетворенности жизнью), даже *принимать лекарства*, что является хорошим знаком. Особое место занимает прослушивание *музыки* и *пения*, что предвещает удовольствие и процветание. Позитивным для будущего считается видеть *банджо*, *флейту*, *гитару*, *лютню*, *лиру*, *скрипку* и *фортепиано*. Дурные знаки – *кларнет* и *арфа*.

Перечень событий во сне американца велик и включает *поездки, победы, войны и свадьбы*. Во сне он также может совершать многие действия, например, *спать, чихать, голосовать*, его может *тошнить*.

Профетическая картина мира, изложенная в Словаре снов Г. Хиндмана Миллера, предстает как слепок жизни и быта американского общества, отражая присущие ему категориальные ориентации, что выявляется в наполнении рассмотренных концептосфер и их аксиологической маркировке. Перспективы продолжения научного поиска в данной сфере прослеживаются в сопоставлении данных профетических картин мира разных этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 560 с.
2. Голубовская, И. А. Этнические особенности языковых картин мира / И. А. Голубовская. – К. : ВПЦ «Київський університет», 2002. – 294 с.
3. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : КомКнига, 2006. – 128 с.
4. Корнилов, О. А. Языковая картина мира как отражение национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
5. Селіванова, О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
6. Лиепинь, Э. К. Категориальные ориентации познания / Э. К. Лиепинь. – Рига : Зинатне, 1986. – 210 с.
7. Hindman Miller, G. Dictionary of Dreams / G. Hindman Miller. – London : Wordsworth Reference, 2005. – 300 p.

А. В. Раздуев (Тамбов – Пятигорск, Россия)

СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕКЛАРАТИВНЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Для обеспечения собственного нормального существования человек должен обладать определенной совокупностью информации, данных об окружающем его мире, объектах и способах обращения с ними, процессах и явлениях [1, с. 10]. Подобную совокупность данных обычно называют зна-

* Публикация выполнена в рамках проектов «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте» при поддержке Российского научного фонда (ФГБОУ ВО «ТГУ им. Г. Р. Державина», проект №15-18-10006, науч. рук. – д-р. филол. наук, проф. Н. Н. Болдырев) и «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» по Государственному заданию Министерства образования и науки РФ на 2014 – 2016 гг. (ФГБОУ ВО «ПГУ», проект №3078, науч. рук. – д-р. филол. наук, проф. О. А. Алимуратов).

нием, представляющим собой «проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в мышлении человека...», «продукт общественной материальной и духовной деятельности людей; идеальное выражение в знаковой форме объективных свойств и связей мира, природного и человеческого» [2, с. 166]. При этом «человек является основной точкой отсчета, используемой в языке, как для описания свойств предметов (размер, форма, положение в пространстве, функция), так и для распознавания процессов, происходящих внутри самого человека (эмоции, мысли, чувства, ощущения)» [3, с. 178]. Не секрет, что система знаний о закономерностях развития природы, человека и его мышления, общества и т.д. непрерывно развивается, усложняется, что требует выделения определенных групп знаний. Так, Е. С. Кубрякова делит знание на *языковое* (знание о языке) и *объектное* (знание о мире), при этом не отрицая, что первое входит составной частью во второе [1, с. 10; 4]. Подобное противопоставление лингвистического знания (знания об устройстве системы языка, о его единицах, их категориях, функциях, закономерностях развития и т.д.) и знания экстралингвистического (знания об устройстве мира и внеязыковой действительности) вполне логично. Кроме того, «язык, являясь частью реального мира, одновременно репрезентирует знание обо всем мире, знания о самом языке и знания о том, как язык структурирует все эти знания, то есть отражает непосредственно категоризацию и концептуализацию мира» [3, с. 178].

Традиционно все знания разделяются на *декларативные* (описательные, «знания о том, что ...») и *процессуальные* (процедурные, алгоритмические, «знания о том, как ...»). В частности, данное деление выступает следствием принятия универсальной дихотомии «статика – динамика», что также может быть объяснено результативными и процессуальными сторонами человеческого мышления. Если декларативные знания содержат в себе лишь представление о структуре неких понятий и приближены к данным, неким фактам, то процедурные знания имеют активную природу и напоминают алгоритмы разного рода. Именно процессуальные знания определяют представления о средствах и методах получения новых знаний, проверки знаний и т.д. В то время как получение и восприятие декларативных знаний предполагает отстраненность реципиента, то в случае с процедурными знаниями последний является активным участником, соавтором при создании данного типа знаний. Любое упоминание о декларативных и процедурных знаниях приводит к возникновению ассоциаций с эксплицитным и имплицитным знанием. Декларативное знание в целом доступно для получения через книги, журналы, лекции и т.д., посредством использования различных технических средств, а значит, оно эксплицитно, в то время как процессуальное знание в целом является недоступным, получаемым опытным путем, т.е. имплицитным. Эксплицитное (декларативное) и имплицитное (процессуальное) находятся в определенной связи друг с другом, в частности, процессуальное знание строится на базе декларативного [5; 6; 7; 8; 9].

Репрезентация знаний в языке может происходить посредством использования общеупотребительной и специальной лексики, в частности, специальное и профессиональное знание вербализуется терминологическими

единицами, профессионализмами, профессиональными жаргонизмами [10] и т.д. Нас интересуют, прежде всего, особенности терминологической репрезентации специальных знаний на материале терминологий научно-технических сфер. В зависимости от типа референта термины можно разделить на *материальные (предметные)* (термины, вербализующие объекты реального мира, локусы (место), орудия и инструменты, сложные механизмы) и *нематериальные* (термины-процессы, термины-ситуации, термины-характеристики, термины-образы и явления) [11]. Согласно данной градации к вербализации специальных декларативных знаний имеют отношение термины, вербализующие объекты реального мира (*adatom* ‘адатом, адсорбированный атом’; *gene* ‘ген’, *DNA* ‘ДНК’), локусы (место) (*biological template* ‘биологическая подложка, биотемплат’; *nanosubstrate* ‘наносубстрат’), орудия и инструменты (*biocapsule* ‘биокапсула’, *biodisk* ‘биодиск’), сложные механизмы (*actuator* ‘актюатор’, *nanorobot* ‘наноробот’), характеристики (*bilayer* ‘бислой’, *cluster-based* ‘кластерный, на основе кластеров’; *ARC (anti-reflecting coating)* ‘противоотражательное покрытие’), образы и явления (*Aharonov-Bohm effect* ‘эффект Ааронова – Бома’, *effect of grain size* ‘размерный эффект’), а процессуальных – термины-процессы (*elastic scattering* ‘эластичное рассеяние’, *high-energy ball milling* ‘высокоэнергетический механический размол’; *(to) nanomorph* ‘трансформироваться на наноуровне’) и термины-ситуации (*bioimaging* ‘биовизуализация’, *nanomodel(l)ing* ‘наномоделирование’). В целом вербализация и декларативных, и процессуальных знаний подразумевает использование как однокомпонентных, так и многокомпонентных терминов (однословных терминологических единиц, терминов, содержащих два и более компонента), в том числе подвергнутых аббревиации. Если специальные декларативные знания преимущественно репрезентированы в языке однословными терминами-именами существительными или терминами с основообразующим элементом-существительным, а также однословными терминами-именами прилагательными и, что встречается реже, причастиями прошедшего времени (*Ved*) в том, что касается терминов-характеристик, то в ходе вербализации различных научно-технических процессов (процессуальных знаний) активно участвуют термины-глаголы и термины-герундии (*Ving*) или термины с герундиальным основообразующим термином-элементом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова // Язык. Семиотика. Культура. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 560 с.
2. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 569 с.

3. *Новодранова, В. Ф.* Взаимодействие обыденного и научного знания в медицинской терминологии / В. Ф. Новодранова // Вісник нац. мед. ун.-ту ім. О. О. Богомольця. – 2009. – № 3. – С. 177–181.
4. *Алимурадов, О. А.* Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций / О. А. Алимурадов. – Saarbrücken : LAP LAMBERT, 2011. – 316 с.
5. *Болдырев, Н. Н.* Интерпретация мира и знаний о мире в языке / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 19 (19). – С. 20–28.
6. *Болдырев, Н. Н.* О типологии знаний и их репрезентации в языке / Н. Н. Болдырев // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. – Тамбов, 2007. – С. 12–28.
7. *Болдырев, Н. Н.* Репрезентация знаний в системе языка / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4. – С. 17–27.
8. *Лату, М. Н.* Вербализация процессуальности и ситуативности в терминологии / М. Н. Лату // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (17). – С. 74–77.
9. *Лату, М. Н.* Некоторые особенности вербализации обыденного и научного знания / М. Н. Лату // Вопросы филологии. – 2015. – № 3 (51). – С. 6–9.
10. *Алимурадов, О. А.* Фреймовое моделирование специализированного знания и его репрезентация в речи: на материале терминологической музыкальной лексики современного английского языка / О. А. Алимурадов, О. В. Чурсин // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2011. – № 6. – С. 6–27.
11. *Лату, М. Н.* Типология англоязычных терминов по моделям номинации в соответствии с классификацией элементов научного знания / М. Н. Лату, Л. М. Хачересова // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 72–78.

М. Н. Романкевич (Минск, Беларусь)

АССОЦИАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НОМИНАЦИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Различие словесных ассоциаций обуславливает субъективную и национально-культурную специфику языковой картины мира. Закрепляя результаты коллективного опыта и индивидуального познания, слово позволяет «вычленить свойства, обозначить общее и единичное, классифицировать бесчисленные и подвижные элементы действительности, снова сложить их в единую картину и далее воспринять и осмыслить ее» [1, с. 71]. В процессе же речи оно «приводит в движение “пучок” представлений, ассоциаций, переживаний» [2, с. 21]. Среди групп слов с богатыми ассоциативными связями выделяется зоолексика. Различие объема знаний о животном, особенности индивидуального

опыта взаимодействия имеют своим результатом расхождение словесных ассоциаций. Рассмотрим стереотипные ассоциации и модели ассоциативных пар, где номинация домашнего животного используется как слово-реакция¹.

Анализ отобранных ассоциативных пар позволил выделить наиболее часто встречаемые зоонимы-реакции: *chat* 'кот', *chien* 'собака', *cheval* 'конь', *vache* 'корова', *lapin* 'кролик', *poussin* 'цыпленок', *âne* 'осел', *poulet* 'цыпленок', *coq* 'петух', *mouton* 'баран', *poule* 'курица'². К наиболее часто встречаемым зоонимам-реакциям относятся *chat* и *chien*. Специфика распределения их словесных ассоциаций на слово-реакцию *chien* (рис. 1).

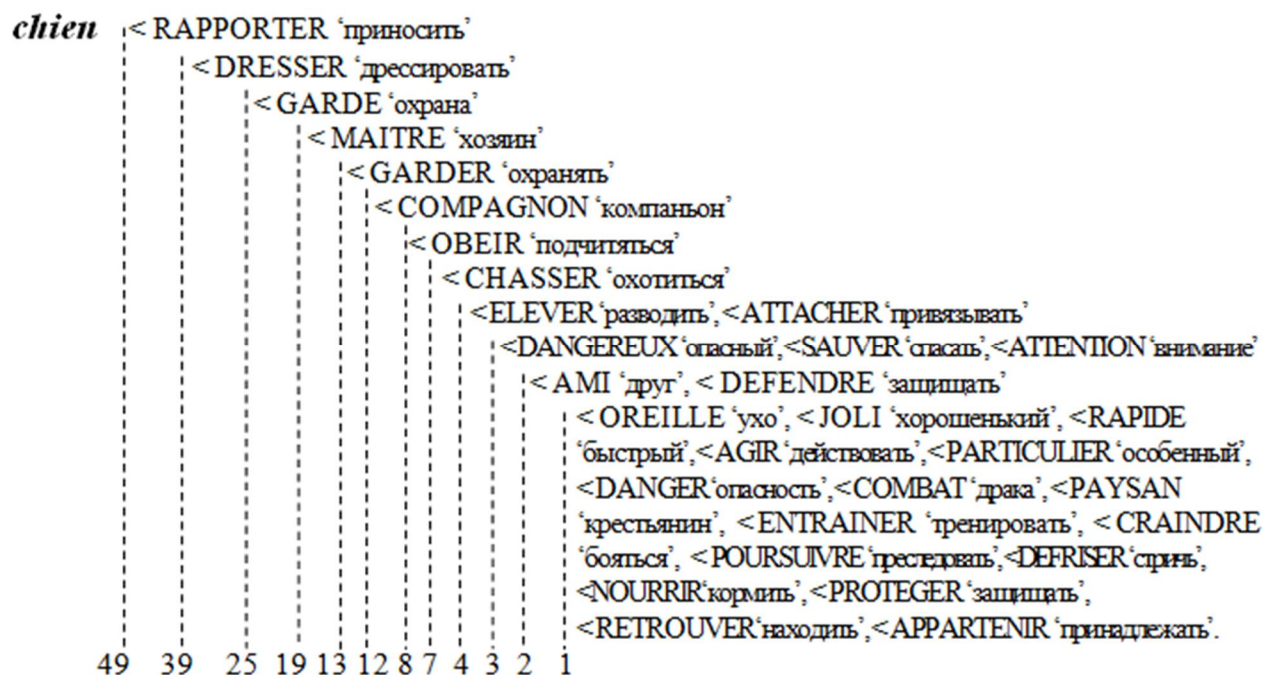

Рис. 1. Ассоциативные реакции на слово-стимул *chien* 'собака'

Лексема *chien* как слово-реакция связана с разными словами-стимулами: как ответ на слова-стимулы, обозначающие привычные действия владельцев собак (RAPPORTER 'приносить' > *chien*, DRESSER 'дрессировать' > *chien*, ELEVER 'разводить' > *chien*, ATTACHER 'привязывать' > *chien* и др.); актуализируются ассоциации с функциями собаки (GARDER 'охранять' > *chien*, GARDE 'охрана' > *chien*, CHASSER 'охотиться' > *chien*, DEFENDRE 'защищать' > *chien*). Отмечается также традиционное видение собаки как «друга» человека, его хозяина (MAITRE 'хозяин' > *chien*, OBEIR 'подчиняться' > *chien*, COMPAGNON 'компаньон' > *chien*, AMI 'друг' > *chien*).

¹ Материал представлен на основе результатов свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в рамках создания ассоциативного словаря французского языка Dictaverf [3]: каждому респонденту была предъявлена анкета из 100 стимулов, случайным образом выбранных из списка в 1100 слов. Всего были собраны 5500 анкет со всех регионов Франции.

² Мы условно объединили вариации зоонимических номинаций общей единицей: *chat*, *chats*, *chat-chat* и др.

Вторым частотным зоонимом-реакцией является *chat* (рис. 2)

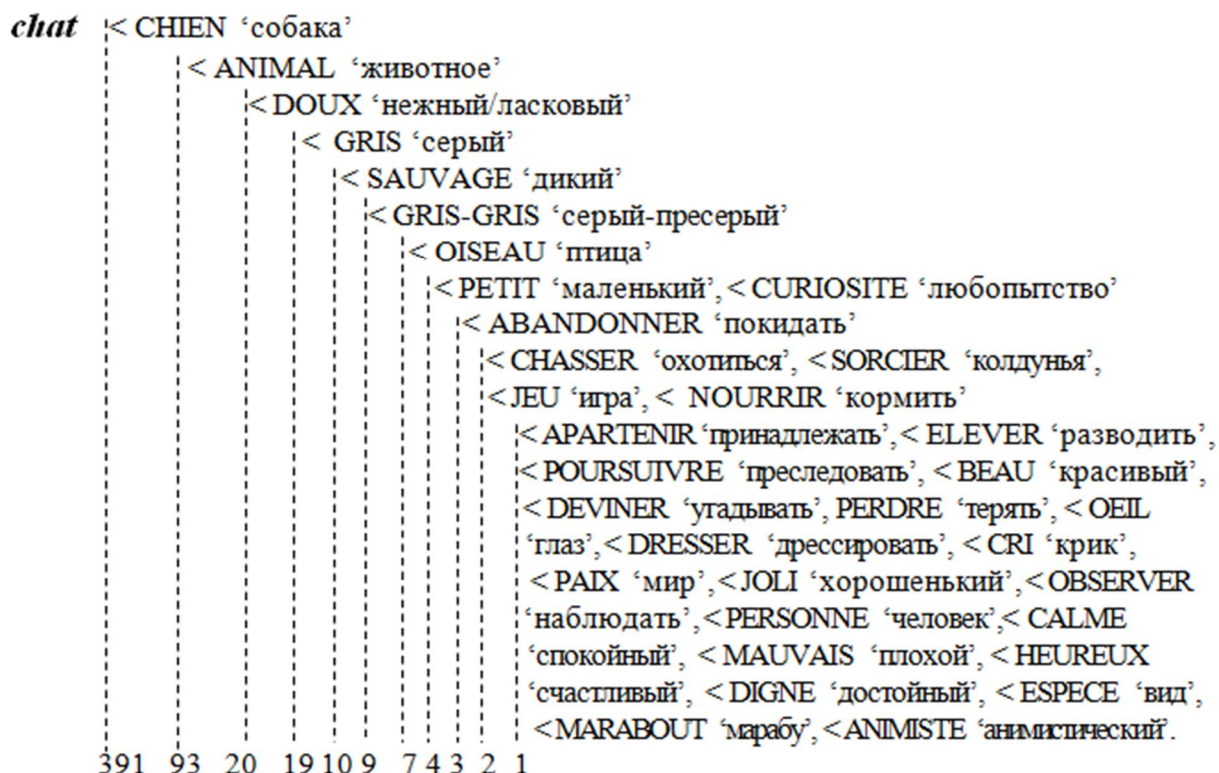

Рис. 2. Ассоциативные реакции на слово-стимул *chat* 'кот'

Зооним *chat* показывает себя как активное слово-реакция на разнообразные стимулы – 588 реакций. Прежде всего, имеют место парадигматические реакции на стимулы CHIEN 'собака', ANIMAL 'животное' и OISEAU 'птица'. Стереотипные пары DOUX 'нежный' > *chat*, GRIS 'серый' > *chat*, GRIS-GRIS 'серый-пресерый' > *chat*, PETIT 'маленький' > *chat*, CURIOSITE 'любопытство' > *chat* показывают устойчивые ассоциации, присущие французской лингвокультуре.

Отмечается активность моделей:

1) **животное – способ обращения с ним** (*chat* < ABANDONNER 'покидать', < NOURRIR 'кормить', < PERDRE 'терять', < DRESSER 'дрессировать'; *chien* < DRESSER 'дрессировать', < ELEVER 'разводить', < ATTACHER 'привязывать', < DEFRISER 'стричь', < NOURRIR 'кормить'; *cheval* < DRESSER 'дрессировать', < REMONTER 'садиться на', < ATTACHER 'привязывать'; *âne* < CHARGER 'нагружать'; *mouton* < DEFRISER 'стричь', < ELEVER 'разводить'; *poule* < ELEVER 'разводить'; *lapin* < CHASSER 'охотиться' и др.);

2) **животное – его функции** (*chien* < GARDER 'охранять', < GARDE 'охрана', < CHASSER 'охотиться', < DEFENDRE 'защищать'; *âne* < PORTER 'носить'; *coq* < REVEILLER 'будить' и др.);

3) **животное – его природное свойство**. В этой модели выделяются подгруппы:

• **животное – его окрас** (*chat* < GRIS 'серый', < GRIS-GRIS 'серый-пресерый'; *cheval* < BRUN 'коричневый'; *lapin* < GRIS 'серый'; *âne* < GRIS 'серый', < GRIS-GRIS 'серый-пресерый'; *poussin* < JAUNE 'желтый' и др.);

• **животное – часть тела** (*lapin* < OREILLE ‘ухо’; *chat* < OEIL ‘глаз’; *âne* < DOS ‘спина’; *chien* < OREILLE ‘ухо’ и др.). Гастрономическую коннотацию приобрели следующие ассоциативные пары: EPAULE ‘плечо’ > *agneau* ‘ягненок’, *porc* ‘свинья’, *cochon* ‘свинья’, *d’agneau* ‘ягненка’;

• **животное – свойство** (*cheval* < RAPIDE ‘быстрый’, *lapin* < RAPIDE; *chien* < RAPIDE; *chat* < PETIT ‘маленький’);

4) **животное – свойство, приписываемое ему человеком** (*chat* < DOUX ‘нежный/ласковый’, < JOLI ‘хорошенький’, BEAU ‘красивый’, CALME ‘спокойный’, MAUVAIS ‘плохой’, HEUREUX ‘хороший’, DIGNE ‘достойный’; *chien* < DANDEREUX ‘опасный’, JOLI; *cheval* < DIGNE ‘достойный’, < RARE ‘редкий’, < FIER ‘гордый’);

5) **животное – «легенда»**. Эта модель выявляет реакции глубинного уровня – тематические/экстралингвистические, отсылающие к культурологическим знаниям носителей языка (*cheval* < SEIGNEUR ‘сеньор’, < ROI ‘король’, < PRINCE ‘принц’, PUISSANCE ‘власть’; *mouton* < PEUPLE ‘народ’; *chat* < SOURCIER ‘колдунья’; *coq* < FRANCAIS ‘французский’, COMBAT ‘драка’).

Количественная сторона ассоциативных реакций показала стереотипные и индивидуальные пары. Стереотипные реакции довольно многочисленны: *chien* < RAPPORTER, < DRESSER, < GARDE, < MAITRE, < GARDER, < COMPAGNON, < OBEIR; *chat* < CHIEN, < ANIMAL, < DOUX, < GRIS, < SAUVAGE, < GRIS-GRIS; *cheval* < DRESSER; *lapin* < CHASSER; *âne* < DOS; *vache* < PAYSAN; *coq* < COMBAT, < FIER; *poussin* < JAUNE. Частая встречаемость сочетания слов в языке, текстах или речи отражает общераспространенную языковую модель. Степень типизации ситуации разная, поскольку в зависимости от слова-стимула предел максимальной повторяемости ассоциируемых реакций разный (ср.: GRIS ‘серый’ > *chat* и HEUREUX ‘счастливый’ > *chat*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – СПб. : Наука, 2004. – 166 с.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
3. Debrenne, M. Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications [Electronic resource] / M. Debrenne // Variétés, variations et forme. – Ecole Polytechnique, 2011.– Mode of access : <http://dictaverf.nsu.ru/ru>. – Date of access: 20.09.2016.

Л. А. Тарасевич (Минск, Беларусь)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ПРЕДЛОГОВ: ПАРАМЕТРЫ ИЗМЕРЕНИЯ

В современной лингвистике распространена точка зрения на пространственную семантику предлогов как иерархически организованную структуру, в которой выделяются два уровня: на вершине иерархии

находится сема, относящая к пространственным отношениям как типу отношений среди других возможных (темпоральные, каузальные, целевые, модальные и т.п.); этой общекатегориальной семе подчинены семы, репрезентирующие разные аспекты пространственных отношений, например, 'контакт', 'дирекционал', 'включение'. Несмотря на активные изыскания в данной области перечень компонентов, входящих в пространственную семантику предлогов, до сих пор не представлен исчерпывающим списком, а включаемые в него семы не нашли должного обоснования, равно как и не выявлены системные отношения между отдельными компонентами, закономерности в их комбинаторике. Проведенное нами исследование семантики пространственных предлогов в немецком и русском языках позволяет говорить о том, что для решения обозначенных проблем необходим пересмотр устоявшихся взглядов на структуру пространственной семантики предлогов, иерархические отношения в которой обнаруживают значительно большую глубину, чем это представлялось до сих пор, а компоненты в ее составе разнородны по своей сущности.

Так, в семантике всех локативных предлогов обнаруживаются компоненты, репрезентирующие два типа пространственных отношений: топологические (основаны на противопоставлении внутреннего и внешнего пространств) и дирекциональные (отражают перемещение). Установлена взаимозависимость дирекциональных и топологических признаков в семантике предлогов: предлоги, исключаяющие топологическое отношение 'контакт', исключают и дирекциональные отношения. Эта закономерность подтверждается диахронным анализом, который выявил, что предлоги утрачивающие в ходе языковой эволюции один из названных компонентов, утрачивают и другой (*bei* 'у, около', *над*, *перед*).

Дальнейшее членение пространства в семантике предлога осуществляется на базе комплекса признаков, различных по своей природе. Это признаки, представляющие *регион*, в котором располагается локализуемый объект, и признаки, представляющие *расстояние*, или дистантные отношения между соотносимыми объектами.

И регионы, и дистантные отношения в семантике предлога подлежат дальнейшему уточнению. Регионы уточняются по двум линиям: по отношению к зрительному восприятию (воспринимаемые и воображаемые) и по отношению к измерениям пространства (не связанные с трехмерностью пространства внутренний и внешний регионы и регионы, отражающие репрезентированную в языке трехмерность пространства по антропоморфному принципу с выделением верхнего, нижнего, переднего и других регионов, т.е. димензиональные регионы). Языковая релевантность воображаемого vs. зрительно воспринимаемого региона подтверждается тенденциями в употребительности предлогов как в немецком, так и в русском языке: предлоги, обозначающие местоположение в воспринимаемом регионе, как правило, не встречаются с именами объектов, одномоментное зрительное восприятие которых невозможно (*außerhalb des Landes*/вне страны – ^{???}*außerhalb der Tasse*/^{???}вне чашки).

Дистантные отношения противопоставлены по линиям 'включение' (отрицательное расстояние) – 'исключение' (неопределенное расстояние), 'контакт' (нулевая дистанция) – 'близкое расположение' (оценочная величина). Они уточняются следующим образом: отношение включения – как полное (*innerhalb/внутри*), контакта – как обязательное (*auf/на*), возможное (*an* 'на, у', *к, за*) или исключающееся (*bei* 'у, около', *перед, над*).

Таким образом, семантика каждого пространственного предлога представляет собой комбинацию разнородных признаков, задающих многомерные координаты расположения локализуемого объекта относительно локализуемого.

Разграничение в семантике локативных предлогов компонентов, связанных с регионами и дистантными отношениями, позволяет по-новому взглянуть на проблему включения в пространственное значение предлогов сем, связанных с формой локализуемых объектов. Не вызывает сомнения, что топологические и димензиональные регионы, о расположении в которых сообщают предлоги, вытекают из пространственной организации объектов, однако не все разнообразие форм и структур объектов окружающего мира оказывается релевантным для системы пространственных отношений, репрезентированных в языке. Проведенное исследование показывает, что в семантике предлогов представлены знания только о стабильных и наиболее общих свойствах объектов, таких как отдельность, наличие внутреннего пространства, вытянутость, ориентация по оси «спереди – сзади» и т.п. Ограниченность числа и высокая степень абстрактности свойств объектов, представленных в системе пространственных отношений, являются следствием обобщения опыта пространственных отношений в семантике предлогов, в результате которого при помощи ограниченного количества предлогов возможно описание пространственных отношений между объектами внеязыковой действительности любых мыслимых форм. Непостоянные, изменчивые свойства, например, вертикальное или горизонтальное положение в пространстве локализуемого объекта не находят отражения в семантике предлогов, что подтвердилось в ходе семантического эксперимента.

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА

О. А. Артемова (Минск, Беларусь)

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Представления о времени являются важным фрагментом концептосферы человека как системы базисных представлений об окружающем мире. По мнению А. В. Кравченко, к универсальным свойствам времени можно отнести *равномерность* (время всегда течет одинаково), *однонаправленность* (время течет из прошлого в будущее), *линейность* (течение времени не пересекается с самим собой), *необратимость* (невозможность вернуть прошлое), *связь с причинностью* (процессу развития присуща связь времен), *неизменность прошлого и возможность корректировки будущего*, *локальность* (время всегда соотнесено с определенным моментом), *связь с движением* (время не статично, движение есть форма существования материи) [1, с. 160]. Особую роль среди разнообразных языковых средств темпоральной номинации играют фразеологические единицы (ФЕ), в которых идентифицируются и манифестируются национальное самосознание, культурно-исторические традиции, эмпирический и духовный опыт различных этносов. Методом сплошной выборки из авторитетных словарей белорусского и английского языков было отобрано 920 белорусских и 1 050 английских фразеологизмов с темпоральной семантикой. На основе тематических классификаций отдельных групп фразеологизмов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, П. А. Редина и Н. Ю. Шведовой нами была разработана собственная таксономия темпорального дейксиса в белорусской и английской фразеосистемах, которая включает три микрополя: «Временная ось», «Временные параметры», «Временные интервалы». Рассмотрим каждое микрополе в отдельности.

В микрополях «Временная ось» были выделены следующие группы: *прошлое* (белорус. *за царом Гарохам*, англ. *in days of yore* ‘очень давно’), *настоящее* (белорус. *жыць адным/сённяшнім днём*, англ. *live day to day* ‘не отрываться от настоящего, ограничиваться его заботами, не думая о будущем или прошлом’), *будущее* (белорус. *рана ці позна*, англ. *sooner or later* ‘когда-нибудь, в ближайшем будущем’).

Микрополя «Временные параметры» в белорусской и английской фразеосистемах характеризуются наличием следующих групп и подгрупп: *скорость* (*быстро* – белорус. *з першага погляду (позірку)*, англ. *at first sight* ‘сразу же, немедленно’ *медленно* – белорус. *ледзь/ледзьве ногі цягаць/цягнуць/валачы*, англ. *scarcely drag one foot after the other* ‘очень медленно, с трудностью идти, перемещаться из-за слабости, болезни, и т.д.’), *количество времени* (*много, достаточно времени* – белорус. *з’есці пуд солі, eat a bushel of salt with someone* ‘прожить долгое время вместе’; *мало или недостаточно времени* – белорус. *дні злічаны* ‘осталось совсем немного жить’, англ. *a race against time* ‘попытка

сделать что-то, когда есть немного времени'), *периодичность* (постоянно, всегда – белорус. *з веку у век*, англ. *since time immemorial* 'всегда, постоянно', снова, опять – белорус. *зноў за старое*, англ. *be up to his old games again* 'снова начать что-либо делать', временно, иногда, редко – белорус. *час ад часу*, англ. *from time to time* 'непостоянно, редко').

Микрополя «Временные интервалы» включают в себя следующие группы и подгруппы: *выделенный временной интервал* (полное покрытие временного интервала – белорус. *з ранку да ночы*, англ. *from dawn to dusk* 'в период дня, когда есть свет; от восхода до заката', *соответствие/несоответствие моменту времени* (точно, вовремя, в нужный момент – белорус. *як штык*, англ. *on the dot* 'точно по времени, вовремя', неточно, не вовремя – белорус. *як гром/нярун сярод яснага неба*, англ. *like the bolt from the blue* 'внезапно и неожиданно', рано, преждевременно – белорус. *ранняя птушка/пташка*, англ. *an early bird* 'человек, который рано встает', поздно, слишком поздно – белорус. *заднім розумам моцны/хітры*, англ. *twenty-twenty hindsight* 'о поздно спохватывающемся человеке'), *время суток* (*утро* – белорус. *да другіх пёўняў*, англ. *at the crack of dawn* 'незадолго до рассвета', *день* – белорус. *сярод белага дня*, англ. *in broad daylight* 'в ярком освещении, открыто, при дневном свете', *вечер* – белорус. *на ноч гледзячы*, англ. *at this time of night* 'поздно вечером', *ночь* – белорус. *глухая поўнач*, англ. *in the small hours* 'рассвет или время перед рассветом; часы после полуночи'), *возраст* (*детство, молодость* – белорус. *малако на губах не абсохла*, англ. *wet behind the ears* 'молодой и неопытный', *зрелость* – белорус. *бальзакаўскага ўзросту*, англ. *on the wrong side of thirty*, *старость* – белорус. *Мафусаілаў век*, англ. *old as Methuselah* 'очень старый').

Проведенный сопоставительный анализ фразеосемантических полей темпорального дейксиса показал, что категории времени в белорусской и английской фразеосистемах свойственны: *трехкомпонентность* (прошрое, настоящее, будущее), *синкретизм времени и пространства* в семантике некоторых ФЕ (белорус. *на ўсіх скрыжаваннях*, англ. *on/at every street corner* 'повсюду' и 'непрерывно'), *антропоцентричность* (белорусские и английские ФЕ с темпоральной семантикой образно связана с обиходными понятиями и событиями жизни людей, а также имеющими большое значение для деятельности человека явлениями природы (белорус. *да новых венікаў* 'очень долго', англ. *watch the clock* 'поглядывать на часы, стараться не переработать', где лексемы *венік* 'веник, метла' и *clock* 'настенные часы' – предметы обихода человека; белорус. *сонца зайшло* 'закончился для кого-нибудь счастливый период времени', англ. *go to bed with the sun* 'ложиться спать рано, на закате', где лексемы *сонца* и *sun* 'солнце' обозначают важный элемент погоды – температуру), *цикличность* как повторение одних и тех же событий (белорус. *на кругі свае*, англ. *fall back in place* 'к раннему, былому, на старое место'), *связь с движением* (белорус. *бегчы як апараны <кіннем>*, англ. *run like hell* 'быстро перемещаться').

Национально-специфическими особенностями вербализации времени в белорусской и английской фразеосистемах выступают:

- неопределенность и созерцательность будущего для представителей белорусской лингвокультуры (белорус. *віламі па вадзе пісана* ‘неизвестно, осуществится ли что-нибудь’), поскольку настоящее – это область переживания времени здесь и сейчас, прошлое – объект размышлений. Для носителей английского языка характерна возможность изменения будущего или его планирования: *ahead of his/her time* ‘заблаговременно’;

- растяжимость времени для белорусов, его текучесть и неопределенность (*fluid concept of time*): *шмат вады сплыло/плыве* ‘прошло много времени’. Для англоязычной культуры характерна концепция точного времени (*fixed concept of time*), где время – ценный ресурс, который можно возместить (*make up for lost time* ‘делать что-либо быстро, из-за потерянного раннее времени’), продать (*sell time* ‘предоставлять за плату возможность выступить по радио и телевидению’) или купить (*hire one's time* ‘платить нанимателю за разрешение использовать свое время’).

Все выявленные несовпадения можно объяснить принадлежностью носителей белорусского и английского языков к разным культурам – *монокронной* и *полихронной*. Согласно Э. Холлу, в странах монокронной культуры (США, Англии, Германии, странах Скандинавии) время понимается как однонаправленная система (прошлое – настоящее – будущее), которая жестко регулирует общественные отношения: представитель данного типа культуры может заниматься только одним видом деятельности в определенный промежуток времени. В других культурах (славянских, средиземноморских, арабских, латиноамериканских и некоторых азиатских) время воспринимается полихронно: люди сосуществуют одновременно в рамках нескольких событий, что позволяет им заниматься несколькими видами деятельности одновременно, а пунктуальности и своевременности не придается такого большого значения, как в *монокронной культуре* [2].

Таким образом, белорусские и английские идиомы с темпоральной семантикой реализуют универсальные характеристики категории времени (трехкомпонентность, антропоцентричность, цикличность, связь с движением), которые базируются на общих для носителей этих языков закономерностях мыслительных процессов, а также ее национально-специфические аспекты (растяжимость, текучесть и неопределенность времени для белорусов, концепция точного времени у носителей английского языка), предопределенные интра- и экстралингвистическими факторами. Выделенные 3 микрополя с 10 фразеосемантическими группами и 21 подгруппами манифестируют тематическое единство фразеологической репрезентации темпорального фрагмента действительности и отражают сложный характер категории времени в белорусской и английской фразеосистемах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко, А. В. Английский глагол: новая грамматика для всех / А. В. Кравченко. – М. : Просвещение, 2001. – 305 с.
2. Hall, E. T. Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans / E. T. Hall, M. R. Hall. – Yarmouth, Maine : Intercultural Press, 1990. – 196 p.

**ВЛИЯНИЕ СОЦИОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА СТЕРЕОТИПНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ
О ГЕРМАНИИ И НЕМЦАХ**

(по результатам психолингвистического эксперимента)

В современном мире, несмотря на глобализационные процессы и развитие коммуникационных технологий, способствующих интенсификации общения людей во всем мире, у каждого народа, каждой нации есть свои собственные стереотипы об окружающем мире. Стереотипы русских о немцах формировались на протяжении всей истории взаимных контактов (см. например, [1]). Стереотипы упрощают процесс восприятия другой культуры, но препятствуют возникновению новых представлений, мыслей и идей, а также негативно влияют на межкультурную коммуникацию. Изучение факторов, влияющих на возникновение и распространение стереотипов, необходимо и особенно актуально для подготовки специалистов-международников [2, с. 90].

В настоящей статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, проведенного со студентами различных возрастов и факультетов МГИМО МИД России с целью выявления зависимости количества и качества стереотипных представлений о Германии и немцах от различных социодемографических факторов.

Методом анонимного анкетирования, проведенного в 2016 году среди студентов МГИМО, в результате опроса 205 человек было получено 1 546 ассоциативных реакций, которые были распределены по следующим стереотипным кластерам: «Характер и внешность» (254), «Повседневная жизнь, обычаи, нравы» (225), «Немецкий язык» (27), «Географическая принадлежность» (94), «Внешнеполитические отношения» (225), «Внутриполитические отношения» (77), «Социально-экономическая картина» (143), «Наука, производство и сфера услуг» (143), «Культура и спорт» (358).

Заполняя анкету, испытуемые также указывали возраст, пол, факультет, курс, место рождения, знания немецкого языка (отсутствуют, начальные или продвинутые), в качестве основного, второго или третьего иностранного языка изучается немецкий, опыт общения с немцами (отсутствует, малый, большой).

Данные социовозрастные характеристики были использованы для проведения теста Хи-квадрат. Этот метод статистической обработки полученных реакций позволил рассчитать, как часто проявляют себя различные категории стереотипов, как много испытуемых производят одни и те же стереотипы. Чтобы установить, насколько высока степень корреляции между переменными, необходимо из значения теста Хи-квадрат вычислить коэффициент контингенции C и корректирующий коэффициент контингенции $C_{\text{корр}}$. Для удобства вычисления мы использовали калькулятор вычисления Хи-квадрата, представленный на сайте <http://medstatistic.ru>.

Результаты вычисления критерия Хи-квадрат показали, что количество и качество стереотипных представлений студентов о Германии и немцах зависит только от принадлежности к определенному полу и от глубины изучения немецкого языка (среди указанных выше характеристик).

Как распределились по кластерам стереотипные представления в зависимости от гендерного фактора показывает рис. 1. Стоит отметить, что представители мужского пола имели почти в два раза меньше ассоциативных реакций, чем представительницы женского пола (535 против 1 011).

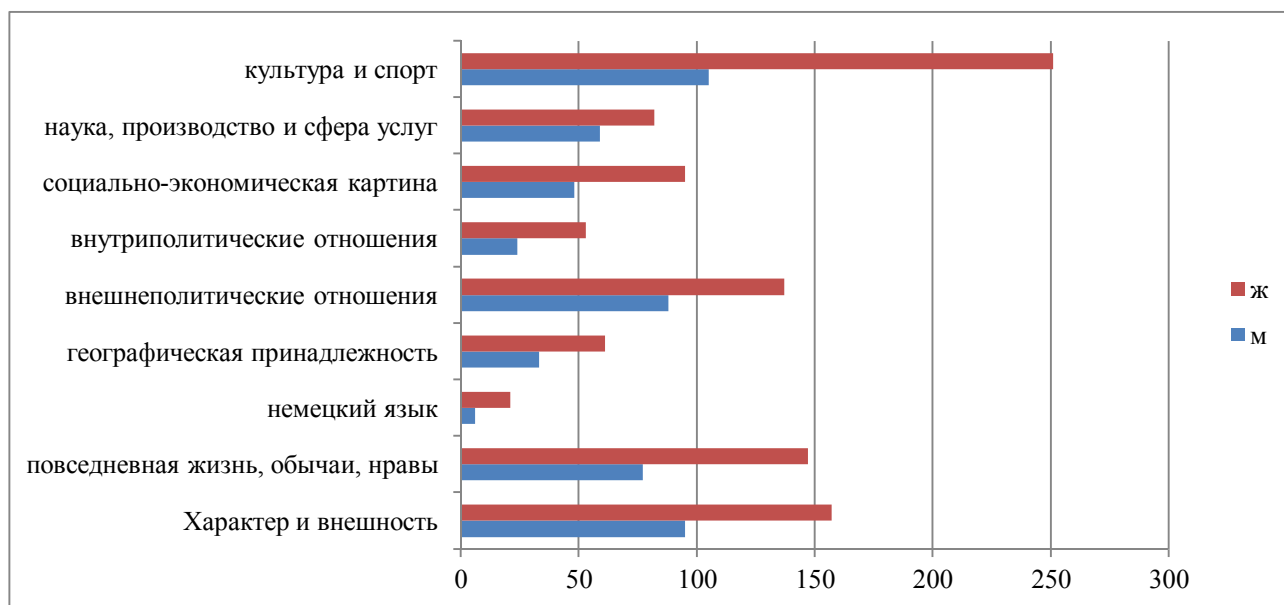

Рис. 1. Распределение стереотипных представлений в зависимости от гендерного фактора

Распределение стереотипных представлений в зависимости от глубины изучения языка представляет рис. 2. Студенты, продолжающие изучение языка, дали наибольшее количество реакций (913), по сравнению с начинающими (412) и не изучающими язык (212).

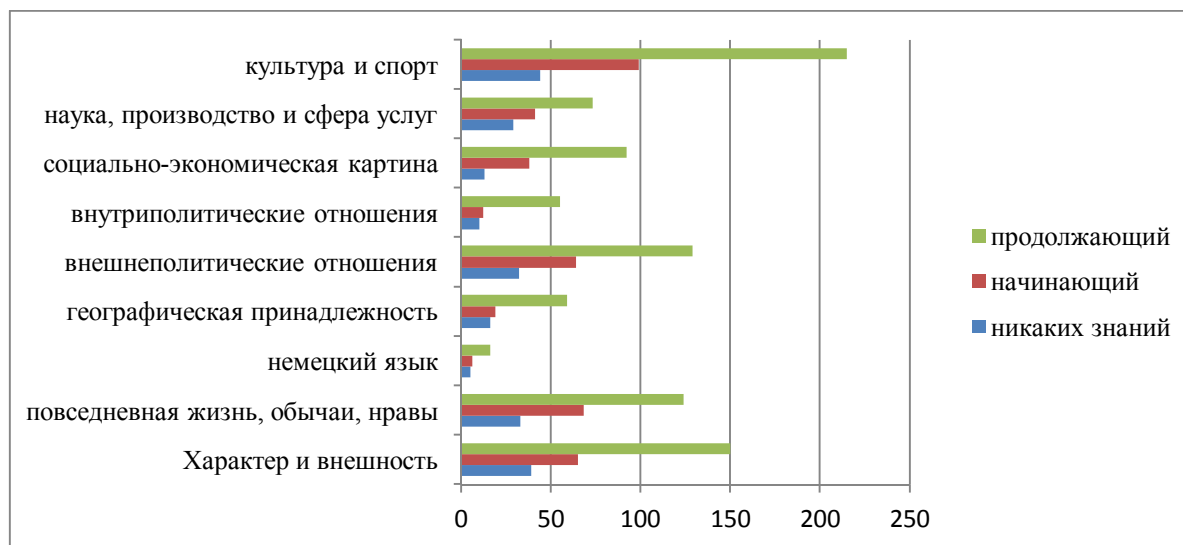

Рис. 2. Распределение стереотипных представлений в зависимости от глубины изучения языка

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушак, В. М. Взаимное восприятие русских и немцев от древности до наших дней // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. – М. : Архив Рос. Акад. наук, 2012. – С. 22–31.
2. Северова, Н. Ю. Введение элементов профессионализации в практику преподавания иностранного языка на начальном этапе бакалавриата в целях обеспечения качества подготовки выпускников (на примере немецкого языка, неязыковой вуз) // Качественное образование: проблемы и перспективы. – М. : МГПУ, 2016. – С. 289–298.

И. В. Борисовская (Белгород, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «НАБЛЮДАТЕЛЬ» В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ*

Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа в сознании человека существуют системы понятий, которые определяются тем языком, носителем которого выступает данный человек. Этот же фактор определяет и особенности его мышления. Принято считать, что ментальные представления человека влияют на его чувственное восприятие действительности. В свою очередь, языковые и культурные системы могут изменять ментальные представления. Американский лингвист и этнолог Эдвард Сепир утверждал: «Мы видим, слышим или иным образом воспринимаем действительность так, а не иначе, потому что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному отбору интерпретаций» [1, р. 210].

В языковой картине мира отражаются представления народа о времени и пространстве, о человеке и природе. Концептуализация процесса наблюдения также находит свое выражение в языковых средствах. Под концептом «наблюдатель» следует понимать ментальное образование, репрезентированное средствами языка, информирующее о лице, в зоне восприятия которого находится предмет, процесс, явление, событие. Признак наблюдаемости – неотъемлемая часть информации, заключенной в предложениях изменения. Данный логико-грамматический тип предложений описывает изменения, происходящие в экстралингвистической ситуации, наблюдаемой кем-либо. Позицию подлежащего в них реализуют пропозитивные имена, которые воплощают смысл целого предложения и самостоятельно способны называть некую ситуацию.

По мнению Г. А. Золотовой, признак наблюдаемости совпадает с признаком «конкретно-временной локализованности», противопоставленной признаку временной абстрагированности действия и, соответственно, ненаблюдаемости. Поэтому фазовые глаголы, функционирующие в предложениях

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00200.

изменения, несут информацию, косвенно указывающую на наблюдателя: *Das Schweigen begann abermals* 'Вновь началось молчание'. В данном высказывании автор, являясь наблюдателем, констатирует отсутствие звуковых процессов. Наличие прагматической характеристики, отражающей исключительно субъективное восприятие процесса, явления, тем более связано с наблюдением: *Faulig scharfer Geruch verbreitete sich im Raum* 'Резкий запах гнилья распространился в помещении'. Качества, приписываемые запаху, указывают на наблюдателя.

Понятие *наблюдатель* связано в лингвистике с понятием авторизации, которое заключается в том, что в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия [2, с. 346]. В предложениях изменения с процессами внешнего воздействия на человека позиция наблюдателя совпадает с говорящим, который, сообщая о чувственно воспринимаемом процессе, явлении, его возникновении или исчезновении, берет на себя эпистемические обязательства: *Das Wispern erstarb* 'Шепот умер'. Говорящий приписывает субъективные характеристики, присущие ситуации: *Im nächsten Augenblick krachten zwei Schüsse* 'В следующее мгновение гроыхнули два выстрела'.

Наблюдатель-экспертиент может быть введен в структуру предложения:

- притяжательным местоимением при существительном, называющем орган восприятия: *Hunderte Geräusche drangen an sein Ohr* 'Сотни шумов доносились до его уха';
- личным местоимением в косвенном падеже там, где фигурируют глаголы с отделяемыми приставками, уточняющими распространение процесса в определенном направлении: *Schritte kamen ihm entgegen* 'Ему навстречу шли шаги';
- глаголы семантического класса «Воздействие» обязательно вводят объект, реализованный прямым дополнением: *Das dünnste Licht umfing ihn* 'Тончайший свет охватил его';
- глаголы движения, подвергаясь метафоризации, также информируют о воздействии. Обстоятельство уточняет орган восприятия, идентифицирующий явление или процесс: *Der faulige Geruch stieg ihm in die Nase* 'Запах гнилья поднялся ему в нос'.

Когда говорящий и экспертиент совпадают, используются личные местоимения первого лица: *Stickender Geruch schlug uns entgegen* 'Затхлый запах ударил нам навстречу'.

В предложениях изменения со значением 'процессы внутреннего воздействия' наблюдатель, испытывающий собственные эмоции, репрезентируется личными местоимениями:

- с предлогом в позиции обстоятельства: *Manchmal regte sich auch der Neid in ihm* 'Иногда в нем шевелилась зависть'.
- в позиции прямого дополнения с глаголами, обладающими обязательной объектной валентностью: *...und der Schreck durchfuhr ihn* 'И его пронзил испуг'.

В предложениях изменения со значением 'эмоциональный процесс' наблюдателем является говорящий, если пропозитивное имя называет внешне выраженные эмоциональные реакции: *Trauer überzieht ihr Gesicht* 'Печаль покрывает ее лицо'.

Репрезентации говорящего-наблюдателя способствует такой временной конкретизатор, как *plötzlich* 'вдруг': *Plötzlich änderte sich sein Verhalten* 'Вдруг его поведение изменилось'.

Наличие экспериента – имманентная черта предложений изменения со значением 'ментальный процесс'.

Глаголы различных лексико-семантических классов, употребляющиеся в предложениях изменения и функционирующие как фазовые глаголы, обладают обязательной валентностью на обстоятельство. Это явление объясняется существованием в сознании носителей языка образной модели, в соответствии с которой ситуация «Возникновение» концептуализируется как перемещение в пространстве и появление в другом месте, близком к наблюдателю, а в случае с ментальными процессами – в самом наблюдателе-субъекте процесса: *Gleichzeitig tauchte die Befürchtung in ihm auf* 'Одновременно в нем всплыло опасение'.

Обязательной объектной валентностью, способствующей экспликации экспериента, обладают глаголы, которые в переносном значении выражают смысл 'воздействие на сознание человека': *Und in der gleichen Sekunde durchfuhr sie eine sonderbare Vorstellung* 'И в ту же секунду ее пронзила особая идея'.

Экспериент представлен притяжательным местоимением в предложно-именной группе, называющей «Поверхность», на которой можно наблюдать внешнее проявление мыслительной деятельности, сам наблюдатель присутствует в имплицитной форме: *Ein ganzes Gewitter von Gedanken ging über ihr dickes Gesicht* 'Целая буря мыслей пронеслась по ее толстому лицу'.

В тех случаях, когда глагол не предполагает валентности на объект, т.е. несет характеристику способа протекания ментального процесса или указывает на его фазу, наблюдатель-субъект процесса может быть выражен притяжательным местоимением при пропозитивном имени: *Dann verloren sich seine Gedanken* 'Потом его мысли терялись'.

Экспериент присутствует в предложении изменения в имплицитном виде, если информация о нем содержалась в контексте ранее: *Das Andenken alles Ungemachten erwachte mit einem Mal* 'Вдруг проснулось воспоминание обо всем неслеланном'.

Таким образом, в предложениях изменения возможны 1) наблюдатель-говорящий, репрезентированный оценочной лексикой; 2) наблюдатель-экспериент, репрезентированный именами собственными, личными и притяжательными местоимениями в структуре обстоятельств и дополнений; 3) наблюдатель-субъект процесса репрезентируется притяжательными местоимениями; 4) говорящий-экспериент репрезентирован личными и притяжательными местоимениями первого лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sapir, E.* The Status of Linguistics as Science / E. Sapir // *Language*. – 1929. – Vol. 5, № 4. – P. 207–214.
2. *Золотова, Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

Е. Л. Григорьян (Ростов-на-Дону, Россия)

РУССКИЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Термин *языковая картина мира* (ЯКМ) на протяжении последних 25 лет исключительно популярен, что соответствует сегодняшней направленности мировой лингвистики с ее антропоцентризмом, когнитивизмом, интересом к этноспецифичности. Однако за данным термином у разных авторов стоят различные представления, не всегда эксплицируемые. Чаще всего происходит приравнивание ЯКМ к духовному миру народа, менталитету, и язык рассматривается как один из источников (наряду с другими) для исследований подобных категорий. Согласно позиции Анны Зализняк, языковая картина мира – удобный конструкт для описания языковой системы, это часть семантики [1]. Заметим, что само название *картина* предполагает целостность, единство, некоторые сквозные организующие начала.

Другой принципиальный вопрос (редко осознаваемый) – какие языковые факты, какой материал показателен для исследования ЯКМ? Многие авторы, похоже, считают, что любой. Согласно более взвешенным подходам, показательным для выявления ЯКМ является не все, что есть в языке, а (1) высокочастотное; (2) глобальное, пронизывающее всю систему (вспомним позицию Б. Л. Уорфа, который считал, что множество названий различных видов снега у народов севера или общее название для снега, льда и инея у индейцев майя в этом плане несущественны, а важно, как организованы фундаментальные семантические категории, такие как пространство, время, количество); (3) повторяющееся, продуктивное, захватывающее и новые единицы, входящие в язык (Анна Зализняк); (4) мировоззренчески значимое – ключевые концепты и т.п.; (5) специфичное, уникальное, отличающее от других [2]. Нетрудно заметить, что первые три пункта взаимосвязаны; последний пункт будет рассмотрен ниже.

Представление о русских безличных конструкциях как о специфической особенности русской грамматики, отражающей самобытное русское мировосприятие, за последние десятилетия получило широкое распространение во многом благодаря работам А. Вежбицкой, посвященным в первую очередь конструкциям с дополнением в творительном падеже, типа *Его убило молнией* или *Его переехало трамваем* [3]. Однако, если не ограничиваться сравнением

с английским языком на его современном этапе и обратиться к более широкому кругу языков и к данным синтаксической типологии, становится очевидным, что такие конструкции полностью соответствуют общим типологическим закономерностям.

Во-первых, это сильная корреляция подлежащего с каузальным значением, в связи с чем незаполненность позиции подлежащего типична для обозначения стихийных (неконтролируемых) ситуаций. Это основное значение безличных конструкций в тех языках, где они есть; этот тип сохраняется и в английском языке, хотя и с чисто формальным подлежащим (которое представляет собой довольно позднее явление в германских языках). Значение загадочной, непостижимой и неподвластной человеку мистической силы, которое Вежбицкая ставит во главу угла, попадает под это общее определение, но не является ни единственным, ни основным значением подобных структур (см. [4]). Значение неконтролируемости является основным для деагентивных конструкций (т.е. конструкций со смещением агентивного элемента с позиции подлежащего), и не только безличных.

Во-вторых, наблюдается закономерная корреляция между синтаксическим статусом и коммуникативным весом актантов. Выбор безличной конструкции часто обусловлен не необходимостью выразить значения стихийности, неконтролируемости, которые во многих случаях сохраняются и в соответствующей личной конструкции (ср. *Лодку унесло течением/Лодку унесло течение*), а коммуникативной структурой высказывания: синтаксические структуры отражают различную фокусировку внимания и определенным образом организуют актанты по их коммуникативному весу. Высокий коммуникативный статус подлежащего и, соответственно, более низкий статус других актантов согласуется с известной в синтаксической типологии иерархией актантов по коммуникативному весу: *подлежащее > прямое дополнение > прочие*. Естественно, что «смещение» подлежащего (устранение соответствующего элемента или сдвиг его в более низкую позицию) автоматически повышает коммуникативный ранг прямого дополнения и/или других актантов – дативных или генитивных (поссесивных). При одушевленности соответствующего актанта, характерной для большинства безличных предложений, проявляется также известная иерархия одушевленности (иначе называемая *topicality hierarchy*): *человек > другие живые существа > силы природы > предметы*.

Кроме того, в подобных структурах прослеживается и другая известная типологическая тенденция – связь прямого дополнения со значением пациентивности (*affectedness*, «страдательности»). В большинстве случаев прямое дополнение (или дативный актант) безличной конструкции не только имеет большую коммуникативную значимость, но также усилено его пациенсное, «экспериенцерное», «страдательное» значение. Характерные для безличных конструкций так называемые дативные и поссесивные субъекты типичны для описания перцептивных или иных аффективных ситуаций. Показательно, что именно этот тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев.

Таким образом, хотя конкретные безличные структуры, совпадающие с русскими (общевосточнославянскими) конструкциями с квазиагентивным дополнением в творительном падеже, возможно, и не встречаются в других языках (впрочем, нельзя исключать, что такие обнаружатся), русский синтаксис в целом и в том, что касается безличных конструкций, следует определенным универсальным закономерностям, характерным для языков, где есть такая категория, как подлежащее, и в которых возможны диатезные преобразования, т.е. варьирование актантных структур.

Однако данное положение не отменяет оснований для оценки безличных конструкций как значимого элемента русской ЯКМ: существенно, что они продуктивны; распространены также окказиональные употребления подобных структур, что свидетельствует о содержательности данного типа для носителей языка; более того, в русском языке отмечается нарастающая вплоть до настоящего времени экспансия безличных конструкций: на протяжении XX в. все больше глаголов употребляется безлично [3, с. 75].

Следует подчеркнуть, что каждый конкретный язык характеризуется не столько уникальными чертами – в языке может не встретиться вообще ни одной уникалии, в любом случае их не может быть достаточно для определения семантики языка в целом; своеобразие языка заключается в совокупности черт, организующих систему, и наличие сходств с другими языками и даже универсальных компонентов и признаков в различных ЯКМ этому не противоречит.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зализняк, Анна А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки слав. культуры, 2005. – 544 с.
2. *Уорф, Б. Л.* Отношение норм поведения к мышлению и языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1961. – Вып. 1. – С. 135–168.
3. *Вежбицкая, А.* Рус. язык // А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – С. 33–88.
4. *Григорьян, Е. Л.* Безличные предложения и «русский менталитет» / Е. Л. Григорьян // Вопросы филологии. – 2008. – № 2 (29). – С. 11–19.

И. Е. Езан (Санкт-Петербург, Россия)
Л. Н. Неборская (Минск, Беларусь)

ТИПЫ ЭЛИМИНАЦИИ В НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Одной из основных особенностей устной разговорной речи, помимо спонтанности, неподготовленности и ситуативности, является трансформация объема высказывания, под которой понимается расширение или сокра-

щение его объема. В грамматической традиции с этими понятиями связаны понятия распространенного и неполного предложения. Термин *неполное предложение* имеет давнюю традицию применения в отечественной германистике и русистике и является достаточно неоднозначным. Еще В. Д. Девкин предлагал заменить его термином *недвусоставное предложение*, имея в виду «бесподлежащие предложения», «бессказуемностные предложения», «безобъектные предложения» и т.п. [1, с. 13]. Неполное предложение как термин представляется в определенном смысле универсальным, так как с его помощью можно описать любую конструкцию с элиминированными повторяющимися синтаксическими компонентами, возводимыми к одной пропозиции [2, с. 163]. По сути, подобная трактовка напрямую соотносится с понятием эллипс и, соответственно, эллиптических предложений – «пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная “неполнота” синтаксической конструкции» [3, с. 592]. Среди немецких лингвистов для такого типа конструкций более распространенным являются обозначения *эллипс* и *эллиптическое предложение* (*Ellipse, elliptischer Satz*). В рамках коммуникативной грамматики под эллипсисом понимаются ситуационно или контекстно обусловленные образцы речевого поведения. Ситуационная обусловленность речевого поведения индивидов «проникает» в формальную структуру и имплицитно «оставляет в ней следы». Это означает, что говорящий/пишущий и слушающий/читающий автоматически продуцируют и, соответственно, воспринимают эти эллиптические конструкции. Другими словами, говорящий предполагает, что его партнер по коммуникации точно в такой же степени, как и он, располагает знанием и вовлечен в ситуацию.

Следует заметить, что некоторые немецкие грамматисты оспаривают наличие в языке эллипсов и обозначают эти конструкции как самостоятельные, регулярные, завершенные синтаксические формы, не являющиеся отклонением от нормы. Предлагаются следующие терминологические варианты: *компактные структуры* (*kompakte Strukturen*), *высказывания, равноценные предложению* (*satzwertige Äußerungen*), *предложения-эквиваленты* (*Satzäquivalente*) [4, S. 187].

Материалом для нашего мини-исследования послужил транскрипт аудиозаписи немецкого культового ток-шоу «Domian» от 26.11.2009, радиопередачи интерактивного характера. Транскрипт выполнен в соответствии с требованиями GAT TO/GAT 2 – системы транскрибирования для анализа устной речи [5].

Как показал анализ практического материала, самым частотным типом элиминации является элиминация левого актанта (подлежащего), грамматически выраженного первым лицом единственного числа. В данном случае презентная парадигма единственного числа достаточно хорошо дифференцируема морфологически и не требует обязательного местоименного обозначения. Глагол начальной позиции в неполных предложениях может быть соотнесен и с субъектом во втором лице единственного числа. В качестве субъекта может выступать производитель действия – одушевлен-

ное лицо, грамматически выраженное в форме третьего лица единственного числа. Согласно классификации эллипсов, предложенной К. Ганзель и Ф. Юргенсом, данный тип конструкции можно отнести к так называемому *ситуационному эллипсу* (*Situative Ellipse*), а именно *эллипсу лица* (*Person-Ellipse*) [4, S. 184].

Некоторые случаи начальной позиции глагола в неполных глагольных предложениях можно объяснить отсутствием субъектного местоимения *das* (*es*), указывающего на большие семантические единства, на предложения или группу предложений предыдущего или последующего текста. Таким образом, все содержание предложения или группы предложений осмысливается как субъект неполного предложения. В классификации К. Ганзель и Ф. Юргенса это так называемый *эллипс события* (*Ereignis-Ellipse*) [Там же, S. 185].

С обсужденными типами эллипса связана проблема их двоякой интерпретации: некоторые лингвисты трактуют такие конструкции в традиции русистики как односоставные определенно-личные предложения, обосновывая это тем, что речь идет о своеобразной «редукции» модели, явной «выводимости» актанта из предиката, которым он поглощен, без явной опоры на контекст. Другие интерпретируют данную структуру как находящуюся на границе элиминации элементов модели предложения при реализации ее в некотором высказывании и редукции модели предложения, основанной на семантических отношениях между предикатом предложения и его актантами [3, с. 167].

Элиминация, ведущая к появлению эллиптических предложений, весьма продуктивна при построении развернутых текстов. Традиционно ее связывают с вопросно-ответными единствами, которые предполагают «неназывание» в ответной реплике всех элементов вопроса.

В формате ток-шоу, основной целью которого является беседа как минимум двух коммуникантов, такие вопросно-ответные единства являются типичными. Одного названия предмета с вопросительной интонацией оказывается вполне достаточно, чтобы слушающий понял, «в какой связи находится данный предмет с теми или иными сторонами действительности» [1, с. 23]. Это могут быть как переспросы, уточняющие вопросы, так и неуверенная констатация, требующая подтверждения.

В вопросно-ответных единствах встречаются следующие типы элиминации: элиминация предиката и левого актанта (подлежащего), повтор элиминированных моделей в одной реплике, что свидетельствует об определенной эмоциональной реакции на реплику собеседника, когда происходит повтор вопросов в сопровождении специфической интонации, выражающей удивление, одобрение, неудовольствие, сомнение и т.п.

Вопросно-ответная структура разговорной речи предполагает еще один тип элиминации, а именно элиминацию предиката и всех актантов за исключением предикативного атрибута, выраженного либо именем прилагатель-

ным, либо наречием. Здесь предикативный атрибут относится к предыдущему высказыванию или подразумеваемому элементу речевой обстановки, а также выступает в роли добавления, предложения-эхо, уточняющего вопроса или ответа.

Таким образом, понятие *неполное предложение* и сопряженное с ним понятие *эллипс* не следует отождествлять только с опущением компонентов структуры. Об опущении компонентов речь может идти с позиций существования некой идеальной и абстрактной структуры предложения и без учета таких факторов, как тема, коммуникативная ситуация, отношения между коммуникативными партнерами и т.п. Во избежание несколько негативной коннотации, присущей самому слову *опущение*, более позитивным и подходящей представляется номинация *экономия языковых средств*, так как подобные структуры выполняют функцию полного отражения действительности при использовании минимума языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девкин, В. Д. Особенности немецкой разговорной речи / В. Д. Девкин. – М. : Междунар. отношения, 1965. – 308 с.
2. Зеленецкий, А. Л. Теория немецкого языкознания / А. Л. Зеленецкий, О. В. Новожилова. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 400 с.
3. Бельчиков, Ю. А. Эллипсис / Ю. А. Бельчиков // Языкознание. Большой энцикл. сл. / под общ. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 2000. – С. 592.
4. Gansel, Ch. Textlinguistik und Textgrammatik / Ch. Gansel, F. Jürgens. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. – S. 184–188.
5. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2) [Электронный ресурс] // Gesprächsforschung. – 2009. – № 10. – Режим доступа : <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf>. – Дата доступа : 10.10.2016.

О. В. Кириленко (Могилёв, Беларусь)

УСТОЙЧИВОСТЬ ГОТОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В современной лингвистике существует несколько подходов относительно идиом, в частности их основного признака – *устойчивости*. Устойчивость является основным параметром функционирования фразеологических выражений в качестве рекуррентных (готовых) выражений (префабрикатов) и когнитивной категорией, связанной с памятью говорящих. Благодаря ей носители языка не создают каждый раз заново идиомы, а воспроизводят их в готовом виде, что позволяет экономить время и усилия в условиях спонтанной речи.

В рамках формально-синтаксического подхода устойчивость выступает конститутивным свойством идиом и проявляется во взаимообусловленности формы и содержания языкового знака. В плане содержания под устойчивостью понимается неспособность компонентов идиоматического целого заменяться на другие компоненты в пределах заданной лексико-грамматической группы и обусловливается потерей компонентами выражения собственных лексических значений, что прямо отражается на характере синтаксической связи между ними. Синтаксическая связь из свободной превращается в обусловленную, зависящую от свойств основного опорного неизменяемого компонента, и проявляется в четко фиксированном порядке слов. Как показывает формально-синтаксический анализ рекуррентных словосочетаний, опорными для префабрикатов является не вся лексема, а только ее употребление в определенной грамматической форме, рекуррентно используемой, т.е. в так называемой лексикололизованной грамматической форме. Например: *reviens* (несвободная синтаксическая единица 'вернись'), «*sujet + s'appelle reviens*» 'подлежащее + называется вернись' (рекуррентная синтаксическая единица с лексикололизованной грамматической формой *s'appelle reviens* 'называется вернись'): – *Si t'es en danger, ça pourra te servir. C'est une Beretta, c'est pas n'importe quoi... Il s'appelle Reviens* букв. 'если тебе угрожает опасность, это может тебе принести пользу. Это пистолет Беретта. Его нужно вернуть, это не лишь бы что' [1, р. 164].

К опорному компоненту прикрепляются изменяемые элементы. Лексико-грамматические особенности могут стать основным показателем присутствия синтаксической идиомы. Например: в выражении *ça déboîte/déchire/tue/pète/démoule/déménage* 'это классно' основной компонент *ça* требует употребления глаголов – изменяемых компонентов – в 3 л. ед. ч. настоящего времени. Кроме того, лексические значения изменяемых компонентов ослабляются или утрачиваются в пользу формирования значения целого выражения. Варьируемые компоненты образуют трансформационный ряд. В его пределах нет доминирующего компонента, все речевые варианты имеют общее значение и равнозначны между собой, что и составляет сложность включения таких синтаксических выражений в словарь.

Как видим, устойчивость – это относительный признак, допускающий семантические или синтаксические трансформации. Тогда возникает вопрос, каким образом, несмотря на все изменения, коммуниканты понимают синтаксические идиомы и воспроизводят их в речи?

Относительно лексических идиом лингвист М. Е. Свенсон выделяет шесть условий устойчивости: меморизация/запоминание (*mémorisation*), единственный контекст (*contexte unique*), идиоматичность (*non-compositionnalité*), маркированная синтаксическая организация (*syntaxe marquée*), лексические ограничения, или невозможность лексической замены (*blocage lexical*), грамматические ограничения, или невозможность изменения в роде, числе и времени (*blocage grammatical*) [2, р. 42]. Исследователь уточняет, что в основе изменений префабрикатов лежит критерий узнавания их коммуникантами [Там же, р. 131].

Однако выделенные критерии описывают лишь семантические и формальные особенности лексических идиом, что исключает из области исследования особенности синтаксиса. Применение функционального подхода позволяет расширить рамки исследований. Параметр устойчивости становится необходимым критерием для быстрого нахождения нужной формы в коммуникативной ситуации и отчетливо проявляется в клишированных, стереотипных, усеченных формах, используемых в разговорном синтаксисе.

Функциональный подход рассматривает префабрикаты в статусе прагмем [3, с. 163] – выражений, обладающих прагматической установкой для достижения определенной прагматической цели: *pour signifier que quelque chose est grave, qu'il vaut mieux renoncer; pour inciter l'interlocuteur à faire quelque chose etc.* Их значение основывается на значении опорного компонента и дополнительного – коммуникативного значения, формируемого изменяемыми зависимыми компонентами. В процессе функционирования прагматический смысл или форма могут меняться, что либо губительно сказывается на синтаксической идиоме, либо она превращается в префабрикат с другим прагматическим значением. Например, *merci à vous* употребляется с коннотативным и высокопарным значением избыточности «*formule redondante et emphatique de remerciement*». Изменение формы *merci à vous* < *merci* разрушает дополнительное значение синтаксической идиомы, она получает значение простой формулы вежливости «*remerciement*». Сравните в русском языке *спасибо вам большое* < *спасибо*. В следующем примере изменение прагматического значения отчетливо отражается на синтаксической и коммуникативной организации выражения:

Il était même question de peine de mort.

– *Eh ben, mon neveu! fis-je* [4, р. 286] буквально ‘– Батюшки! вырвалось у меня’ («pour souligner l'intensité, le caractère exceptionnel de qch»).

Употребление наречия *un peu* изменяет как форму, так и смысл выражения:

– *Tu trouves pas ça marrant, toi?*

– *Un peu, mon neveu!* [5, р. 107] буквально ‘ну конечно’ («*formule plaisante d'approbation*»).

Таким образом, структурный, семантический и функциональный (т.е. прагматическое значение) аспекты существуют взаимнообусловленно и определяют устойчивость. Изменение одного из компонентов устойчивости неизбежно влечет изменение другого. Изменение смысла, формы или функции рекуррентного выражения приводит или к его разрушению, или к его превращению в другую прагматическую единицу. В процессе трансформаций префабрикат должен остаться узнаваемым. Коммуниканты вычленяют в нем опорный компонент как носитель лексиколитературного грамматического значения, вокруг которого выстраивается образованная из речевых вариантов цепочка. Ограничение трансформаций необходимо и является залогом существования синтаксической единицы в статусе прагмемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Granotier, S. Dodo* / S. Granotier. – Paris : Gallimard, 1999. – 230 p.
2. *Svensson, M. H. Critères de figement: l'identification des expressions figées en français contemporain* / M. H. Svensson. – Umeå : Univ. d'Umeå, 2004. – 193 p.
3. *Брусенская, Л. А. Прагмема* / Л. А. Брусенская // Учеб. сл. лингв. терминов / Л. А. Брусенская, Р. Ф. Гаврилова, Н. В. Молычева. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 256 с.
4. *Deflandre, B. La Soupe aux doryphores* / B. Deflandre. – Paris : Flammarion, 1987. – 333 p.
5. *Dard, F. Passez-moi la Joconde* / F. Dard. – Paris : Fleuve noir, 1982. – 224 p.

К. Г. Никитенкова (Минск, Беларусь)

ПОЛУСУФФИКСЫ-НЕОЛОГИЗМЫ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Словообразовательная система немецкого языка, в силу своей относительной ограниченности средств и способов образования слов, всегда характеризовалась активным вовлечением в процессы словопроизводства отдельных самостоятельных лексических единиц в функции аффиксов. Подобную тенденцию можно наблюдать в современном немецком языке, словообразовательный инвентарь которого за последние десятилетия пополнился новыми лексическими единицами. В составе словообразовательных продуктов они приобретают переосмысленное, более обобщенное значение, характерное для единиц словообразовательного уровня. Онлайн-словарь неологизмов Института немецкого языка в г. Мангейм выделяет 17 таких единиц [1]. Однако для настоящего исследования релевантными явились такие компоненты, как *-TÜV*, *-junkie*, *-Aldi*, *-alarm*, *-faktor*, *-fasten*, *-lyrik*, *-flüsterer*. Далее предлагается обозначить их собирательным термином *полусуффикс-неологизм*, который, с одной стороны, подчеркнет их особый словообразовательный статус в составе конструкции, с другой, укажет на период их становления.

Словообразовательный продукт с полусуффиксом-неологизмом можно представить в виде конструкции типа [...]–X, где [...] – первый компонент, –X – второй компонент, т.е. полусуффикс-неологизм. Будучи постоянным, последний сочетается с первым компонентом разнообразной семантики. Заполняемость левой части конструкции единицами различной тематической принадлежности приводит к тому, что правая часть (полусуффикс) постепенно формирует более обобщенное значение. Рассмотрим данную закономерность на примерах.

Полусуффикс-неологизм *-TÜV* в 55 единицах приобретает следующее значение: ‘разработанные по аналогии с критериями Объединения Технического надзора критерии для проверки чего-л., кого-л.’, например: *Pflege-TÜV* ‘vom Medizinischen Dienst der Krankenversicherung vorgenommene

Bewertung der Einhaltung der Qualitätsstandards in der professionellen Pflege bzw. dieser Medizinische Dienst selbst' (предпринятая медицинской службой страхования здоровья оценка соблюдения стандарта качества в профессиональном лечении, а также оценка самой службы). Тематическая принадлежность первого компонента помогает раскрыть сущность всей единицы. Здесь можно выделить такие группы первых компонентов, как продукты, товары: *Lebensmittel-TÜV* 'разработанные критерии контроля продуктов питания'; люди, животные: *Familien-, Kinder-, Lehrer-, Senioren-, Hunde-TÜV* 'разработанные критерии проверки семей, детей, учителей, пожилых людей, собак'; учреждения: *Schul-, Hochschul-, Kita-, Heim-* 'разработанные критерии контроля над школами, вузами, дошкольными учреждениями, приютами'; другие области/явления общественной жизни: образование – *Bildungs-TÜV*, брак – *Ehe-TÜV*, финансы – *Finanz-TÜV*, фитнес – *Fitness-TÜV*, исследования – *Forschungs-TÜV*, здоровье – *Gesundheits-TÜV* и т.п.

Полусуффикс-неологизм *-Aldi* в 17 единицах приобретает значение предприятия, которое подобно продуктовому дискаунтеру «Алди» предлагает недорогой и ограниченный в ассортименте товар (*Unternehmen, das – dem Lebensmitteldiscounter Aldi ähnlich – ein preiswertes und im Angebot reduziertes Sortiment anbietet*), например, *Arznei-Aldi* 'предприятие розничной торговли, предлагающее недорогие медикаменты', *Telefon-Aldi* 'недорогой магазин, специализирующийся на продаже телефонов' и т.п. Однако единицы с компонентом *-Aldi* являясь некоторым учреждением, предприятием, могут предлагать не только товары, но и услуги. При этом услуги, как и товары, также характеризуются доступностью (ср.: недорогие услуги в области здравоохранения: *Krankenhaus-Aldi*; в области финансов: *Banken-, Finanz-Aldi*; в туристической и спортивной сферах: *Reise-, Fitness-Aldi*). Данный факт свидетельствует о расширении значения *Aldi* в составе конструкции [...]Aldi.

Заимствованный полусуффикс-неологизм *-junkie* в 130 единицах демонстрирует расширение значения (ср.: кто-л., кто чрезмерно интенсивно, активно, подобно наркозависимости, занимается некоторым делом (*jemand, der sich sehr intensiv, einer Sucht ähnelnd, mit einer Sache befasst*), например, *Botoxjunkie* 'человек, чрезмерно активно использующий инъекции ботокса', *Bücherjunkie* 'человек, чрезмерно много читающий' и т.п. Таким образом, конструкция [...]junkie обозначает лицо, которое активно занимается тем, что выражено в первом компоненте).

Расширение тематической принадлежности первого компонента в конструкциях с полусуффиксом-неологизмом *-fasten* привело к тому, что последний утратил свое первоначальное значение *Fasten* '(религ.) время поста перед пасхой', но приобрел в 40 единицах на базе основного значения переносное *-fasten* 'осознанный отказ от чего-л., что является важным и обычно используется в большом количестве', например, *Handyfasten* 'временный, осознанный отказ от использования смартфона, ощущаемый как большое ограничение'. Так, первый компонент фиксирует то, от чего осознанно отказываются, например, от алкоголя *Alkoholfasten*, от автомобиля *Autofasten*, от компьютера *Computerfasten*, от электронных писем *E-Mail-Fasten* и т.п.

За счет широкой семантики единиц (около 170 первых компонентов разнообразной тематической принадлежности), заполняющих левую часть конструкции [...]alarm, значение полусуффикса-неологизма *-alarm* приобретает больше черт обобщенности (сравните: *Zickenalarm* ‘(über die Medien ausgetragene) übertriebene Aufregung um den Streit zwischen zwei Kontrahentinnen’ (чрезмерная суета, волнение из-за спора между двумя противницами, распространенное СМИ), *Elfmeteralarm* ‘волнение из-за штрафного удара (в футболе)’). Так, причинами для волнения, суеты могут явиться следующие: прослушивание *Abhöralarm*; биржа труда *Arbeitsmarktalarm*; допинг *Dopingalarm*; родители *Elternalarm*; жиры *Fettalarm*; климат *Klimaalarm*; прыщи *Pickelalarm* и т.п.

С конца 90-х гг. XX в. продуктивной становится конструкция [...]faktor. В 40 словообразовательных продуктах полусуффикс-неологизм имеет значение важного аспекта, обстоятельства при оценке чего-либо в дискуссии общества развлечений, например, *Promifaktor* ‘das Vorhandensein von Prominenz’ (наличие известности, фактор известности). Так, наиболее важными факторами для общества развлечения являются: зависть *Neidfaktor*, брезгливость *Ekelfaktor*, шарм *Glamourfaktor*, симпатия *Sympathiefaktor*, страх *Gruselfaktor*, флирт *Flirtfaktor*, развлечение *Funfaktor*, удовольствие *Spaßfaktor* и т.п.

Конструкция [...]lyrik имеет значение критически дистанцированного способа формулирования, который представляет сказанное в наиболее выгодном свете. Первый компонент конструкции имеет широкую семантику и может выражать, например, сферу, в которой избирается особый способ формулирования сказанного, например, *Werbelyrik* ‘способ формулирования в рекламе, представляющий сказанное с лучшей стороны’; ситуацию, например, *Verkaufsllyrik* ‘способ формулирования при продаже’; того (тех), кто использует критически дистанцированные способы формулирования, например, *Reisebürolyrik* ‘способы формулирования в туристическом агентстве’; цель использования особых способов формулирования, например, *Verschleierungslyrik* ‘способ формулирования с целью завуалирования’.

Наиболее «молодым» полусуффиксом-неологизмом, согласно данным корпуса Института немецкого языка, является компонент *-flüsterer* [1]. Он активно начинает сочетаться с первым компонентом с начала XXI в. Конструкция [...]flüsterer имеет значение лица, которое упрекают из-за способности оказывать влияние, в чрезмерной чуткости по отношению к животному, растению, прибору, инструменту, человеку. Таким образом, первый компонент выражает то, по отношению к чему человек проявляет понимание, сострадание или на что имеет влияние. Здесь можно выделить разнообразные тематические группы первых компонентов, например, животные и растения, например, *Pferdeflüsterer* ‘Person, die mit einfühlsamen Methoden schwierige Pferde zu einer Änderung ihres Verhaltens bringen kann’ (лицо, которое посредством чутких методов может изменить поведение непослушных лошадей); музыкальные предметы, например, *Celloflüsterer* ‘виртуозный музыкант-виолончелист’; техника и другие предметы, например, *Autoflüsterer* ‘лицо, проявляющее внимание к автомобилю’; люди, например, *Frauenflüsterer* ‘лицо, которое посредством разных методов оказывает влияние на женщин’.

Таким образом, в современном немецком языке за последние десятилетия появились новые полусуффиксы, которые более ярко демонстрируют признаки переходной категории и обладают большей убедительной силой. Формирование обобщенного значения полусуффиксов-неологизмов происходит в процессе взаимодействия двух компонентов в составе конструкции, где первый компонент в силу своей расширенной семантики непосредственно участвует в складывании обобщенного значения всей единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Das Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch (OWID) des Instituts für Deutsche Sprache (IDS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.owid.de/wb/neo/start.html>. – Дата доступа : 06.08.2016.

Ю. Н. Сдобнова (Москва, Россия)

К ВОПРОСУ УНИВЕРСАЛЬНОГО В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современная лингвистика определяет институциональную коммуникацию как «протяженный во времени и пространстве диалог <...> носящий конвенционализированный характер, соответствующий формальной данности и легитимности институтов» [1, с. 2]. Институциональная коммуникация осуществляется посредством языкового инструментария, формирующего институциональный дискурс, который мы понимаем как «динамический язык социального института в устных и письменных синхронических практиках его репрезентативных текстов с учетом их синхронно-динамических изменений, являющихся закономерным лингвистическим отображением развития общества в целом и соответствующего социального института в частности» [2, л. 172–173].

Одним из универсальных свойств картины мира институциональной коммуникации (КМИК) как национального, так и коллективно-институционального характера являются современные тенденции глобальной интернетики. В настоящее время интернет-пространство приобретает значение нового коммуникативного ареала речетворчества, или шире – императивного дополнительного механизма институциональной коммуникации. Мы проследим этот феномен последовательно на лингвистических корпусах официальных сайтов дискурсов классических социальных институтов Франции: образовательного (ОД) [3], военного (ВД) [4] и медицинского (МД) [5].

Отличительной чертой универсальной интернет-вербализации дискурса рассматриваемых социальных институтов Франции являются принципы: открытости (представление полной информации о социальном институте),

доступности (тексты/видео обращения министров к институту/обществу и т.д.), прозрачности (открытые финансовые и статистические данные, освещение основных институциональных кампаний) и современного похода с применением всех информационных коммуникационных технологий, включающих продуманную имиджевую лингвистическую политику, выстраиваемую с учетом общественного мнения и общекультурных традиций, в частности с широким использованием возможностей виртуального пространства (упрощенная навигация для выхода через систему официального сайта-оболочки на страницу в соцсетях/Instagram/Twitter, публикация новостей на специализированном видеоканале, ведение профессиональных интернет-блогов/форумов, электронные версии основных печатных институциональных СМИ в дополнении к ежедневным интернет-публикациям на головном сайте и т.д.).

Квантитативный корпусный анализ языкового материала выявил среди характерных универсальных особенностей следующий тематический аксиологический ряд: преданность общему делу, благородство выполняемой миссии, чувство долга; самосовершенствование и работа во благо развития и прогресса института/инноваций, правовая база и экономическая рентабельность (в ВД – защита Родины, в ОД – хранение и приумножение знаний, в МД – охрана здоровья). В результате количественного анализа сценариев универсального коммуникативного вектора, включающего традиционные разнонаправленные пары: «социальный институт – члены социального института», «социальный институт – общество», была выявлена спрогнозированная константность взаимных обязательств (преданность делу общества и соблюдение традиций членами социального института во благо общества подразумевают признание и гарантии защиты прав каждого члена социального института).

Среди общих тенденций интернет-вербализации социальных дискурсов в проанализированном материале мы выделили следующие стратегии:

1) институциональная имиджевая коммуникация (создание позитивного имиджа «социальный институт – члены социального института», «социальный институт – общество»);

2) институциональная информативно-корпоративная коммуникация (специализированный рубрикатор в ОД – *Espace professionnel* ‘Общение профессионалов’, в ВД – *Monde combattant* ‘Мир военнослужащих’, в МД – *Pour les professionnels* ‘Для профессионалов’);

3) институциональная общекорпоративная коммуникация (общее освещение и обсуждение событий социального института, направленные на популяризацию идей социального института);

4) институциональная массмедийная коммуникация (специализированный рубрикатор для распространения пресс-коммунике и т.д. в ОД – *Espace presse* ‘Раздел прессы’, в ВД – *Salle de presse* ‘Пресс центр’, в МД – *Presse* ‘Пресса’);

5) институциональная событийная коммуникация (специализированный рубрикатор для освещения основных событий института в ОД – *Evénements* ‘События’, в ВД – *Les conférences, colloques, expositions et cinéma* ‘Конференции, коллоквиумы, выставки и кино’, в МД – *Evénements* ‘События’);

6) институциональные рекламная коммуникация (рубрикатор продвижение инновационных идей социального института, имиджа и репутации).

Квантитативный анализ спорадических особенностей вербализации национальных антропоцентричных дискурсов социальных институтов Франции (образовательного, военного, медицинского) в виртуальной среде как новом императивном дополнительном механизме институциональной коммуникации показал перспективность дальнейших наблюдений за дискурсами социальных институтов в глобальном интернет-пространстве с целью создания общей теории национальной/глобальной профессиональной ориентации в ареале виртуальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнова, И. А. Коммуникативно-прагматические основания жанровой системы в маркетинговом дискурсе : автореферат дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И. А. Гусейнова, МГЛУ. – М., 2010. – 42 с.
2. Сдобнова, Ю. Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе вооруженных сил Франции : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ю. Н. Сдобнова. – М., 2014. – 218 л.
3. Официальный сайт министерства образования Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.education.gouv.fr>. – Дата доступа: 10.08.2016.
4. Официальный сайт министерства обороны Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.defense.gouv.fr>. – Дата доступа : 10.08.2016.
5. Официальный сайт министерство социальных дел и здравоохранения Франции [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://social-sante.gouv.fr>. – Дата доступа : 10.08.2016.

А. В. Сытько (Минск, Беларусь)

ФРАЗОВАЯ ПРОСОДИЯ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ РАЗДЕЛЕННОМ ВОПРОСЕ

Интонационный уровень речевого звучания имеет сложное строение и выполняет многообразные функции. Компоненты речевой интонации универсальны, но их предпочтительная значимость, способы акустического выражения и характер взаимосвязи со смыслом, синтаксическим строем и ритмической организацией высказывания варьируются от языка к языку.

Фразовая просодия занимает прочное место в тематике исследований по современной интонологии в связи со значимостью данной проблемы для лингвистической науки в целом.

Совершенно очевидно, что смысловая целостность высказывания относительна. Эта относительность находит выражение в сложной структуре интонационного контура, в котором отдельным – простым или сложным – компонентам плана содержания соответствуют структурные элементы плана выражения. Таким образом, просодический контур высказывания одновременно и целостен, и членим. Яркий пример такой дискретной единицы являет собой разделенный, сегментированный, вопрос, находящийся в немецком и белорусском языках на периферии функционально-семантического поля предположения. Предмет данного исследования составили присоединительные элементы (тэги) в немецких и белорусских разделенных вопросах при передаче субъективной модальности предположения. Выбор мотивировался семантической значимостью рассматриваемых единиц в устном дискурсе, что находит свое подтверждение в высоком показателе их частотности употребления в речи. Объектом явились просодические особенности тэгов в контрастивном аспекте. Универсальным средством реализации просодии является частота основного тона (ч.о.т.), о которой далее пойдет речь, так как различные виды просодической информации передаются с помощью ее модификации. Частота основного тона является самым ярким акустическим параметром, изменяясь во времени (тональные характеристики сигнала), образует интонацию фразы. При смысловой интерпретации сообщения она является доминантой среди остальных просодических средств.

Сегментированная структура представляет собой в немецком и белорусском языках структурно-коммуникативное единство, состоящее из автономного повествовательного сегмента и несистемного вопросительного элемента – морфологически независимого тэга, с помощью которого адресату задаются определенные маркеры модальности, позволяющие ему самому определять степень достоверности пропозиции высказывания и высказать свою точку зрения, избегая столкновения взглядов. Вопросительный элемент, тэг, отделен от констативной части интонационно, физиологической паузой. С функциональной точки зрения данные структуры представляют собой *языковую универсалию*, являясь одной из лексико-грамматических единиц, одновременно осуществляющих координацию общения и реализующих максимум такта, а также различные имплицативные значения, передающие *отношение* говорящего к предмету речи. Именно это позволяет ей функционировать в роли модального модификатора гораздо активнее ядерных модальных средств: в исследуемых языках различные модификации неместоименного вопроса используются для передачи предположения в $\frac{3}{4}$ всех случаев, а в 20 % из них – разделенный вопрос. Причем модализирующую функцию выполняет здесь именно тэг и его мелодическое оформление, поскольку синтаксические формы сами по себе не располагают достаточными средствами для выражения внутреннего смысла высказывания (А. Р. Лурия).

В качестве вопросительных сегментов в рассматриваемых структурах выступают элементы, обладающие способностью создавать вопросительное значение в акте речевой коммуникации, первичная функция которых как значимых единиц языка иная. Так, в немецком языке это союз *oder*, отрицание *nicht* (*nicht wahr*) и вопросительные местоимения *wie* и *was*, спорадически междометие *ja* и грамматикализованная форма *stimmt* (*stimmt's*). Все они используются для передачи уверенного предположения. Помимо данных фиксированных лексем, в качестве тэгов, чаще всего эмоционально окрашивая фразу, могут выступать междометия (*oh*, *eh*, *he* и т.д.). Для передачи сомнения используется лишь союз *oder* (*oder nicht*), реже – междометие *echt*. Таким образом, все немецкие тэги представляют собой одноакцентные односложные ([‘_?]) либо двусложные единицы ([‘_ _?]/[_ ‘_?]), которые занимают финальную позицию во фразе, сразу после ремы, образуя мелодическую незавершенность в постстрематическом пространстве. Конечная позиция тэгов делает их более «слышными», позволяя говорящему четче реализовывать эпистемическую установку. На разные модальные оттенки указывает частотный диапазон на тэге, который при оформлении сомнения больше, ср.:

Уверенное предположение	Сомнение
‘‘ ²¹⁶ <i>Müde</i> ¹⁵⁵ , ‘‘‘ ¹³² <i>was</i> ²⁸⁶ <i>Gu?</i> (мужской голос)	<i>Aber wir 'sind ja ''Freunde, '''</i> ¹³⁰ <i>oder</i> ³⁰⁰ <i>Gu?</i> (мужской голос)
<i>In dieser</i> ‘‘ ²⁰⁸ <i>Stadt</i> ¹⁹⁸ , <i>nicht</i> ‘‘‘ ²¹⁰ <i>wahr</i> ³⁴⁴ <i>Gu?</i> (женский голос)	<i>Aber wir 'sind ja ''Freunde, '''</i> ¹⁷⁵ <i>oder</i> ³⁷² <i>Gu?</i> (женский голос)

Модальный диапазон белорусских разделенных вопросов оказывается более широким, чем в немецком языке, за счет отсутствия в белорусском фиксированного порядка слов. Однако данные структуры являются менее однозначными по модальной семантике и более контекстно-зависимыми, т.е. здесь основная коммуникативная задача просодии – актуализовать потенциально полисемантические лексико-синтаксические конструкции, связать их с определенной ситуацией, с контекстом. Из-за небольшого количество тэгов (вопросительная частица *a*, частица *што* или сложная модальная частица *ці што* и наречие *так* (‘правільна, сапраўды’) отсутствует закрепление за каким-либо из них определенного модального оттенка. С точки зрения ритмической структуры тэги представляют собой также одноакцентные единицы, занимающие различную позицию во фразе, чем и обусловлено богатство их просодических структур (инвариантов просодического оформления). При этом, если в немецком языке тэги структурно всегда относятся к одному предложению, в белорусском они могут выноситься в самостоятельное последующее парцеллированное высказывание, что отмечается нередко, например: *У мяне шмат плюсоў, а толькі адзін недахоп – гаварыць людзям праўду. Як газета. Ці і гэта плюс? А?* Таким образом, основную роль в передаче модальных оттенков белорусскими разделенными структурами играют место тэга во фразе, мелодия (см. табл.).

Использование интонационных конструкций (ИК)
для передачи модальных оттенков в белорусском языке

Модальный оттенок	Тэг	Позиция во фразе	Интонационная конструкция тэга (по Е. Брызгуновой)	
сомнение	(так) што	инициальная <i>Што⁵\, ен захварэ⁵/ў ?</i> <i>Што⁴\, і ў такую малюсенькую дзірачку галава⁴\ пралезла ??</i>	ИК-5 – \=/ _	Тэг безударный, во фразе два центра: на гласном центра тон понижается, а затем повышается, и высокий уровень держится до конца ИК
			ИК-4 – – \	На гласном центра нисходящее-восходящее движение тона выше предцентра, уровень тона постцентра выше среднего, выше, центра. В предцентральной части тон довольно высокий, на гласном центра он понижается, а затем повышается, и высокий уровень держится до конца ИК
	ці што (як)	финальная <i>Будзем спаць ці што⁴\ ?</i>	ИК-4 – – \	На гласном центра нисходящее движение тона в пределах диапазона предцентра или
			ИК-2 – — \ _	незначительно ниже, уровень тона постцентра ниже центра, ниже среднего уровня
неуверенное предположение	так	парцеллированная <i>І ен, відаць, рашыў мне адпомсціць? Та³/к?</i>	ИК-2 – \ _	Тон резко повышается на ударной части (в пределах одного слога). На гласном центра восходящее движение тона выше предцентра, уровень тона постцентра ниже среднего
	а		ИК-3 — / _	
уверенное предположение	ці што	медальная <i>А⁵/нька, ці што, прыезджа⁵ла?</i>	ИК-5 – /= \ _	Тэг безударный. Во фразе 2 центра: на гласном первого центра восходящее движение тона, на гласном второго нисходящее: уровень тона между центрами выше предцентра и постцентра
	так	финальная/ парцеллированная <i>А як што, адна я³ вінаватая? Та⁴\к?</i>	ИК-4 – – \	См. выше, но в постцентре повышается незначительно
	а		ИК-6 (/=) – /	Повышение тона происходит на ударной части и продолжается на заударной части. На гласном центра восходящее движение тона выше предцентра, уровень тона постцентра также выше среднего, выше предцентра

Тэг в белорусском языке отделяется интонационно в любой позиции. В случае инициальной и медиальной позиции тэга наблюдается так называемое нефинальное падение (А. А. Кибрик), квазиточечная интонация: падение в уровень на 2–4 полутона выше нижнего уровня голоса. Это падение, адаптивное к последующему подъему, поскольку тэг не представляет собой отдельную иллокуцию. Его можно назвать препаративным, поэтапным. В случае финальной позиции тэга в предшествующей ему части часто возникает тональный загиб вверх, уже на последней части акцентированного слога.

В случае нахождения тэгов в медиальной и инициальной позиции в белорусской фразе во фразе отмечаются два смысловых центра: в первом из них тон повышается на ударном гласном, на втором ударном гласном тон понижается, а мелодия вступает с тэгом в гармоничные отношения: фигура ИК-5 ($\backslash=$ и $/=$) связывает в этом случае тему и рему, на реме имеет место восходящий тон, который в случае оформления сомнения усиливает семантику лексического средства – частицы *што*, применяемой в белорусском вопросе для передачи большой неуверенности.

В случае использования одной и той же ИК для разных модальных оттенков релевантным выступает уровень частотного завершения *всей* фразы (поскольку тэг может занимать и начальную позицию): отмечается его увеличение с нарастанием сомнения. Это происходит в обоих языках, указывая на универсальный характер фразовой просодии при передаче сомнения. Указанная информация реализуется чаще всего неосознанно, но является для слушателя надежным семантико-прагматическим маркером.

Тональный контур в конечном тэге в немецком и белорусском языках совпадает: происходит резкий подъем тона на ударном слоге, характеризуясь высоким завершением (интонема 2а по Майнхольду), который синкопирует значение предположения и апеллирующую функцию. На вынесенном в финал немецком тэге фиксируется подъем частоты тона на ударном слоге, что соответствует ИК-6 ($/=$). В белорусском языке отмечается, однако, высокое начало тэга, но меньший, чем в немецком, тональный диапазон. Средняя скорость изменений ч.о.т. на апеллятивной части высказывания составляет в белорусском языке ≈ 32 Гц/мс, в немецком – 22 Гц/мс. При этом в обоих языках просодия финального тэга взаимодействует с его семантикой *компенсаторно*: собственная семантика вопросительного сегмента не играет в данном случае никакой роли, а модальное значение и апеллятивность выражаются в них восходящей мелодией а не лексически, т.е. здесь интонема определяется прежде всего семантической, а не собственно синтаксической структурой высказывания. Возможность реализации тэга различными ИК в белорусском разделенном вопросе окрашивает речь дополнительными прагматическими характеристиками (требование ответа (ИК-2 $-\backslash$), усиление оценки, в том числе и эмоциональной (ИК-5 $\backslash=$)), что в немецком разделенном вопросе реализуется изменениями скорости и крутизны подъема тона на тэге.

Таким образом, просодия выступает в качестве семантического фильтра для лексико-синтаксических средств в разделенном вопросе, выражая при этом не только эпистемические установки, но и эмоционально-прагматические оттенки.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. В. Беспалова (Самара, Россия)

ЛАНДШАФТНЫЕ КОНЦЕПТЫ В НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ И РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: НАПРАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Ландшафтные концепты являются базовыми единицами картины мира и участвуют в процессах категоризации [1, с. 76–86]. Языковая картина мира каждого лингвокультурного сообщества закономерно включает в себя базовый фонд единиц, репрезентирующих знания о различных формах земной поверхности и природных водных ландшафтов, так называемых ландшафтных концептах. На материале английского языка были выявлены различные уровни категоризации ландшафтов: базовый, суперординатный, субординатный, переходный [1]. Особенностью единиц лексики базового и переходного уровней можно признать возможность ее использования не только в качестве репрезентанта знаний о категориях естественных объектов, но и, несмотря на отсутствие у большинства единиц оценочных смыслов в системном значении, в качестве инструмента интерпретации и оценивания других концептуально-тематических областей [Там же, с. 180–181]. Функциональный анализ единиц ландшафтной лексики продемонстрировал основные когнитивные механизмы формирования с ее помощью разнообразных оценочных смыслов, позволяющих на основе оценочных категорий размера, формы, движения, расположения в пространстве и когнитивных схем *вместилище* или *прямая линия* характеризовать широкий спектр других концептуально-тематических областей, таких как «Человек», «Природа», «Общество», «Животный мир», «Артефакт», «Пространство», «Время» [1, с. 180–181].

Интерпретационный потенциал ландшафтной лексики в поэтическом дискурсе и переводах не являлся объектом научных изысканий, хотя существует ряд работ, посвященных ландшафтам в лирике отдельных поэтов [2; 3]. Лексические единицы, репрезентирующие ландшафтные концепты, являются закономерной частью поэтического дискурса. Ландшафтная лексика используется в поэтических текстах практически всех периодов и направлений. Признавая ландшафтные концепты сложными многомерными единицами, способными в разных лингвокультурах включать в свой состав как универсальные, так и специфические признаки, логично предположить довольно широкий функциональный потенциал ландшафтной лексики в поэзии и связанную с этим неоднозначность переводческих решений при трансляции поэтических смыслов в культуру языка перевода. Целью настоящей статьи является обозначение основных направлений концептуального анализа ландшафтной лексики в немецкой классической поэзии и русских переводах. Мы рассматриваем функциональный потенциал единиц, репрезентирующих в текстах немецкой классической поэзии базовые ландшафтные концепты, такие как «Wald», «Berg», «Land», «Fluss», «Meer», «Feld», и возможности его воссоздания в русских переводных текстах.

Ландшафтная лексика используется в *дескриптивной функции* при описании природы: *Über allen Gipfeln / Ist Ruh / In allen Wipfeln spürest du / Kaum einen Hauch; / Die Vögelein schweigen im Walde...* ‘Горные вершины / Спят во тьме ночной / Тихие долины полны свежей мглой / Не пылит дорога / Не дрожат листы’ [4, с. 124–125], места действия или фона: *Morgenwind umflügelt / Die beschattete Bucht, / Und im See bespiegelt / Sich die reifende Frucht* ‘Утренний ветер обвевает / Дремлющий тихо залив. / Озера зыбь отражает / Много зреющих слив’ [Там же, с. 118–119]. При сопоставлении оригиналов и переводов выявляются разные способы актуализации периферийных концептуальных признаков: *движение, освещенность, тишина, цвет, температура*, элементы флоры и фауны.

В поэтических текстах ландшафтная лексика используется для формирования характеризующих и оценочных смыслов в результате возможности интерпретации с ее помощью «другой концептуально-тематической области, то есть вследствие процесса концептуальной деривации» [3, с. 180]. Мы выделили несколько концептуально-тематических областей, характеристика и оценка которых формируется в поэтическом тексте с участием ландшафтной лексики.

Оценка может распространяться на концептуально-тематическую область «Человек» и «Бог». Так, в реплике Прометея в одноименной оде И. В. Гете употребление единиц ландшафта содержит антитезу в актуализации концептуальных признаков *величина, возможность воздействия человека*, вследствие чего другая концептуальная область, могущество богов, которым под силу легко управляться с могучими деревьями и вершинами гор, нивелируется сравнением с детскими забавами: *Und übe, Knaben gleich, / Der Disteln köpft, / An Eichen dich und Bergeshöhn!* ‘Ты можешь как мальчишка, сбивающий репы, / Крушить дубы и скалы’ [4, с. 110–111].

Концептуальная область «Человек и его устремления» получает косвенную оценку в следующем монологе Фауста: *Doch ist es jedem eingeboren, / dass sein Gefühl hinauf und vorwärts dringt... / Wenn über schroffen Fichtenhöhen / Der Adler ausgebreitet schwebt, / Und über Flächen, über Seen / Der Kranich nach der Heimat strebt* ‘Но всем знаком порыв врожденный / Куда-то ввысь, туда, в зенит... Или когда вверху над бором / Парит орел, или вдали / Осенним утренним простором / К отлету тянут журавли’ [Там же, с. 164–165]. Концептуальные признаки *величина, протяженность, множественность*, метафорическое осмысление духовного мира в категориях пространства, положительная оценка движения вверх и вперед в совокупности позволяют прочувствовать и поэтически осмыслить высокие стремления человеческого духа в целом и главного героя в частности. В русском переводе сохранена концептуальная соотнесенность тематических областей при актуализации других периферийных признаков (*время года, элементы флоры*) или их элиминации (‘озера’, ‘поле’).

Концептуальная область «Настроения/Эмоции» характеризуется в стихотворении Й. В. Гете «К месяцу»: *Füllest wieder Busch und Tal / Still mit Nebelglanz... Breitest über mein Gefild / Lindernd deinen Blick* ‘Зыбким светом

облекла / **Долы и кусты...** Успокоила во мне / Дум смятенный рой' [4, с. 120–121]. Соположение концептуальных областей происходит на основании актуализации метафоры *вместилище* и персонификации месяца; долины и кусты, полные в течение дня активной жизни, месяц наполняет ночью тихим сиянием и тем самым «успокаивает»; внутренний мир человека осмысливается как поле, на которое месяц кидает успокаивающий взор. В русском переводе В. В. Левика актуализированы концептуальные признаки мыслительного процесса и эмоционального состояния *активность, тревожность* ('рой' мыслей), сравнение внутреннего мира с полем элиминировано.

Концептуальная область «Вечность» характеризуется с участием ландшафтной лексики в лирике Р. М. Рильке: *Da geht der Sturm, der Umgestalter, / Geht durch den Wald und durch die Zeit, / und alles ist wie ohne Alter: / die Landschaft wie ein Vers im Psalter, / Ist Ernst und Wucht und Ewigkeit* 'Сквозь **рощу** рвется непогода, / Сквозь изгороди и дома. / И вновь без возраста природа. / И дни, и вещи обихода, / И **даль пространств** – как стих псалма' [Там же, с. 350–351]. Актуализация концептуальных признаков *возраст, существование во все времена, способность противостоять переменам/ стихии* позволяют осмыслить ландшафт как вечную категорию, изменения проходят сквозь него, он в своей сущности не подвластен времени и потому написан строкой в вечной книге бытия, ландшафт у Рильке – это то, что действительно серьезно, сильно и вечно. В переводе Б. Пастернака дополнительно актуализованы концептуальные признаки *протяженность, антропогенные элементы*.

Таким образом, в поэтическом дискурсе ландшафтная лексика используется для характеристики и оценки тематических областей, связанных с человеком, его внутренним миром, осмыслением своего предназначения и перспектив. Это возможно благодаря проекции мира физического на мир внутренний в попытке осмысления последнего в категориях пространства. В переводе, как правило, актуализируются те же концептуальные области при возможности варьирования периферийных признаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев, Н. Н.* Категоризация ландшафтов и интерпретационный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке: моногр / Н. Н. Болдырев, Е. В. Чистякова. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. – 206 с.
2. *Алексеева, Л. Ф.* Поэтическое воплощение ландшафтов в лирике Александра Блока / Л. Ф. Алексеева, С. А. Щербаков // Лесной вестн. – 2013. – № 5. – С. 130–136.
3. *Ахтырская, В. Н.* Ландшафт и Лик : стихотворение Райнера Марии Рильке «Оливовая роща» // Вестн. ПСТГУ. – 2008. – Вып. 3 (13). – С. 11–17.
4. От «Нибелунгов» до Рильке : немецкая поэзия и русские переводы : учеб. пособие по немецкой литературе для старшеклассников и студентов языковых вузов / В. фон дер Фогельвейде [и др.] ; пер. с нем.: Ю. Корнев [и др.] ; сост.: Н. Любимова, Н. Шляпина. – Москва : Март, 2000. – 395 с.

ПРАБЛЕМА ПЕРАКЛАДУ НАЗВАЎ ВУЧОНЫХ І АКАДЭМІЧНЫХ СТУПЕНЯЎ І ЗВАННЯЎ

Міжкультурная прафесійная камунікацыя кожны год умацоўвае сваю значнасць. Імклівае развіццё навукі, інфармацыйных тэхналогій, інтэнсіўны абмен інфармацыяй, інтэграцыя навукоўцаў розных краін свету для ўдзелу ў распрацоўках па перспектывных навуковых накірунках робяць праблему перакладу назваў вучоных і акадэмічных ступеняў і званняў вельмі актуальнай. Акрамя таго, гэтая праблема ўсе часцей узнікае ў сувязі з павелічэннем колькасці навукоўцаў і выкладчыкаў, якія жадаюць апублікаваць свае навуковыя працы і вынікі сваіх даследаванняў, прымаць удзел у міжнародных канферэнцыях, сімпозіумах, семінарах.

На дадзены момант няма дакладнасці ва ўзаемным прызнанні акадэмічных кваліфікацый рознымі краінамі свету. Паміж некаторымі еўрапейскімі дзяржавамі існуюць прыватныя дамовы, якія дазваляюць ім узаемна прызнаваць дакументы аб атрыманні той ці іншай адукацыі. Як правіла, гэта магчыма, калі адукацыйная праграма пэўнай навучальнай установы акрэдытавана адпаведнымі органамі як дадзенай краіны, так і іншых. Нягледзячы на прыняцце адпаведных рашэнняў на канферэнцыях, семінарах, а таксама на пагадненні, якія падпісаны паміж асобнымі дзяржавамі пры прызнанне эквівалентнасці вучоных ступеняў і пасадак, кваліфікацыйных камісіі многіх краін праводзяць працэдуру спецыяльнай экспертызы дысртацый, абароненых у іншых краінах. Складанасць заключаецца і ў тым, што ёсць пэўныя адрозненні паміж сістэмамі прысуджэння акадэмічных і вучоных ступеняў у розных краінах, абумоўленыя іх культурна-гістарычнымі асаблівасцямі. Разам з тым існуе яшчэ адна праблема, звязаная з уніфікацыяй назваў спецыяльнасцей, званняў, вучоных ступеняў і іх перакладам на розныя мовы.

Пераклад вучоных ступеняў у выглядзе *кандыдат навук* – *candidate of Sciences*, *доктар навук* – *doctor of Sciences* для публіцыстычных тэкстаў не рэкамендаваны, бо ён толькі заблытвае неспрактыкаваных у беларускіх рэаліях англамоўных чытачоў (*candidate* успрымаецца як нейкая прамежкая, непацверджаная ступень, а *doctor* – як аналаг заходняга доктара навук, што не адпавядае рэчаіснасці). З іншага боку, у юрыдычным ці навуковым тэксце гэтыя варыянты могуць быць слушнымі, бо з іх выводзіцца арыгінальная назва ступені на беларускай мове.

Спалучэнні тыпу *candidate's degree/candidate of sciences* ці *candidate of pedagogics/candidate of pedagogical science(s)* слушныя толькі з указаннем тлумачэнняў. Даслоўны пераклад беларускага словазлучэння *кандыдат навук* як *candidate of science(s)* без адпаведных тлумачэнняў з'яўляецца недакладным. Па-першае, носьбіт англійскай мовы можа інтэрпрытаваць яго як *bachelor of science*, *master of science* і будзе думаць, што чалавек працуе ў вобласці прыродазнаўчых навук, а гэта можа не адпавядаць рэчаіснасці.

Па-другое, трэба ўлічваць, што слова *candidate* часта выкарыстоўваецца ў спалучэннях *Ph. D. doctoral candidate*, дзе яно паказвае, што даследчык пакуль працуе над адпаведнай дысэртацыяй і ступені доктара філасофіі яшчэ не атрымаў. Спалучэнне *doctoral candidate* можа быць эквівалентам беларускаму слову *суіскальнік*.

Функцыянальны аналаг для беларускай вучонай ступені кандыдата навук – гэта ступень доктара філасофіі ў англамоўных краінах *Doctor of Philosophy (Ph. D.)*. Ступень доктара філасофіі прысуджаецца як у вобласці прыродазнаўчых, так і гуманітарных навук. Слова *philosophy* не павінна бярэцца з беларуса, бо спрадвечна яно мела больш агульнае значэнне ў англійскай мове ‘навука ў агульным’, якое ў дадзеным выпадку і захавалася да цяперашняга часу. Прэтэндэнт на гэтую ступень праводзіць арыгінальнае навуковае даследаванне, як правіла, у рамках спецыяльнай вучэбнай праграмы *Ph. D. Program/studies*, здае экзамены і абараняе дысэртацыйную працу *doctoral thesis/dissertation* [1, с. 299].

Другі варыянт перакладу акцэнтуюе ўвагу на тым, у якой галіне навук атрымана вучоная ступень: *кандыдат гістарычных навук – Ph. D. of Historical Sciences*, *кандыдат культуралогіі – Ph. D. of Culturology*, *кандыдат педагогічных навук – Ph. D. of Pedagogic Sciences*.

Для беларускай вучонай ступені доктара навук прамога аналага няма, але з’яўляецца слушна апісальная формула *holder of an Advanced Doctorate* пасля прозвішча (праз коску). Калі трэба дадаць, якіх навук, то *holder of an Advanced Doctorate in Linguistics, Pedagogics* і г.д.

Варыянт перакладу ступені доктара навук як *full doctor* не рэкамендаваны нават пры апісальным перакладзе. *Full doctor* будзе ўспрымацца як аналаг заходняй ступені доктара толькі з адценнем, што дадзеная ступень супрацьстаўляецца нейкім «непаўнавартасным» доктарскім ступеням. А вось *advanced doctor* дае магчымасць зразумець англамоўнаму чытачу, што гэтая доктарская ступень больш высокая, чым ступень звычайнага доктара ў іх разуменні [Там жа, с. 300].

У некаторых заходніх краінах існуе тытул, што прысуджаецца таму, хто ўжо з’яўляецца ўладальнікам ступені доктара філасофіі, і які функцыянальна можа быць эквівалентам ступені доктара навук у Рэспубліцы Беларусь. Так, у англасаксонскай акадэмічнай сістэме (напрыклад, Вялікабрытанія), наступная пасля доктара філасофіі ступень у прыродазнаўчых навуках носіць назву *доктар навук (Doctor of Science, D. Sc.)*; для даследчыкаў, якія спецыялізуюцца ў філалогіі, – *доктар літаратуры (Doctor of Letters, D. Litt.)*; у вобласці права – *доктар права (Doctor of Laws, L. L. D.)* [2, р. 169]. Аднак адрозненне гэтых ступеняў ад беларускай ступені доктара навук ў тым, што прысуджэнне гэтай ступені звычайна ажыццяўляецца не па выніках абароны дысэртацыі, а па колькасці апублікаваных прац і па ўнёску ў навуку ці нават па грамадскай ці публіцыстычнай дзейнасці. Акрамя таго, у англамоўных краінах ёсць шэраг ганаровых доктарскіх ступеняў: *honorary/higher/senior doctorates*, *Honor Doctor*, *Honor degree* ці *Doctor honoris causa*; яны прысуджаюцца за шматгадовую і плённую навуковую дзейнасць.

У еўрапейскай кантынентальнай акадэмічнай сістэме (напрыклад, Германія, Аўстрыя), многія асаблівасці якой былі запазычаны беларускай, расійскай і савецкай сістэмай паслядыпломнай адукацыі, існуе працэдура «хабілітацыі» (ад лат. *habilis* ‘здольны, прыдатны’), якая ажыццяўляецца пасля прысуджэння ступені доктара філасофіі [2, р. 180]. Гэтая працэдура па шэрагу параметраў аналагічная абароне доктарскай дысертацыі ў Беларусі і Расіі, бо пасля праходжання «хабілітацыі» прэтэндэнту прысвойваецца тытул «хабілітаваны доктар» (*doctor habilitatus, Dr. habil.*), які дае права атрымаць прафесарскую пасаду ва ўніверсітэце. Аднак варта заўважыць, што тытул «хабілітацыі» не з’яўляецца вучонай ступенню – гэта кваліфікацыя, дадатковая да доктарскай ступені, якая дазваляе займаць пасаду прафесара ўніверсітэта.

У англамоўных краінах можна сустрэць уладальнікаў прафесійнай ступені, якія маюць адпаведную кваліфікацыю ў нейкай вобласці: *Doctor of Medicine*, скарачана *M. D.* (медыцына); *Juris Doctor*, скарачана *J. D.* (юрыспрудэнцыя) [Там жа, р. 175]. Гэтыя прафесійныя ступені часткова адпавядаюць беларускім дыпломам лекараў і юрыстаў – суіскальнікам неабходна больш часу для іх атрымання. Па гэтай прычыне яны не могуць выкарыстоўвацца ў якасці эквівалентаў беларускім вучоным са ступенямі кандыдатаў і дактароў медыцынскіх і юрыдычных навук.

Прафесар у большасці выпадкаў слушна перакладаць як *Professor*, але ў беларускай адукацыйнай сістэме *прафесар* – гэта высокая пасада, а за мяжой так можа называць сябе кожны, хто мае дачыненне да адукацыі. *Дацэнт* заўсёды перакладаецца як *Associate Professor, Assoc. Prof.* (нельга скарачаць да *Ass. Prof.*, што значыць *Assistant Professor* ‘асістэнт, ці проста выкладчык’.)

Безумоўна, існуюць і другія варыянты перакладу разгледжаных назваў. Слушнае іх выкарыстанне дазволіць пазбегнуць непаразуменняў і цяжкасцей падчас камунікацыі з носьбітамі замежнай мовы. Стварэнне адзінага класіфікатара перакладу назваў вучоных і акадэмічных ступеняў і званняў магло б вырашыць праблему правільнага перакладу гэтага лексічнага пласта мовы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Миньяр-Белоручева, А. П.* Английский язык. Учебник устного перевода : учебник для вузов / А. П. Миньяр-Белоручева, К. В. Миньяр-Белоручев. – 2-е изд., испр. – М. : Экзамен, 2004. – С. 298–301.
2. *Lanciano-Morandat, C.* The new production of young scientists : a labour market analysis in international perspective / C. Lanciano-Morandat, H. Nohara // *How European Economies Learn : coordinating competing models.* – Oxford Univ. Press, 2006. – P. 156–189.

ОЦЕНОЧНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Отечественные и зарубежные исследователи рассматривают различные аспекты академического дискурса, выявляя те стороны его функционирования, которые могут представлять интерес как с собственно лингвистической, так и с институциональной точек зрения. При разнообразии подходов к данному типу дискурса мысль о том, что именно академический дискурс призван выполнять созидательную функцию в социокультурном пространстве, представляется обоснованной. По справедливому замечанию О. А. Сулеймановой, «understanding the message in academic communication is an ideal goal pursued in the academic linguistic community, as well as in any other field of science» «Понимание в академической коммуникации является идеальной целью, к достижению которой стремится академическое сообщество и представители различных областей науки» [1, p. 70].

Оценочные стратегии играют одну из важнейших ролей в таком институциональном общении, как академический дискурс. Участники последнего рассматривают приемлемость/неприемлемость того или иного типа поведения, оценивают новую теорию на предмет убедительности/неубедительности, а новые данные – на достоверность/недостоверность и т.п. Как отмечает Н. В. Данилевская, оценочность в научном дискурсе не строится исключительно вокруг категорий *хорошо* и *плохо*. Речь идет о разветвленной системе оценочных средств, которые во всем своем многообразии, эксплицитно и имплицитно представлены в различных жанрах академического дискурса [2]. В данной работе рассмотрим оценочность благодарностей (*acknowledgements*) в английских научных монографиях и их переводах. Под оценочностью, вслед за В. Н. Телия, мы понимаем «ценностное отношение субъекта речи к одному из свойств обозначаемого» [3, с. 54].

В академическом дискурсе благодарность приобретает особую значимость в связи со спецификой идеологии данного типа дискурса (в том смысле, который вкладывал в это понятие П. Серио, имея в виду сложившуюся научную парадигму), культурными представлениями, академическим этикетом. Неслучайно благодарность помещают в начале монографии – автор таким образом отдает дань уважения всем тем, кто внес вклад в его исследование. И если в основном тексте исследования благодарность ученым можно выразить, непосредственно упоминая их работы и сопровождая словами *как справедливо отметил, в данной работе мы, вслед за...* и т.п., то благодарность вне основного текста может включать слова признательности, адресованные семье, библиотекарям, техническим редакторам и т.п. Благодарность представлена в академическом дискурсе целым спектром оценочных средств. Например, благодарность за психологическую поддержку включает эмоциональные оценки, в то время как благодарность за работу по редакторской правке, направленную на достижение цели – получить в конечном итоге выверенный текст – телеологические оценки.

Представляется важным с точки зрения межкультурной коммуникации рассмотреть, какие оценочные стратегии используют авторы в разделе *Acknowledgements*, поскольку оценочность здесь также институционально обусловлена. В этой связи следует поставить цель (вслед за П. Серио [4]), выявить, что именно претерпевает изменения при переводе – явления языка или явления дискурса.

1. *Благодарность учебному заведению, где работает автор:*

My home institution, the Massachusetts Institute of Technology, is a special environment for the study of language, and I am grateful to the colleagues, students, and former students who shared their expertise [5];

В моем родном учебном заведении – Массачусетском технологическом институте существует особая атмосфера, благоприятная для языковых исследований [6].

В данном высказывании прослеживается эмоциональная оценка (*home* ‘родной’), а также наблюдается конкретизация и усиление оценки (добавление оценки *благоприятный*). По отношению к академической среде оценочное прилагательное *благоприятный* можно трактовать как содержащее телеологическую оценку, поскольку именно *благоприятная атмосфера* позволяет достичь поставленных научных целей. Данное словосочетание включает в себя этическую, психологическую и интеллектуальную оценки, поскольку обмен научными идеями в условиях академического дискурса происходит в атмосфере взаимоуважения и моральной поддержки. В процессе перевода актуализируются именно те смыслы, которые релевантны в рамках академического дискурса.

Обратимся к рассмотрению авторской благодарности из книги «Женщины, огонь и опасные вещи» [7; 8]:

This book is very much a product of the incredibly stimulating and open intellectual environment of the University of California at Berkeley, where I have been privileged to work for the past thirteen years [7];

Эта книга в огромной степени результат пребывания в чрезвычайно стимулирующем интеллектуальном окружении Калифорнийского университета в Беркли, где я имел удовольствие работать последние тринадцать лет [8].

Джордж Лакофф более эксплицитно, по сравнению с С. Пинкером, выражает благодарность учебному заведению. В переводе наблюдается, с одной стороны, усиление оценки (*в огромной степени*), с другой – опущено слово *open*, которое в рамках академического дискурса можно трактовать как содержащее этическую оценку. Наблюдается искажение институциональной оценки, заключенной в слове *privileged* – переводчик заменяет ее эмоциональной оценкой, что представляется неприемлемым, поскольку несколько элиминирует высокую степень уважения, которое автор испытывает к сотрудникам университета.

2. *Благодарность членам семьи автора.*

Несомненно, члены семьи ученого заслуживают самых теплых слов благодарности, поскольку вдохновляют и поддерживают его, разделяя трудности научного труда психологической поддержкой:

Large projects like this cannot be completed without enormous sacrifices on the home front. Claudia Brugman and Andy Lakoff have put up with my unavailability for longer than I would like to think. I thank them for their patience and perseverance with all my heart [7];

Большие проекты, подобные этому, не могут быть выполнены без значительных жертв на домашнем фронте. Клаудиа Бругман и Энди Лакофф мирились с моей полной отстраненностью от всех других дел гораздо дольше, чем я мог ожидать. Я от всего сердца благодарю их за стойкость и терпение [8].

Выражая благодарность семье с помощью метафоры, специалист в области исследования метафоры Дж. Лакофф одновременно вводит читателя в контекст монографии. Словосочетание *значительные жертвы* не передает в полной мере экспрессивное *enormous sacrifices*. Человек, погруженный в науку, с благодарностью отзывается о терпеливости своих домочадцев. В понятии терпения заключена и психологическая, и этическая оценка. Ключ к пониманию оценочной направленности существительного *perseverance* дает его определение: «steadfastness in doing something despite difficulty or delay in **achieving success**» ‘непоколебимость в осуществлении какой-либо деятельности с целью достижения успеха, несмотря на трудности или препятствия’. Выделенные нами слова говорят о наличии телеологической составляющей в данном существительном.

Анализ английских высказываний, содержащих авторскую благодарность, и их переводов на русский язык позволил выявить, что речевой акт благодарности в английской культуре сопровождается речевым актом комплимента. В переводе оценочность менее экспрессивна, что можно объяснить этикетными нормами исследуемых языков.

Для авторской благодарности характерны оценочные стратегии, в которых подчеркивается телеологический, этический и психологический аспекты. Выявленные данные позволили определить, что при передаче такого паратекстового элемента научной монографии, как благодарность, в переводе в большей степени задействованы элементы дискурса, а не элементы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Souleimanova, O. A. Linguistic Meta-Language as a Basis for Communication / O. A. Souleimanova // Understanding by Communication. – Cambridge : Cambridge Scholars Publ., 2013. – P. 70–79.
2. Данилевская, Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста / Н. В. Данилевская. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 360 с.
3. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 144 с.

4. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : сб. науч. ст. – М. : Прогресс, 1999. – 416 с.
5. *Pinker, S.* The Language Instinct: How the Mind Creates Language / S. Pinker. – London : Harper Perennial Modern Classics, 2000. – 448 p.
6. *Пинкер, С.* Язык как инстинкт / С. Пинкер ; пер. с англ. Е. В. Кайдаловой. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
7. *Lakoff, G.* Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. – Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1987. – 632 p.
8. *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 792 с.

Т. Ф. Иванова (Минск, Беларусь)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ДИДАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Понимание перевода как культурного взаимодействия любого вида дает исследователям теории перевода и переводоведения правомерное основание утверждать, что «история перевода является в значительной мере историей взаимодействия и развития национальных культур» [1]. Будучи профессиональной прикладной языковой деятельностью, перевод занимает тем самым особое место в общеевропейских и мировых интеграционных процессах. С этой точки зрения в условиях необходимости решения актуальных глобальных проблем Генеральная ассамблея CIUTI (Постоянный международный совет университетских институтов подготовки письменных и устных переводчиков) выделила научную группу по разработке проблем преподавания перевода, общее руководство одной из секций которой осуществляет Высшая школа перевода МГУ им. М. В. Ломоносова. Этой группой в отношении системы обучения переводу предлагается в условиях глобализации, в частности, системологическая модель теории перевода в рамках выдвижения междисциплинарности как общего видения переводоведения, суть которой заключается в синтезировании достижений разных научных дисциплин. В аспекте такого видения под междисциплинарным подходом понимается объективный процесс перехода от структурирования получаемых разными дисциплинами научных данных о переводе к науке о переводе как единой научной системе, что свидетельствует о зарождении нового подхода к обучению переводу, где основным методом должен являться уже не анализ, а синтез [2, с. 13–19]. Такой подход позволяет ориентировать исследование исходного текста на раскрытие механизмов, которые обеспечивают его целостность и элементы которого связаны между собой системными отношениями разных уровней, а содержание вторичного текста должно при этом отражать все факторы информационного, социального, исторического, этического, эстетического и другого характера, существующие в исходном тексте объективно.

В свете выдвигаемых положений понятие междисциплинарности следует, по нашему мнению, рассматривать как основной дидактический принцип системы обучения будущих переводчиков в целом. С этой точки зрения все учебные дисциплины в том или ином виде должны интегрировать в процесс обучения междисциплинарный подход, обеспечивая всестороннее развитие профессиональных компетенций будущих переводчиков средствами каждой конкретной учебной дисциплины. Такая модель обучения в условиях одновременного обучения студентов переводческого факультета МГЛУ языку и переводу подразумевает комплексное и гармоничное формирование языковой и профессиональных компетенций. Соответственно, учебные программы по различным дисциплинам должны логично и последовательно учитывать принципы междисциплинарного подхода. Организация обучения требует целенаправленного и последовательного включения в содержание учебных программ по теоретическим языковым дисциплинам – теоретической грамматике, лексикологии, стилистике, типологии родного и иностранного языка и т.п. – элементов заданий переводческого характера, направленных на развитие поискового мышления, которое является в международных стандартах одним из основных показателей уровня развития профессиональных компетенций. Без осуществления такого подхода по завершении изучения теоретических языковых дисциплин наблюдается «атомарность» знаний студентов и, как результат, на занятиях по переводу – отсутствие умения комплексно применять полученные теоретические знания для раскрытия механизмов, обеспечивающих целостность текста.

Непосредственным отражением использования указанного подхода в организации системы обучения будущих переводчиков на переводческом факультете МГЛУ является имеющийся опыт проведения преподавателями кафедры теории и практики перевода № 2 практических занятий по основам перевода и семинарских занятий по теоретическим языковым дисциплинам.

При разработке учебно-методической документации и в процессе проведения практических занятий на 2 курсе по дисциплине «Основы перевода» студенты нацелены на ознакомление с информацией, связанной с функционально-стилистическими характеристиками единиц языка: нейтральностью, официальностью, книжностью, разговорностью, а также со структурами языка, относящимися к социальной принадлежности: профессионализмами, элементами молодежной речи. Иными словами, еще до изучения теоретического курса по дисциплине «Стилистика» (4 курс) на стадии предпереводческого анализа текста студентов обучают определять в том или ином объеме функционально-стилистические и жанровые особенности текста. Естественно, преподаватели опираются при этом на тот факт, что в программу лекционных занятий по предшествующей дисциплине «Теория перевода» включены такие темы, как, например, «Передача функционально-стилистических особенностей текста» и «Роль социокультурных и стилистических факторов в обеспечении прагматической адекватности перевода». Но без соответствующего «подкрепления» целенаправленными действиями на практических занятиях полученные теоретические знания не могут быть реализованы в виде определенного навыка.

При разработке учебно-методической документации и в процессе проведения семинарских занятий по дисциплине «Лексикология» на отделении немецкого языка выделяются проблемы словообразования, значимого для строя немецкого языка в целом, и в частности для декодирования структурно-семантических характеристик немецких девербативов, которые способны вносить в предложение-высказывание дополнительные имплицированные содержательно-информационные линии, что целенаправленно акцентируется преподавателем при проведении семинарских занятий, одновременно это не может не учитываться в процессе последующих занятий по письменному переводу.

Объективным отражением использования междисциплинарного подхода в системе обучения переводу является наличие в учебном плане кафедр переводческого факультета таких его составляющих, как «Межкультурные аспекты профессиональной деятельности» и «Регионоведение» (4 курс). В содержание практических занятий первой из них включены следующие темы: «Различия в языковой и социокультурной картине мира немецкого и русского языков», «Этнически значимые речеповеденческие стереотипы», «Разные образы для обозначения одинаковых концептов», «Функционально равноценные образы». Наличие данных тем дает возможность реализовать интеграцию восприятия студентами реалий жизни носителей чужого языка, их этнокультурной и социокультурной ментальности и непосредственной переводческой подготовки.

Регионоведение как междисциплинарное направление науки, изучающее объективные процессы регионализации под воздействием факторов глобализации, направлено на формирование у студентов системного представления о характере реальных региональных процессов в странах изучаемого языка и помогает решению практических задач в будущей профессиональной деятельности. На семинарских занятиях обучающимся предлагается ряд тестов, включающих, в том числе, задания на перевод, поскольку одна из задач преподавателя регионоведения как дисциплины интегрированного типа видится в создании благоприятных условий не только для развития личности студентов с целью мобилизации их интеллектуальных ресурсов, но и для развития способности переключения внимания с одного языка на другой.

В результате целенаправленной дидактической деятельности, основанной на применении междисциплинарного подхода происходит заметное развитие аналитического мышления студентов, вследствие чего на занятиях по переводу на старших курсах наблюдается более осознанное и системное декодирование ими формальных и семантических характеристик исходного текста, что в процессе принятия переводческих решений позволяет достичь адекватности вторичного текста с точки зрения сохранения смыслового содержания исходного текста и соблюдения стилистических норм родного языка. Можно утверждать, что интеграция междисциплинарного подхода в систему общепрофессиональных дисциплин обеспечивает всестороннее

развитие профессиональных компетенций будущих переводчиков средствами каждой конкретной учебной дисциплины и является одним из закономерных условий успешности образовательного процесса в системе подготовки студентов-переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галеева, Н. Л. Перевод в культуре: уточнение статуса и понятий / Н. Л. Галеева // Критика и семиотика. – Тверь, 2006. – Вып. 9. – С. 24 – 35.
2. Гарбовский, Н. К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний / Н. К. Гарбовский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22, Теория перевода. – 2015. – № 1. – С. 3–20.

Н. В. Курбаленко (Минск, Беларусь)

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ (на материале русского и немецкого языков)

Многообразие средств языкового выражения значения каузативности имеет своим следствием значительные трудности их перевода с одного языка на другой. Решая проблему выбора функциональной аналогии (ФА) языковой единице с каузативным значением, переводчик руководствуется особенностями лингвостилистической системы языка, на который осуществляется перевод, а также стремлением к однозначной интерпретации каждой описываемой им каузативной ситуации.

Каузативные конструкции (КК) того или иного языка призваны передавать различные оттенки каузации, поскольку сама каузативная связь отличается богатством нюансов и разнообразием отношений. Среди русских и немецких КК имеет место избирательность при выражении ими той или иной разновидности каузативных отношений, при этом дифференциация различных каузативных значений позволяет найти в одном языке эквивалентные другому языку КК и установить степень их тождества друг другу.

Продemonстрируем это на примере романа Ф. М. Достоевского [1] «Бедные люди» и его переводов на немецкий язык А. Вассербауэра [3] и Г. Реля [2].

Как показывает наше исследование, самой употребительной и семантически неоднородной среди русских КК является КК с глаголом *заставить*. В зависимости от своего компонентного состава рассматриваемая КК отражает каузацию различного содержания. Так, КК с *заставить* описывает такое воздействие, которое субъект каузации оказывает на объект каузации в силу сложившихся между ними взаимоотношений: ... она [Анна Фёдоровна] берется уладить все дело с господином Быковым и заставит его загладить всю вину его передо мною [1, с. 52]. В качестве производителя действия

выступает не только человек и его деятельность, определенное событие также может вызывать другие действия, события или явления: *Вы говорите, что любовь ваша ко мне заставила вас таиться от меня* [1, с. 71].

В немецком языке такой широкий диапазон значений присущ КК с глаголом *lassen*. Однако наиболее употребительной ФА оказывается немецкая КК с глаголом *veranlassen*. Сравните переводы вышеприведенных примеров:

1) *...so werde sie es auf sich nehmen, die ganze Sache mit Herrn Bykow in Ordnung zu bringen; sie werde ihn veranlassen, alles, was er mir zuleide getan habe, wieder gutzumachen* [3, S. 80]; *... wolle sie die ganze Sache mit Herrn Bykow regeln und veranlassen, daß er seine Schuld wieder gutmache* [2, S. 63];

2) *Sie sagen, Ihre Liebe zu mir habe Sie veranlaßt, manches von mir geheimzuhalten...* [3, S. 112]; *Sie sagen, Ihre Liebe zu mir habe Sie veranlaßt, mir Verschiedenes zu verheimlichen...* [2, S. 86].

Как известно, немецкая КК с глаголом *lassen* способна отражать и пермиссивную, и фактитивную каузации. Реализация того или иного типа каузации зависит от многих лингвистических и экстралингвистических факторов. Для актуализации в КК с *lassen* значения фактитивности часто необходим однозначный контекст. Например, возможность проживания бедной девушки у богатых родственников предполагает определенный тип их взаимоотношений, а именно – девушка на правах прислуги и полноправные хозяева дома, отдающие распоряжения и указания. Знание этого факта помогает читателю правильно интерпретировать следующую КК как фактитивную: *...может быть, просто детей нянчить заставят* [1, с. 60]; *...vielleicht würden sie mich einfach die Kinder warten lassen* [3, S. 92].

Именно с целью однозначной интерпретации каузативного значения как фактитивного в качестве ФА русской КК с глаголом *заставить* переводчики отдают свое предпочтение немецкой КК с глаголом *veranlassen*.

Семантические особенности русской КК с глаголом *заставить* определяют выбор ее немецких ФА, но не исключают использования других синонимичных КК немецкого языка:

1) *С этого дня я начала мучить воображение мое, создавая тысячу планов, каким бы образом вдруг заставить Покровского изменить свое мнение обо мне* [1, с. 30]; *Von diesem Tage an lebte ich tausend Plänen, Pokrowsky so weit zu bringen, seine Meinung über mich zu ändern* [2, S. 35];

2) *...мы насильно заставили его, несчастного, бедного, о своем лютom жребии вспомнить!* [1, с. 30]; *...wir hatten den armen, unglücklichen Menschen mit Gewalt gezwungen, sich seines traurigen Schicksals von neuem bewußt zu werden!* [3, S. 45].

Отметим, что немецкие КК, организуемые глаголами *bringen* и *zwingen*, употребляются переводчиками достаточно редко в качестве эквивалентов русской КК с глаголом *заставить*, поскольку данные глаголы специализируются на выражении определенных типов каузации и имеют свои эквиваленты среди КК русского языка. Так, немецкая КК с глаголом *bringen* тождественна русской КК с глаголом *довести*. Эти КК обозначают более

энергичную каузацию, связанную с применением субъектом каузации определенных усилий. Помимо этого, КК с *bringen* и с *довести* могут выражать преодоление некоторого реального или потенциального нежелания, сопротивления со стороны каузируемого объекта. Сравните: *Сначала запросили дорожке, чем в лавках; но потом, впрочем не без труда, уходя несколько раз, я довела купца до того, что он сбавил цену и ограничил свои требования только десятью рублями серебром* [1, с. 41]; *Zuerst forderte der Händler mehr, als das Werk in der Buchhandlung neu kostete; aber dann brachte ich, allerdings nicht ohne Mühe, durch mehrmaliges Hinausgehen ihn dazu, abzulassen und seine Forderung auf 35 Rubel zu ermäßigen* [3, S. 62].

Рассматриваемые глаголы демонстрируют определенное сходство не только в семантическом, но и в структурном плане – способность образовывать КК как с придаточным предложением, так и с именем существительным:

1) *Сын понемногу отучал старика от пороков, от любопытства и от поминутного болтания и наконец довел до того, что тот слушал его во всем, как оракула, и рта не смел разинуть без его позволения* [1, с. 32]; *Der Sohn gewöhnte dem Vater die Trunksucht, die Neugier und die stete Schwatzhaftigkeit mit der Zeit einigermaßen ab und brachte es schließlich dahin, daß dieser in allen Stücken auf ihn wie auf ein Orakel hörte und ohne seine Erlaubnis nicht den Mund aufzumachen wagte* [3, S. 48];

2) *Мысль о том, что мы, дети, своими жестокостями довели его до слез, была для меня нестерпима* [1, с. 39]; *Der Gedanke, daß wir Kinder ihn durch unsere Grausamkeit zum Weinen gebracht hatten, war mir unerträglich* [3, S. 45].

Однако это сходство не является полным, поскольку в немецкой КК с глаголом *bringen* результат каузации может быть выражен еще и при помощи инфинитива другого глагола (см. выше приведенный пример).

Результат каузации в русской КК с глаголом *довести* имеет ярко выраженный негативный характер, когда каузируемое действие крайне неприятно и/или нежелательно для объекта каузации, что иногда имеет место и в случае с немецкой КК с глаголом *bringen*: *Эк, до уничижения какого доводит людей нищета!* [1, с. 105]; *Ach, zu welcher Erniedrigung bringt den Menschen die Armut!* [2, S. 167]. Однако негативность результата каузации в немецкой КК с глаголом *bringen* не является обязательной. Данная КК не детерминирована в плане положительности/отрицательности каузируемого действия и в этом плане ей близка русская КК с глаголом *добиться*: *Наконец я добилась, что он засмеялся...* [1, с. 31]; *Endlich gelang es mir, ihn zum Lachen zu bringen...* [3, S. 48].

В отношении немецкой КК с глаголом *zwingen*, как и синонимичной ей КК с глаголом *nötigen*, следует сказать, что данные КК, в отличие от выше упомянутых КК, описывают совсем другой тип каузативных отношений, при котором побуждение объекта совершить какое-либо действие или перейти в иное состояние происходит под давлением, с применением силы, угроз и т.п. со стороны субъекта каузации. Аналогичные конструкции имеются и в русском языке – это КК с глаголом *принудить*:

1) ...в противном случае, он принужден будет жениться в Москве на купчихе... [1, с. 119]; ...im entgegengesetzten Falle wäre er gezwungen, eine Moskauer Kaufmannstochter zu heiraten... [2, S. 145];

2) Взвесьте в своем собственном сердце все, что принудило меня так поступить [1, с. 120]; Wägen Sie in Ihrem eigenen Herzen alles ab, was mich genötigt hat, so zu handeln! [2, S. 192].

Таким образом, анализ перевода позволяет отыскать и систематизировать ФА рассматриваемым КК русского языка, выявить наиболее типичные среди множества языковых возможностей. Решая проблему выбора ФА той или иной русской КК, переводчик определяет тип каузации, выражаемой данной КК, и опирается на существующую в русском и немецком языках специализацию между КК в передаче тех или иных типов каузации. Наличие однозначных эквивалентов не исключает, однако, возможности использования других синонимичных средств выражения значения каузативности. На выбор ФА оказывают определенное влияние также авторская интенция и особенности индивидуального стиля переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский, Ф. М. Бедные люди : сб. / Ф. М. Достоевский. – М. : Изд-во АСТ, 2004. – 539 с.
2. Dostojewski, F. M. Arme Leute / F. M. Dostojewski ; aus dem Russischen Orig. übertr. von A. Wasserbauer. – Wien ; Hamburg ; Zürich : Gutenberg-Verl., 1978. – 328 S.
3. Dostojewski, F. M. Sämtliche Romane und Novellen. 25 Bd. / F. M. Dostojewski ; übertr. von H. Röhl. – Leipzig : Verlag „Im Insel“, 1956. – Erster Bd. – 206 S.

Л. В. Солонович (Минск, Беларусь)

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПЕРЕВОДЕ (на примере романа Г. Бёлля «Ansichten eines Clowns»)

Фразеологические единицы являются неотъемлемой частью любого художественного произведения. Они не только отражают индивидуальный авторский стиль, подчеркивают его особенности, но и принимают активное участие в формировании языковой картины мира, зачастую характеризуются национально-специфической составляющей. Ученые подчеркивают, что языковой фразеологический фонд придает языку яркость черт национального характера и обогащает его новыми выразительными средствами и возможностями [1, с. 258–260]. Отмечаются также факты совпадения фразеологических единиц (ФЕ) в разных языках и их обусловленность общностью логических и образно-ассоциативных связей в сознании носителей разных

языков [2, с. 260], которая подтверждается наличием эквивалентных фразеологизмов: *den Kopf hängen lassen* ‘повесить голову’; *sich die Hände reiben* ‘потирать руки’. Подобные примеры свидетельствуют о значительных сходствах ассоциативно-образных основ в сравниваемых языках.

Общность фразеологических оборотов не исключает несовпадений, которые наряду с иными факторами обусловлены культурно-специфическими различиями, и характеризуются связью с культурой и историей народа, являются носителями лингвострановедческой информации. Например, в немецком и русском языках сердце является органом чувств, однако в составе фразеологических единиц в русском языке его аналогом зачастую выступает душа: *das Herz ausschütten* ‘излить душу’; *das Herz ist in die Hose gerutscht* ‘душа ушла в пятки’; *im Grunde des Herzens* ‘в глубине души’.

Соматические фразеологизмы как часть языковой картины мира представляют собой единицы, компонентом которых являются лексемы, обозначающие части тела человека, и единицы, связанные с организмом человека. Сопоставление фразеологизмов с соматическим компонентом при учете таких экстралингвистических факторов, как контекст, ситуация и культура, позволит проанализировать возможности и границы взаимодействия языковых картин мира исходного и переводного языков в процессе перевода, а также выявить некоторые особенности перекодировки указанных единиц.

Материалом для анализа послужили роман Г. Бёлля «Ansichten eines Clowns» [3] и его переводы на русский язык, осуществленные Л. Черной [4] и Р. Райт-Ковалёвой [5] (далее в тексте все примеры перевода приводятся в указанной последовательности). Сопоставление нескольких вариантов перевода одного и того же произведения позволит также проследить взаимодействие фрагментов национальной и индивидуальной фразеологической языковой картины мира.

В результате сопоставления исходного и переводного текстов были зафиксированы случаи использования фразеологических единиц с соматическими компонентами, которые в большинстве случаев заменяются иными обозначениями частей тела, нежели в оригинале: *er sei mit „Schnauze und Ellenbogen“ Minister geworden* ‘он добивался министерского портфеля **«зубами и когтями»**’; ‘он пробился в министры **«локтями и зубами»**’. В указанных примерах обнаруживается взаимосвязь семантических компонентов, однако способы вербализации концепта различны в русском и немецком языках. В следующем примере соматический компонент также присутствует в обоих вариантах перевода: *Sie **nahmen Worte** wie Hochzeitsreise und Flitterwochen **in den Mund** und wollten mich obszön nennen* ‘Сами **не моргнув глазом** говорят о «медовом месяце» и о «свадебном путешествии», а меня обвиняют в аморальности’; ‘И как у них **поворачивается язык** произносить такие слова, как «медовый месяц» и «свадебное путешествие», а меня называть циником?’. Более тесное взаимодействие картин мира прослеживается во втором варианте. В переводе Л. Черной соматический компонент ФЕ заменяется и изменяет образную мотивацию исходного высказывания.

В некоторых случаях в русском языке имеется несколько соматических фразеологических аналогов: *und die Kirche würde sämtliche Augen zudrücken* 'и церковь будет **смотреть** на нас **сквозь пальцы**'; 'и тогда церковь **закроет** на все это **глаза**'. Выбор эквивалента в данном примере можно объяснить влиянием индивидуальной картины мира переводчика. Аналогичную тенденцию можно проследить далее: *aber von Heimabenden habe ich die Nase voll* 'но вашими встречами я **сыт по горло**'; 'но эти кружки мне **осточертели**'.

Контекст может также оказывать влияние на выбор эквивалента: *hielt sich den Bauch vor Lachen* 'и смеялась до упаду'; 'помирала со смеху'. Несмотря на наличие в русском языке эквивалента с соматическим компонентом *держаться за живот от смеха, надорвать живот* оба переводчика отказываются от него под влиянием экстралингвистических факторов.

Как указывалось выше, фразеологические единицы с соматическим компонентом могут выявлять схожесть ассоциативно-образного мышления. Тем не менее соматический компонент ФЕ не всегда реализуется в переводе: *Die Amerikaner nahmen ihn mit offenen Armen als Widerstandskämpfer in den Kulturdienst* 'Американцы **обласкали** Шницлера, как «борца Сопротивления», и взяли на работу в свой офис по вопросам культуры'; 'Американцы **приняли** его **с распростертыми объятиями**, как «борца Сопротивления», взяли на службу по линии культуры'. В примере *Sie treffen meistens den Nerv ganz genau* 'Эти люди почти всегда бьют наверняка'; 'И они бьют прямо по больному месту' второй вариант также проявляет бóльшую ассоциативную связь с исходным высказываем.

В некоторых случаях соматический компонент отсутствует в обоих вариантах перевода: *...er läßt mir da völlig freie Hand* 'в этом вопросе он предоставляет мне полную свободу'; 'тут мне предоставляется полная свобода'. Подобные примеры подчеркивают национальное своеобразие фразеологической картины мира, которое выражается в использовании соматических фразеологизмов для описания отдельных фрагментов мира, характеристики чувств, состояний.

Таким образом, сопоставление соматических фразеологизмов в исходном и переводном тексте показало, что в процессе перевода указанные единицы характеризуются лексико-семантической вариативностью и свидетельствуют о различии в способах концептуализации мира в немецком и русском языках. При несовпадении образно-мотивационных основ соматических фразеологизмов отмечается также ассоциативно-образная схожесть анализируемых единиц. Отсутствие фразеологического аналога с соматическим компонентом свидетельствует о национальном своеобразии языковой картины мира сравниваемых языков, а также о некоторой степени лакуарности во фразеологической системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин, А. М. Русская фразеология: ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Л. : Наука, 1970. – 264 с.

2. Телия, В. Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость / В. Н. Телия // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. – С. 244–267.
3. Böll, H. Ansichten eines Clowns [Электронный ресурс] / H. Böll // Электронная библиотека RoyalLib.com. – Режим доступа : http://royallib.com/book/ll_einrich/Ansichten_eines_Clowns.html. – Дата доступа : 15.08.2016.
4. Бёлль, Г. Глазами клоуна [Электронный ресурс] / Г. Белль ; пер. Л. Черной // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа : <http://www.e-reading.club/book.php?book=129710>. – Дата доступа : 20.08.2016.
5. Бёлль, Г. Глазами клоуна [Электронный ресурс] / Г. Белль ; пер. Р. Райт-Ковалёва // Большая онлайн-библиотека e-Reading. – Режим доступа : <https://www.e-reading.club/book.php?book=9967>. – Дата доступа: 16.08.2016.

Т. Н. Сыромятникова (Воронеж, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В ПОВЕСТИ М. А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» СРЕДСТВАМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Главная интенция М. А. Булгакова в повести «Собачье сердце» прослеживается через историческую ситуацию в годы ее написания. Многие литературоведы проводят параллель между началом правления советской власти и неудавшимся экспериментом, описанным в повести. Новое правительство обещало создать «новых» людей, которые и совершат мировую революцию. М. А. Булгаков доказывает, что любая идея окажется несостоятельной в случае ошибочного выбора опоры для образования нового государства, в качестве которой выступают такие люди, как Клим Петрович Чугункин.

Важную роль в передаче глубокого *идейно-сюжетного* содержания повести играют разнообразные средства выразительности всех языковых уровней: фонетического, словообразовательного, лексико-семантического, синтаксического и графического. Так, работая над переводом повести «Собачье сердце» на немецкий язык, переводчики были вынуждены конфронтировать с большим количеством индивидуально-авторских метафор, фразеосочетаний, реалий, игры слов, окказионализмов, синтаксических фигур и прочих идиостилистических элементов, которые выступают маркерами индивидуально-авторского стиля М. Булгакова, а именно сатиричности, ироничности, образности и аллюзивности его повествования. Вместе с тем данные стилистические элементы обеспечивают структурно-смысловую целостность текста, его композиционно-содержательное единство. Вследствие семантической емкости данные языковые средства выражают многие имплицитные смыслы, заложенные авторской интенцией. Обозначенные факторы создают непростую задачу для переводчика, требуя от него принятия креативных, нестандартных решений.

К числу наиболее ярких стилистических единиц повести мы относим так называемые функционально-стилистические маркеры (ФСМ), характеризующие героев, главным образом их речь. Следуя от частного примера к общей характеристике нового общества, М. А. Булгаков на протяжении всего

произведения с помощью просторечий, оскорблений, ругательств характеризует «фундамент» Советов. Выделенные ФСМ представлены 2 группами: элементами сниженного стиля, включая ругательства и оскорбления, а также элементами возвышенного стиля. Элементы сниженного стиля служат выражению критики персонажей, представляющих новое общество, отражая их малограмотность и невежество. Просторечные элементы присутствуют и в речи профессора Преображенского (*затем в сортирах замерзнут трубы; если бы начал прыгать по заседаниям, и распевать целый день, как соловей; Понимаете, что получится, если нас накроют?*), однако их функция заключается в выражении негодования, направленного как на поступки Шарикова, так и на новую систему в целом. Основная задача элементов возвышенного стиля – создание юмористического эффекта с помощью языковой игры на контрасте.

К исследованию способов передачи ФСМ средствами немецкого языка привлекались 2 перевода, выполненные Г. Дролой (1969) и А. Нитцбергом (2013). Оба переводчика используют разнообразные виды переводческих трансформаций: описательный перевод, опущение, замену, добавление, компенсацию, генерализацию и т.п. Сравнительный анализ переводов контекстов, содержащих ФМС в повести «Собачье сердце» на немецкий язык показал, что перевод Г. Дролы характеризуется большей нейтрализацией экспрессивных языковых средств вследствие опущений и использования лексических замен. Перевод А. Нитцберга свидетельствует о стремлении к максимальному сохранению индивидуально-авторского стиля М. Булгакова, наиболее полной передаче смыслового содержания, что выражается в использовании добавлений, описательных элементов, компенсаций.

Так, рассказывая историю своего ранения, Шарик говорит, что его *до костей проело кипятком*. В тексте Г. Дролы данное высказывание опущено. А. Нитцберг прибегает к контекстуальному переводу: *Die Hitze fährt mir durch Haut und Knochen*.

Одной из ключевых номинаций профессора Преображенского выступает лексема ‘божество’, например, *божество помещалось в кабинете в глубоком кресле*. Перевод Г. Дролы лишен экспрессивности: *Filipp Filippowitsch saß in einem tiefen Sessel*. А. Нитцберг стремится сохранить все коннотативные значения исходных единиц, описывающих данный образ: *...thronte die Gottheit im Kabinett auf einem geräumigen Sessel*.

Следует отметить, что наличие в контексте устаревших и просторечных единиц, грамматических ошибок в речи героев усложняет поиск эквивалента, в ряде случаев это практически невыполнимая задача.

Шарик рассказывает о человеке, который давал ему иногда *...кость, а на ней с осьмушку мяса*. В Толковом словаре Ушакова лексема *осьмушка* характеризующаяся как «(устар.) то же, что осьмушка», т.е. восьмая часть чего-либо (<http://dic.academic.ru>). Отсутствие в языке перевода полного эквивалента переводчики пытаются компенсировать другими языковыми средствами, стремясь к выражению общей идеи скудности предложенного Шариком угощения: *...an dem noch ein bißchen Fleisch dran war* (Г. Дрола); *...und darauf noch jede Menge Restfleisch* (А. Нитцберг).

Откушав кофею, Филипп Филиппович поглядел на часы. Иронично возвышенный стиль данной фразы не находит стилистического отражения ни в одном из переводов по причине отсутствия эквивалентного словосочетания в немецком языке данному устаревшему обороту: *Filipp Filippowitsch trank seinen Kaffee aus* (Г. Дрола); *Filipp Filippowitsch trank den Kaffee aus* (А. Нитцберг). В настоящее время слово *кофею* считается просторечным (<http://dic.academic.ru>).

Отвечая на вопрос, что Шариков собирается делать с убитыми кошками, он отвечает: *На польты пойдут*. В обоих переводах идея неграмотности героя не находит своего отражения: *Wir verwerten sie* (Г. Дрола); *Na, Klamotten, Mäntel...* (А. Нитцберг). Второй вариант ближе к разговорному стилю вследствие добавления междометия и разговорной лексики *Klamotten*.

Сложность представляет собой передача на немецкий язык контекстов, одновременно содержащих ФСМ как сниженного, так и возвышенного стиля, т.е. демонстрирующих факт стилистической интерференции.

Оценив ошейник по достоинству, пес сделал первый визит... Оба переводчика используют синонимичные конструкции в немецком языке *нейтрального регистра*, разговорное слово *пес* также переводится нейтрально: *...machte er zum ersten Mal einen Besuch* (Г. Дрола); *...der Hund unternahm einen ersten Abstecher* (А. Нитцберг).

При переводе ругательств переводчики в большинстве случаев используют имеющиеся в немецком языке полные или частичные эквиваленты.

Так, увидев Шарика в ошейнике, бродячий пес облаял его «барской сволочью» и «шестеркой». Решения обоих переводчиков позволяют воссоздать *стилистический эффект оригинала*: *...schimpfte ihn ein langbeiniger Köter mit abgehacktem Schwanz "Herrschaftsdienner" und "Lakai"* (Г. Дрола). *schimpfte ihn... einen "feinen Pinkel" und ein "williges Schoßhündchen"* (А. Нитцберг).

Наличие в языке перевода эквивалентных элементов различных языковых уровней (синтактико-морфологических, лексических) способствует воссозданию соответствующих стилистических параметров оригинала. Данный факт демонстрируют приведенные ниже примеры.

Я тяжело раненный при операции, – хмуро подвыл Шариков, – меня, вишь, как отделили... А. Нитцберг прибегает к синтаксической редукции, характерной для разговорной речи: *...da, siehste, wie die mich zugerichtet haben?*. Вежливое обращение в переводе Г. Дролы не соответствует исходному тексту, поскольку ведет к искажению коммуникативных ролей: *...sehen Sie nur mal, wie die mich zugerichtet haben*.

Шариков предполагает: *Быть может, это доктор Борменталь свистнул червонцы?*. Немецкий язык располагает широкой палитрой сниженной глагольной лексики для номинации процесса обворовывания: *Hat Doktor Bormental sie vielleicht geklaut?* (Г. Дрола); *Dann hat womöglich Doktor Bormental sich die Zehner gekrallt?* (А. Нитцберг). Оба варианта эквивалентны оригиналу.

Таким образом, при переводе художественного текста чрезвычайно важной задачей для переводчика является наиболее точное воспроизведение индивидуально-авторского стиля. Творческие решения в подходе к идиостилистическим элементам оригинала способствуют максимальному достижению соответствующего прагматического и эстетического эффекта переведенного текста. Учитывая факт неизбежности семантических потерь вследствие асимметрии языковых и культурных систем, а также различного характера интерпретации переводчиком исходного текста, стремление к их минимизации является, по всей видимости, одним из важнейших ориентиров в процессе передачи художественного произведения средствами переводимого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков, М. А. Собачье сердце [Электронный ресурс] / М. А. Булгаков. – Режим доступа : www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html. – Дата доступа : 01.12.2016.
2. Drohla, G. Hundeherz [Электронный ресурс] / G. Drohla. – Режим доступа : https://vk.com/doc143790965_332239583. – Дата доступа : 01.12.2016.
3. Nitzberg, A. Das hündische Herz [Электронный ресурс] / A. Nitzberg. – Режим доступа : <https://dtv.de/.../michail-bulgakow-das-huendis>. – Дата доступа : 01.12.2016.

А. Б. Чернышев (Рыбинск, Россия)

КОНФИГУРАЦИЯ «ИЗМЕНЕНИЕ» В СЕМАНТИКЕ МОРФЕМ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ*

В широко применяемом и получающем в последнее время в лингвистической науке полноценное теоретическое освещение понятии *картина мира* наметились тенденции интегрального подхода к этому явлению. В этой связи О. А. Корнилов отмечает, что специфические черты семантики образуют картину фактически отдельных фрагментов мира, а само выделение в языке заведомо специфического предполагает, в свою очередь, и наличие семантически неспецифического, общего для всех языков [1, с. 92]. Из этого понимания следует, что в любой языковой единице любого языка закрепляется общее и частное, объективное и субъективное, универсальное и специфическое. Так универсалиями становятся языковые (грамматические и морфологические) и понятийные категории, отражающие здравую интуицию.

*Исследование выполнено при поддержке Городского общественного научно-экспериментального фонда «Языковая среда» (г. Рыбинск).

Как указывает А. Вежбицкая, одноименные категории разных языков могут быть в какой-то степени приравнены друг к другу в зависимости от некоторого общего семантического ядра [2, с. 46 – 47].

Одним из межъязыковых универсалий является «изменение». В рамках настоящего исследования «изменение» интерпретируется в двух аспектах: как способ описания грамматики пространства и как смысловой феномен.

С точки зрения описания грамматики пространства «изменение» представляет собой конфигурацию применительно к семантической сети морфемы (Пайар, Плунгян, Селиверстова, Добрушина, Кронгауз). Конфигурация «изменение» присуща тем морфемам, которые актуализируют модели датива как универсального падежа, как той общей стратегии [3, р. 14], которая отражается и модифицируется в частном и специфичном.

В качестве смыслового феномена «изменение» основывается на трансформации какого-либо свойства, присущего предмету, – функционального, качественного, количественного. При этом изменение касается не только релятума, но и локализуемого объекта. Проанализируем, как модифицируется конфигурация «изменение» в зависимости от когнитивных моделей как устойчивых образно-схематических признаков семантики морфем и глаголов в разноструктурных языках.

В английском языке общее значение таких глаголов, как *to change* ‘менять’, *to turn* ‘поворачивать’, ‘обращаться’, *to switch* ‘переключать’, которые требуют предлог *to*, моделирующий датив и т.п. вытекает из идеи кардинальной смены событий, образующих единство в своей последовательности:

(1) *I told her to stick with the blue dress for the hair spray, and **change** to the green for the lipstick* [4, р. 89];

(2) *He lit a fresh cigarette and intentionally **turned** his thoughts **to** the new future that awaited him* [Там же, р. 19];

(3) *I'm booked out on the noon flight tomorrow but he's trying to **switch** me **to** a later plane so we can get in one last round of golf* [Там же, р. 256].

С точки зрения когнитивной модели предлога *to* задаваемый домен предусматривает наличие нескольких возможностей, рассматриваемых как единство смысла, т.е. возможности выбора цвета в (1), возможности выбора предмета мыслей (2) и возможности выбора самолета (3).

Во французском языке изменения, актуализируемые предлогом *à*, также связаны с идеей превращения, обращения, со всем тем, что меняет качество и свойство одного предмета в пользу другого:

(4) *...tant la situation avait rapidement **tourné au** dramatique* [5, р. 203].

В событии (4), описываемом через глагол *tourner* ‘обращать’) с предлогом *à*, фиксируется резкое превращение ситуации в драматическую.

Описание замены одного участника ситуации на другого чаще реализуется через глагол *substituer*. В данных сценариях также используется предлог *à*:

(5) *Il s'avança donc incontinent vers son lit pour **substituer** le beau pourpoint gris-perle à celui-là* [6, р. 301].

В (5) участник сценария меняет хороший камзол на другой.

Таким образом, изменения, актуализируемые английским предлогом *to* и французским предлогом *à*, предполагают пропорциональный переход в частичном объеме заданных количественных, качественных и прочих характеристик как материального, так и духовного характера в комплексе единого сценария.

Особого внимания заслуживает анализ случаев актуализации «изменения» узбекским аффиксом *-ga*, который употребляется с гораздо бóльшим количеством глаголов, управляющих дательно-направительным падежом:

(6) *Orada bir oz sukunatdan so'ng, suhbat boshqa mavzuga ko'chdi* [7, p. 93].

Изменение темы беседы (*mavzu*) логически происходит в единстве разговора. В этом смысле обе темы представляют собой единое целое, чем обусловлено употребление аффикса *-ga*:

(7) *Hayotiy sarguzashtlarini eshitib, hayratga tushdim* [Там же, p. 79].

Изумление (*hayrat*) представляет лишь часть психологического процесса восприятия ситуации, описываемой в единстве всех событий. Этим объясняется и выбор глагола так называемого случайного, внезапного действия – очутиться ‘*tushmoq*’:

(8) *Shamol dovulga aylanay dedi-ya* [Там же, p. 114].

Обращение ветра в бурю становится последовательным звеном природных законов в единстве сценария, описывающего погодные условия.

Таким образом, сопоставительный анализ конкретного языкового материала позволяет прийти к заключению о том, что потенциально любая традиционно грамматическая и понятийно-смысловая категория актуализируется в языке как общее и частное, как универсальное и национально-специфическое, культурно-специфическое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описания языков / А. Вежбицкая / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – I–XII, 780 с.
3. Croft, W. Typology and Universals / W. Croft. – 2 ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 368 p.
4. Susann, J. The Love Machine / J. Susann. – London : A Corgi book, 1980. – 511 p.
5. Dumas, A. La reine Margot / A. Dumas. – Moscou : Ed. en langues etrangeres, 1955. – 695 p.
6. Dumas, A. La dame de Monsoreau : la bibli. électr. du Québec / A. Dumas. – Vol. 679 : version 1.0. – 673 p.
7. Ахоров, Ш. Аждодлар умиди [Электронный ресурс] / Ш. Ахоров. – Ташкент, 2000. – Режим доступа : http://www.nursafardiyya-sufism.com/ru/files/books/book_11_2.pdf – Дата доступа : 12.06.2016.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕГЛАЙНОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Теглайн представляет собой своеобразный девиз, кратко и емко отражающий основную идею кинофильма. Это фраза, которая зачастую формирует отношение зрителя к фильму, представления и ожидания.

Если классический рекламный слоган изучен достаточно хорошо, то теглайну посвящено лишь несколько работ, например [1]. Практически отсутствуют данные о лингвистических особенностях теглайна, а нюансы перевода теглайнов рассматриваются лишь фрагментарно. При этом теглайн – особый речевой жанр, важный для современной культуры, поэтому он нуждается в более глубоком изучении.

Основная задача любого рекламного текста, соответственно, и теглайна – призвать адресата к какому-либо действию (просмотру кинофильма). Поэтому при переводе теглайна на другой язык необходимо передать не значения отдельных слов одного языка средствами другого языка и даже не общий смысл исходного текста. Главной задачей становится сохранение основных функций оригинала. Это позволяет говорить о том, что передача теглайна на другой язык представляет собой прагматическую адаптацию – «преобразование исходного высказывания с учетом передачи его прагматического значения» [2, с. 163]. Прагматическая адаптация, по мнению Л. Л. Нелюбина, «достигается путем включения в текст дополнительных элементов, опущения элементов, избыточных с точки зрения иноязычного получателя, а также путем применения семантических трансформаций» [2, с. 163].

Для рассмотрения особенностей передачи англоязычных теглайнов на русский язык были проанализированы 100 англоязычных теглайнов к 20 лучшим, по мнению пользователей сайта www.kinopoisk.ru, кинофильмам года (выборка была ограничена 2011–2015 годами), а также соответствующие им теглайны, созданные для русскоязычной аудитории [3; 4].

Прежде всего, стоит отметить, что количество оригинальных теглайнов к кинофильму не всегда соответствует количеству теглайнов, созданных для русскоязычной аудитории. Встречаются случаи, когда передача теглайна на русский язык не осуществляется вообще или же создается теглайн для фильма, изначально теглайна не имеющего. Наиболее часто (34 % в нашей выборке) встречается ситуация, когда нескольким англоязычным теглайнам соответствует один теглайн на русском языке. Это связано с более широкой рекламной кампанией фильмов в англоязычном пространстве: как правило, для одного фильма создается несколько постеров, на которых и размещаются разные теглайны. Для русскоязычных рекламных кампаний такая тенденция не характерна: в большинстве случаев создается лишь один постер с одним теглайном, который, в свою очередь, используется не только в печатной рекламе, но и во всех видах рекламных сообщений о фильме.

В ходе исследования мы выделили три основных приема передачи англоязычных теглайнов на русский язык:

- прямой (дословный) перевод (или калькирование);
- частичная трансформация теглайна;
- замена теглайна (или полная трансформация).

По Л. Л. Нелюбину, **прямой перевод (калькирование)** представляет собой прием перевода, при котором «составные части слова или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями в языке перевода» [2, с. 73]. Пример: *Small sheep. Big movie* («Shaun the Sheep Movie», 2014). – *Маленький барашек. Большое кино* («Барашек Шон», 2014). Как правило, прием прямого перевода используется в тех случаях, когда в составе теглайнов нет каких-либо культурно специфических компонентов, не поддающихся переводу, а также отсутствует конфликт формы и содержания слогана [5]. Этот прием был использован в 21,1 % теглайнов (16 единиц), имеющих эквиваленты в русском языке.

Следующий способ передачи англоязычных теглайнов на русский язык – их **частичная трансформация**. Согласно переводоведческим исследованиям, трансформации могут быть вызваны различными факторами: структурно-языковыми, стилистическими, прагматическими и т.д. [5]. Прием частичной трансформации был использован в 35,5 % теглайнов с эквивалентами в русском языке (27 единиц). Примеры: *Remember who the enemy is* («The Hunger Games: Catching Fire», 2013). – *Помни, кто твой настоящий враг* («Голодные игры: И вспыхнет пламя», 2013); *Witness the beginning* («X-Men: First Class», 2011). – *Узнай, как все начиналось!* («Люди Икс: Первый класс», 2011).

При передаче англоязычных теглайнов на русский язык лексические трансформации были использованы немного чаще, чем грамматические. Лексические трансформации встретились в 59,3 % слоганов (16 единиц), переданных на русский язык при помощи частичной трансформации, в то время как грамматические – в 44,4 % слоганов (12 единиц). В одном теглайне могла быть использована как одна, так и несколько трансформаций.

Еще одним способом передачи теглайнов на русский язык является их **полная трансформация**, т.е. замена англоязычного теглайна русскоязычным слоганом, не соответствующим ему ни в лексическом, ни в грамматическом плане [5]. Эквивалентность в таком слогане, по В. Н. Комиссарову, сохраняется лишь на коммуникативном уровне [6], т.е. при передаче сообщения на другой язык сохраняется лишь основная коммуникативная цель оригинала – привлечение потенциального зрителя. При помощи данного способа было передано наибольшее количество проанализированных теглайнов – 43,4 % теглайнов, имеющих эквиваленты в русском языке (33 единицы). Преобладание случаев полной трансформации теглайна можно объяснить специфичностью картины мира, представленной в самом кинофильме, а также существованием большого количества различий в когнитивных процессах и способах восприятия мира у представителей различных национальностей. Иными словами, для представителей разных национальностей могут быть важными различные аспекты одного и того же фильма.

Рассмотрим пример полной трансформации теглайна: *A new funny film about love. With a bit of time travel* («About Time», 2013) – букв. ‘Новый веселый фильм о любви. И немного путешествий во времени’. – *Вдохновляющая история о любви вне времени* («Бойфренд из будущего», 2013). Единственное понятие, связывающее два теглайна – фильм о любви. Скорее всего, переводчик посчитал, что веселый (*funny*) фильм о любви не привлечет внимание русскоязычного зрителя, поэтому словосочетание *funny film* букв. ‘веселый фильм’ было заменено на *вдохновляющую историю*. Путешествие во времени, как правило, ассоциируется с фантастическими фильмами, а, поскольку первая часть русскоязычного теглайна делает основной акцент на романтической составляющей данного фильма, вместо информации о путешествиях во времени (*time travel*) приводится характеристика такого понятия, как любовь (*вне времени*).

Итак, передача теглайнов на другой язык – особая задача, поскольку переводчик должен не только передать смысл слогана, но и сохранить его экстралингвистическую функцию – способность заинтересовать адресата, призвать его к просмотру кинофильма.

Наше исследование показало, что при передаче большей части английских теглайнов на русский язык используются лексические трансформации или же прием полной трансформации, что свидетельствует о преобладании национального над универсальным в таком речевом жанре, как теглайн. Это связано с различиями в картине мира у представителей разных народов и необходимостью подстроить теглайн под определенную культуру для сохранения его воздействующей функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кунавина, М. С. Особенности передачи глагольных форм при переводе англоязычных теглайнов на русский язык / М. С. Кунавина // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. Филол. науки. – 2013. – № 4. – С. 31–37.
2. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
3. Internet Movie Poster Awards [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.impawards.com/index.html>. – Date of access : 05.09.2016.
4. КиноПоиск. Все фильмы планеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.kinopoisk.ru. – Дата доступа : 05.09.2016.
5. Бальжинимаева, Е. Ж. Стратегия перевода названий фильмов / Е. Ж. Бальжинимаева // Сравнительное правоведение в России, Монголии, Японии и КНР : материалы междунар. студ. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 17 апреля 2009 г. / Бурят. гос. ун-т; редкол.: Ю. П. Гармаев (гл. ред.) [и др.]. – Улан-Удэ, 2009. – С. 44–48.
6. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак-ов иностр. яз / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ю. А. Белютина (Смоленск, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ УГРОЗЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на примере художественных текстов)

Давно известно и научно обосновано, что при любом общении участники реализуют определенные внеречевые цели, детерминирующие их поведение, и, вместе с тем, подвергаются влиянию со стороны своих партнеров. Эта характеристика является имманентным свойством коммуникации как таковой [1]. Разные типы дискурса различаются по интенсивности оказываемого влияния, но воздействие всегда присутствует в общении – от разнообразных форм «ненасильственной» коммуникации (фатическое общение) до явного манипулирования общественным сознанием (идеологическая или иная пропаганда).

К коммуникативным стратегиям подчинения относится угроза, которую можно дефинировать как воздействие посредством запугивания, высказанное в любой форме намерение нанести физический, материальный или иной вред общественным или личным интересам [2, л. 114–115].

Исследования угрозы как акта коммуникации проводятся в рамках многих научных дисциплин: социологии, психологии, юриспруденции и др. В современной лингвистике эта проблема также получила подробное освещение, где угроза исследовалась как вид прямых и косвенных вербально-агрессивных актов, с точки зрения реализации коммуникативных стратегий и тактики лингвистический экспертизы текста (А. А. Арский, М. А. Осадчий, Е. Ю. Сидорова, Т. С. Шахматова). В самых ранних работах в области стратегий подчинения угроза сопоставляется с негативной (J. R. French, B. Raven) или «обратной» стимуляцией (G. Marwell, D. R. Schmitt), применением «санкций» как стимулов для подчинения (T. Parsons).

В обычной жизни угрозы встречаются повсеместно: там, где речь идет об ограничении поведения, где есть опасность затронуть чужие интересы и угрожать им. Если бесконфликтное общение не приносит плодов и не позволяет реализовать коммуникативные интенции, также есть вероятность, что говорящий обратится к негативным моделям вербального поведения. Ср.:

“<...> **Your life**, <...> **your life**, you may rely upon my word, **shall answer for your treachery**. <...> **repent, or you shall not quit this passage alive.**” “Do you menace me?” replied the brother, <...>. “<...> **Do you not know that every brother in the convent would rise to avenge it [my death]?**”/ ‘<...> Вы жизнью, <...> своей жизнью, помяните мое слово, ответите за предательство. <...> кайтесь, иначе вы не покинете это место живым.’ ‘«Вы что мне угрожаете?» – ответил монах <...>. «<...> Вы не знаете, что любой в монастыре восстанет, чтобы отомстить за мою смерть?»» [3, р. 264].

В примере угроза выступает как дополнительное средство достижения цели, используется наиболее опасный и жестокий вид запугивания – убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, применение насилия. Языковая экспликация запугивания сравнима с вербализацией обещания – утверждение будущего действия с отрицательными последствиями для адресата. Привлечение глагола *shall* в форме второго и третьего лица связано не с выражением будущности, а с передачей модальности угрозы. В таком контексте нейтральная, с точки зрения вербального воздействия, фразеологема *rely upon my word* ‘помяните мое слово’ приобретает дополнительную коннотацию.

Некоторые выражения угрозы представляют собой образные формулы, состоящие из диктума в неиндикативной форме (например, в конъюнктиве) с отрицательным значением: *I wish you at the bottom of the sea!* ‘Чтоб тебе пусто было!’ / ‘Чтоб тебе ни дна, ни покрывки!’; *The devil take you!* ‘Будь ты неладен!’; *May I never see your face again!* ‘Век бы тебя не видеть!’ и др., а также обозначения различных действий, предвещающих нечто плохое, неприятное, опасное для адресата: *I'll show you!* ‘Я тебе покажу!’; *I'll kill you!* ‘Я тебя убью!’ Отдельные способы вербализации угрозы обозначают гипотетические действия продуцента (*You'll pay for this!* ‘Вы за это заплатите!’; *You'll catch it! too же!* ‘Будет тебе на орехи!’) или имплицитное условие осуществления угрозы – действие адресата (*Only dare!* / *Don't you dare!* ‘Только посмей!’). Перечисленные модели относятся к косвенным речевым актам.

Многообразие способов вербализации и широкий диапазон функционирования угрозы позволяют типологизировать различные ее проявления в зависимости от степени эксплицитности воздействия на адресата и возможного причинения вреда объекту вербальной «интервенции».

В начале градационной шкалы располагается **запугивание**, которое не транслирует явной агрессии продуцента, но завуалированно сообщает собеседнику о таящейся опасности, чтобы нагнать на него страх. Ср.:

“<...>*I carry arms which go off easily – they have done so, before now – and make it dangerous for strangers who don't know the trick of them, to lay hands upon me.*” / <...> ‘У меня оружие, которое быстро выстреливает – так уже было, раньше – оно опасно для незнакомцев, которые этого не знают и поднимают на меня руку’ [4, p. 231].

Запугивание, в силу присущей ему имплицитности, позволяет продуценту высказывания оставаться безнаказанным за попытку чрезмерного воздействия на мировоззрение слушающего. Говорящий остается в стороне и якобы предоставляет собеседнику возможность выбрать самому способ действия, который в конечном итоге оказывается выгодным для агенса, нанося при этом вред интересам пациенса.

Следующим по интенсивности воздействия на шкале располагается **предупреждение** – сообщение, предостерегающее получателя о грядущем возмездии за некорректное поведение. Предупреждение, в отличие от пре-

дыдущей разновидности угрозы, может вербализовываться в эксплицитной форме, возможно также перформативное употребление глагола (*I warn you* 'Я предупреждаю вас'). Ср.:

"<...> *It is dangerous, sir, believe me, to tamper thus with earnest human passions, out of your own mere idleness, and for your sport. I will endure it no longer! Take care that it does not happen again! I warn you!*" / '<...> Сэр, это опасно, поверьте мне, мешать настоящим человеческим переживаниям просто от скуки. Позаботьтесь, чтобы этого больше не случилось снова! Я вас предупреждаю!' [5, p. 231].

Подчинение адресата в примере происходит с помощью приведения в действие персуазивной стратегии. Ее основу составляет предупреждение, актуализирующееся в перформативном использовании глагола *warn*, и вспомогательное высказывание с семантическим признаком «плохо» для субъекта пользы. Речевой акт «обещание» с вектором, направленным в будущее, служит реализации той же коммуникативной интенции – поставить слушающего в зависимость, заставить его действовать сообразно установкам говорящего.

Шантаж является самым интенсивным по степени воздействия способом запугивания. Получение преимущества посредством этой вербальной стратегии осуществляется за счет оказания интенсивного давления на реципиента сообщения. Говорящий идет на крайние меры ради достижения заветной цели – угроза разглашения позорящих, компрометирующих сведений, действительных или ложных, вымогательство, преследование, терроризирование и т.п. Ср.:

"*If you do, I'll kill you!*" said Cassy, drawing a small, glittering stiletto, and flashing it before the eyes of the girl. / '«Если ты сделаешь это, я убью тебя!» – сказал Касси, вытаскивая маленький сверкающий кинжал и пронося его перед глазами девушки' [6, p. 241].

Экстралингвистические факторы часто являются не единственным вспомогательным средством подчинения оппонента. Угрозы нередко сопровождаются и другими проявлениями агрессии и враждебности, например, ругательствами и оскорблениями. Их продуцирование связано с возможностью выплеснуть накопившиеся негативные переживания – досаду, гнев, разочарование и др.

Таким образом, анализ примеров показывает, что дискурсивная стратегия «угроза» приводится в действие за счет запугивания, вербализованного намерения нанести физический вред или ущерб интересам реципиента. Это дает возможность определить ее как «метод обратной стимуляции» и установить связь с санкциями и наказанием за совершенный проступок.

Языковые способы реализации близки к речевому акту обещания за исключением отсутствия перформативного употребления глаголов с семантикой «угрожать» (*threaten, menace, bully, intimidate*). В большинстве случаев актуализация запугивания происходит утверждением будущего действия с отрицательными последствиями для субъекта пользы. Были выявлены также образные формулы угрозы, относящиеся к косвенным речевым актам

в неиндикативной форме или обозначающие гипотетические действия над объектом. Присутствие в высказывании лексики с пейоративной дескрипцией не только интенсифицирует общее дерогативное значение, но и служит маркером отрицательного признака оппонента.

Неоднородность способов вербализации рассматриваемого коммуникативного акта и сфер его функционирования позволяет выделить разновидности угрозы, градуирующиеся в сторону увеличения эксплицитности ее проявления: запугивание, предупреждение, шантаж.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блакар, Р.* Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального воздействия. – М., 1987. – С. 88 – 125.
2. *Белютина, Ю. А.* Английская невежливая речь: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. А. Белютина. – М., 2007. – 202 л.
3. *Radcliff, A.* The Italian, or The Confessional of the Black Penitents / A. Radcliff // [Electronic resource] : Digitale Bibliothek. Band 59: English and American Literature. – Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. – CD-ROM.
4. *Dickens, Ch.* Barnaby Rudge / Ch. Dickens // [Electronic resource] : Digitale Bibliothek. Band 59: English and American Literature. – Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. – CD-ROM.
5. *Hawthorne, N.* The Blithedale Romance / N. Hawthorne // [Electronic resource] : Digitale Bibliothek. Band 59: English and American Literature. – Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. – CD-ROM.
6. *Stowe, H. B.* Uncle Tom's Cabin / H. B. Stowe // [Electronic resource] : Digitale Bibliothek. Band 59: English and American Literature. – Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. – CD-ROM.

О. И. Быкова (Воронеж, Россия)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНЕ Г. ГРАССА «GRIMMS WÖRTER. EINE LIEBESERKLÄRUNG»

При выделении смыслообразующих концептов, номинируемых лексико-семантическими группами (ЛСГ), в романе нами выявлены гиперконцепты. Они «пронизывают» все произведение, являются наиболее значимыми, охватывают и объединяют между собой все остальные концепты. В качестве гиперконцептов можно выделить концепт *Ich, я*, и концепт *Zeit, время*. Гиперконцепт *я* находит свое выражение в том, что на протяжении всего романа автор высказывает свое мнение по тому или иному вопросу, дает собственную оценку тем или иным событиям, критикует, осуждает и одобряет различные явления в общественной среде. Он постоянно противопоставляет настоящее время прошлому. Мы солидарны с мнением П. Ф. Иванова

о том, что дистанция во времени, как и в других произведениях Г. Грасса, намеренно сохраняется автором на протяжении всего романа, образуя условную границу между «тогда» и «сейчас» [1, с. 238]. Гиперконцепты как глобальные концепты выступают в качестве связующей нити между событиями. Все остальные выделенные нами смыслообразующие концепты находятся в отношениях взаимодействия. По критерию номинативной плотности вербализации концептов лексическими элементами текста нами были определены 6 наиболее частотных смыслообразующих концептов. Все примеры, иллюстрирующие вербализацию концептов, взяты из романа Гюнтера Грасса «Grimms Wörter. Eine Liebeserklärung» («Слова Гриммов. Объяснение в любви») [2].

1. ***Sprache*** ‘язык’ (35 %): *Silben* ‘слоги’; *Lautverschiebungen* ‘перебои согласных’; *Sprachdenkmäler* ‘языковые памятники’; *Doppelsinn* ‘двойной смысл’; *Vokale* ‘гласные’ [S. 11]*; *Wort* ‘слово’; *Stichwort* ‘ключевое слово’; *zitieren* ‘цитировать’; *Wörterbuch* ‘словарь’; *Zitate* ‘цитаты’; *Satz* ‘предложение’; *Spruchwort* ‘пословица’; *Sprachvermögen* ‘языковая способность’; *Wortfelder* ‘словарные поля’; *Artikel* ‘артикуль’; *Buchstaben* ‘буквы’; *Fremdwörter* ‘иностранцы слова’. Многие из них многократно повторяются в тексте романа.

2. ***Literarische Werke, handelnde Personen*** ‘литературные произведения, действующие лица’ (25 %): *Heinrich Bölls «Die verlorene Ehre der Katharina Blum»* ‘«Потерянная честь Катарини Блум» Генриха Белля’; *Grimmsche Sammlung «König Drosselbart»* ‘сборник Гриммов «Король Дроздобород»’; *Andersens «Des Kaisers neue Kleider»* ‘«Новое платье короля» Андерсена’; *Schneewittchen* ‘Белоснежка’; *Rotkäppchen* ‘Красная шапочка’; *Dornroschen* ‘Спящая красавица’; *«Rolandslied»* ‘«Песня о Роланде»’; *Roman «Der Butt»* ‘роман «Камбала»’; *«Die Rättin»* ‘«Крыса»’; *Sebastian Brandts «Narrenschiff»* ‘«Корабль дураков» Себастьяна Брандта’; *Schillers «cabale und liebe»* ‘«Коварство и любовь» Шиллера’; *Goethes Schauspiel «Don Carlos»* ‘пьеса Гете «Дон Карлос»’ и др.

3. ***Beruf, sozialer Status der Menschen*** ‘профессия, социальный статус человека’ (16 %): *Bediensteten* ‘служащие’; *Professoren* ‘профессора’; *Schauspieler* ‘актеры’; *Bühnenarbeiter* ‘рабочие сцены’; *Beleuchter* ‘осветители’; *Garderobenfrauen* ‘гардеробщицы’; *Theaterleiter* ‘руководитель театра’; *Arbeiterklasse* ‘рабочий класс’; *Agent des Sicherheitsdienstes der DDR* ‘агент службы безопасности ГДР’; *Linguisten* ‘лингвисты’.

4. ***Politische Ereignisse*** ‘политические события’ (14 %): *Bundestagswahlkampf* ‘борьба на выборах в бундестаг’; *Klassenkampf* ‘классовая борьба’; *Kapitulation des Großdeutschen Reiches* ‘капитуляция Великого немецкого рейха’; *Französische Revolution* ‘французская революция’; *Stalinismus* ‘сталинизм’; *Glasnost* ‘гласность’; *Perestroika* ‘перестройка’.

5. ***Öffentliche Organisationen und Institutionen als gesellschaftliche Strukturen*** ‘общественные организации и учреждения как общественные структуры’ (5 %): *Leipziger Hilfskomitee* ‘лейпцигский комитет помощи’; *provisorische Regierung* ‘временное правительство’; *Feuerwehr* ‘пожарная часть’; *Polizei* ‘полиция’; *Schriftstellerverband* ‘Союз писателей’.

* далее по тексту все примеры взяты из [2].

6. *Kulturstätten* ‘очаги культуры’ (5 %): *Theater* ‘театр’; *Nationalbibliothek* ‘национальная библиотека’; *Louvre* ‘Лувр’; *Museum* ‘музей’; *Frankfurter Buchmesse* ‘Франкфуртская книжная ярмарка’.

Наиболее частотная вербализация концепта «*Sprache*» ‘язык’ свидетельствует о том, что роман можно рассматривать как результат объемного лингвистического исследования самого Г. Грасса. Не случайно издатель с чувством доброй иронии характеризует роман: «*Der neue Grass: Ein lust-und kunstvolles Spiel mit Buchstaben und Wörtern*». Интертекстуальность является специфической чертой идиостиля Г. Грасса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов, П. Ф.* Система субъектных планов повествования (авторские «лики») в автобиографической прозе Гюнтера Грасса / П. Ф. Иванов // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Спецвыпуск 6. – М., Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2013. – С. 234–239.
2. *Grass, G.* Grimms Wörter. Eine Liebeserklärung / G. Grass. – Göttingen : Steidl Verlag, 2010. – 360 S.
3. *Щирова, И. А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие / И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 470 с.
4. *Филиппова, А. К.* «Ризоматическая» автоинтертекстуальность в творчестве Томаса Манна / А. К. Филиппова // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Спецвыпуск 6. – М., Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2013. – С. 186–193.

Е. Е. Голубкова (Москва, Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ СКАЗОЧНОГО ПЕРСОНАЖА КАК СМЫСЛОВАЯ СКРЕПА В ДИСКУРСЕ (на материале корпусных данных)

Прецедентное имя рассматривается нами в виде фрейма, слотами которого являются основные идиосинкратичные черты героинь и героев сказок и сюжета в версии Шарля Перро [1]. Мы полагаем, что прецедентные имена во «внесказочных» контекстах могут выступать в качестве **метонимических репрезентантов** всего сценария сказки. Данные слоты обнаруживаются в процессе анализа корпусных примеров как фокусные зоны вторичных наименований. Функционирование имен прецедентных персонажей иллюстрирует действие процесса распределения внимания и его дефокусировки, обнаруживая при этом некоторые национально-культурные особенности оценки и восприятия прецедентных имен, а, следовательно, и морали всей сказки в целом [2; 3].

Таким образом, наше предположение заключается в следующем: смещение фокуса показывает выборочное проецирование характеристик персонажа на целевую область; читатель инферирует из контекста искомый тип метонимического переноса. Процесс в целом метафорический (сравнение), но принцип метонимический (выборочный), сопровождающийся дефокусированием нерелевантных для данного контекста признаков. Корпусные данные (СОСА, НКРЯ) используются нами как источник примеров употребления прецедентного феномена (ПФ) *Золушка/Cinderella* во «внесказочных» дискурсах с целью установления его функций. Следует отметить, что в тексте доклада преобладают русские примеры по причине того, что их в три раза больше в корпусе (НКРЯ), чем в американском корпусе (СОСА). Характер (де-)фокусировки компонентов имеет определенные ограничения и удерживается смысловыми «скрепами» с прецедентным именем (*Золушка*). Некоторые последствия такой игры фокуса мы покажем на примерах из корпусов.

Целью настоящего сообщения является выявление дискурсивных свойств прецедентного имени *Золушка/Cinderella* как репрезентанта события во «внесказочных» контекстах, демонстрирующих пределы «адаптивности» семантики прецедентного имени на основе данных корпусов английского и русского языков. Выбор именно этого прецедентного имени обусловлен его высокой частотностью в различных жанрах корпусных текстов и прототипичностью сюжета самой сказки в парадигме произведений мировой литературы.

Результаты анализа корпусных данных, во-первых, позволили выявить приоритеты в частотности профилированных слотов прецедентного имени *Золушка/Cinderella*, в том числе «поддерживающих» сценарий сказки прецедентных имен *Prince Charming* и *glass slipper*, во-вторых, установить разновидности отклонений от прототипической интерпретации образа главной героини и самого сюжета сказки и, в-третьих, позволили обнаружить ряд производных имен, образованных от имени Золушки путем словосложения и аффиксации. Мы попытаемся проследить, каким образом семантикой прецедентного имени обеспечивается целостность восприятия событий, несмотря на «девиантное» контекстуальное употребление прецедентного имени или артефакта.

Укоренившаяся переводческая ошибка, например, привела к превращению туфельки из меховой в стеклянную, а затем и в хрустальную (или золотой башмачок), а, значит, и более ценную и желанную. Ценность туфельки проявляется в контекстах, где она начинает олицетворять престижный приз, получение которого определяет дальнейшее развитие событий в жизни. При этом глагол *shatter* ‘разбить вдребезги’ усиливает отсылку к материалу, из которого туфелька изготовлена – это хрустальный башмачок, а, значит, ценный и бьющийся. В русском контексте материал изготовления становится и вовсе нерелевантным, а в фокусной зоне остается только функциональная нагрузка туфельки как способа достижения заветной цели или просто как искусно сделанной вещицы.

Примечательно, что правильная интерпретация второстепенных атрибутов сказки, помещаемых в фокус внимания, обеспечивается упоминанием имени главной героини. Среди таких атрибутов: временной предел (бой часов),

незаметное исчезновение (с бала), спешка героини в полночь, потеря туфельки, любое кардинальное изменение, жертвенность, нерасчетливая любовь принца, лохмотья и платье, карета и тыкva, умение Золушки танцевать, открытый очаг и прочее.

Корпусные примеры свидетельствуют о **нескольких направлениях модификации** семантики ПФ, которые мы обобщили в следующие рубрики: нейтрализации гендерного и «человеческого» фактора, неоднозначное толкование образа Золушки и гипотетическое развитие или искажение сюжета сказки. С концептуальной точки зрения данные флуктуации основываются, как мы полагаем, на когнитивном принципе распределения внимания, в соответствии с которым степень фокусировки слотов и характер их заполнения информацией различны. Процессы (де)фокусирования – изменение фокуса внимания говорящих, приводящее либо к понижению, либо к повышению степени выделенности определенных элементов конструируемой ситуации или объекта, позволяет маневрировать с **семантической выделенностью** и осуществлять «тонкую настройку в ходе категоризации, обеспечивая гибкость данному процессу», и, как следствие, предопределяет функции не прямой антономасийной номинации в дискурсе [3, с. 143].

В проведенном фрагменте исследования мы попытались показать степень семантической «растяжимости» прецедентного имени героини одного из шести наиболее популярных литературных сюжетов («из грязи в князи», «трагедия», «падение и взлет», «Икар», «Эдип» и «Золушка»). Наблюдение за функционированием прецедентного имени *Золушка* в корпусных контекстах английского и русского языков указывает на высокий когнитивно-систематизирующий потенциал подобного вторичного наименования, служащего ключом к верной интерпретации описываемой ситуации или события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубкова, Е. Е. «Сказка о руководящей золушке», или Механизм распределения внимания в прецедентном феномене как источник его полифункциональности в дискурсе / Е. Е. Голубкова, А. Л. Братцева. // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. – Вып. 23, Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. – М. – Тамбов, 2015. – С. 90–100.
2. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy. – Cambridge, Mass, London : The MIT Press, 2000. – Vol. I. – Concept Structuring Systems. – 565 p.
3. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования // О. К. Ирисханова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
4. Corpus of Contemporary American English (COCA) [Electronic resource]. – Mode of access : corpus.byu.edu/. – Data of access : 01.08.2016.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) – [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 01.07.2016.

РОЛЬ РЕАЛИЙ В ДРАМЕ В. ГЮГО «ЭРННИ»

Во всех своих драмах, в том числе и в драме «Эрнани», французский писатель Виктор Гюго (1802–1885) выводит на сцену людей бесправных и отверженных, отщепенцев, наделенных великодушием и благородством. Разбойнику Эрнани оказываются доступны высокие человеческие чувства – В. Гюго утверждает благородство духа, а не происхождения. Все драмы В. Гюго написаны на темы, связанные с историческими событиями, однако история играет в них, по мнению М. Толмачева, вспомогательную роль местного колорита [1, с. 452–453]. Носителями местного или исторического колорита выступают, по определению С. Влахова и С. Флорина, реалии, т.е. слова или словосочетания, представляющие собой наименования предметов, понятий, явлений, характерных для географической среды, культуры, материального быта или общественно-исторических особенностей того или иного народа или той или иной страны [2, с. 26]. О реалиях, как о показателях колорита, заговорили, по мнению тех же авторов, лишь в начале 50-х годов [2, с. 5]. В отличие от С. Влахова и С. Флорина, мы причисляем к реалиям и имя собственное, потому что оно всегда передает исторический и/или национальный колорит, а также включает и культурный компонент.

Драма в стихах «Эрнани» (*Hernani*) написана в 1830 году. Действие в ней происходит в Испании 1519 года. В это время Испания имела статус великой державы, входя в унии с Португалией в Иберийскую империю. Карл из дома Габсбургов в 1519 году становится под именем Карла V также императором Священной Римской империи.

Для того, чтобы ориентироваться в содержании любого художественного произведения, тем более исторического, необходимо понимать значение реалий. К сожалению, чаще всего комментарии отсутствуют как в оригинальном произведении, так и в переводе.

Пожилой жених главной героини драмы Доньи Соль, возмущенный пребыванием в покоях его невесты двух молодых людей, говорит им:

<i>Quand nous avions le Cid et</i>	<i>Пока Бернард и Сид не покидали нас,</i>
<i>Bernard, ces géants</i>	<i>Они Испании герои и Кастилий,</i>
<i>De l'Espagne et du monde allaient</i>	<i>Умели старцев чтить и честь девиц</i>
<i>par les Castilles</i>	<i>хранили [3, с. 26].</i>
<i>Honorant les vieillards et protégeant</i>	
<i>les filles.</i>	

Жених призывает в помощники двух легендарных героев Испании. Бернардо дель Карпио – национальный герой приблизительно IX века. Эль Сид Компеадор – кастильский дворянин, национальный герой Испании XI века.

Себя жених называет «седым вождем Саморы» (в оригинале ‘солдатом Саморы’):

<i>On va rire de moi, soldat de</i>	<i>Пора бы Вам признаться, ...</i>
<i>Zamora?</i>	<i>Что юности смешон Саморы вождь</i>
	<i>седой! [Там же, с. 27].</i>

Самора – город в Испании, который играл значительную роль в первые столетия Реконкисты, т.е. процесса отвоевания испанцами и португальцами земель на Пиренейском полуострове. После этих политических событий и междоусобных войн приблизительно в XV веке в испанский язык вошла пословица *No so gano Zamora en una hora* ('Не за день была завоевана Самора'). Возможно, упоминая свой город, жених намекал на то, что от него не так просто будет избавиться.

Одним из молодых людей был будущий император Карл V Габсбург. В год коронации (1519, тот самый год, в который происходят события драмы «Эрнани») умер его дед, Максимилиан (1459–1519), о котором Карл говорит:

Il s'agit de la mort De Maximilien, Максимилиана нет, властитель мертв
empereur d'Allemagne. германский [3, с. 28].

Продолжая разговор о Максимилиане, жених сказал:

... que c'était votre aïeul, Правитель
Celui qui vient de choir de la Империи, Ваш дед, для Вас оставил
pourpre au linceul. трон, Когда пурпурный плащ сменил
на саван он [Там же, с. 30].

В качестве реалии мы рассматриваем словосочетание *пурпурный плащ*. Пурпурный цвет в Древнем Риме был символом власти. Лица, занимавшие высокие общественные должности, носили туники с нашитыми пурпурными полосами. Так, на тунике сенатора была нашита широкая вертикальная пурпурная полоса, на тунике всадников – две узкие пурпурные полосы. Полководцы-триумфаторы носили туники пурпурного цвета, расшитые золотыми пальмовыми ветвями. Позже их заменил пурпурный плащ – родоначальник мантий европейских королей.

Говоря о себе, король Карл I, он же будущий император Карл V, сказал:
Et puis, on est bourgeois de Gand. Я Гента гражданин [Там же, с. 30].

Карл родился во владениях отца, герцога Филиппа Бургундского (1478–1506), в городе Генте во Фландрии.

В связи со смертью Максимилиана предстояли выборы императора. Карл I размышлял так:

Ce roi François Premier, c'est un Король Франциск упрям, лукав,
ambitieux ! честолюбив.
Le vieil empereur mort, vite il fait Максимилиана нет – и ждет он,
les doux yeux устремив
h l'empire ! A-t-il pas sa France Взор на империю. Чего он ищет
très chrétienne? страстно?
Иль мало для него и Франции
прекрасной?
[Там же, с. 31–32].

Франциск – французский король Франциск I (1494–1547), который на момент смерти Максимилиана был королем Франции и который, как и курфюрст саксонский Фридрих III Мудрый (1463–1525), был соперником Карла I в борьбе за императорскую корону.

Карл I желал, чтобы красавица Донья Соль принадлежала ему. Отбиваясь от него, Донья Соль говорила:

<i>Ah! Vous avez Castille, Aragon et</i>	<i>У Вас есть Арагон, Наварра и</i>
<i>Navarre,</i>	<i>Кастилья,</i>
<i>Et Murcie et Léon, dix royaumes</i>	<i>Леон и Мурсия с десятком областей,</i>
<i>encor,</i>	<i>Вся Фландрия, весь мир индийский</i>
<i>Et les flamands, et l'Inde avec les</i>	<i>среди морей.</i>
<i>mines d'or!</i>	<i>Так неужель у Вас поднимется рука</i>
<i>Et quand vous avez tout, voudrez-</i>	<i>Отнять последнее, что есть у</i>
<i>vous, vous, le roi,</i>	<i>бедняка? [3, с. 45].</i>
<i>Me prendre, pauvre fille ...</i>	

Карл получил в наследство огромные территории в Западной, Южной и Центральной Европе, ранее никогда не объединявшиеся. Кроме наследственных он также присоединил Ломбардию, Тунис, Новую Гранаду, Новую Испанию, Перу и ряд других земель. Никто из европейских монархов ни до него, ни после него не имел так много титулов. Одних только королевских корон у Карла было формально более десяти – он, как правильно заметила Донья Соль, одновременно был королем Леона, Кастилии, Валенсии, Арагона, Галисии, Севильи, Мальорки, Гранады, Наварры, Сицилии, Сардинии, Корсики, Венгрии, Хорватии и других территорий, а также королем Германии и Италии и титулярным королем Иерусалима.

Скрываясь от стражи короля, Эрнани, который любил Донью Соль, не назвал своего настоящего имени. На вопрос, куда он держит путь, он ответил:

<i>Je vais à Saragosse.</i>	<i>Я в Сарагосу путь держу.</i>
<i>... de notre-dame.</i>	<i>... к Мадонне.</i>
<i>... Del Pilar.</i>	<i>... Пиларской [Там же, с. 64].</i>

Согласно легенде, 2 января 40 года н.э. Святому Апостолу Иакову на берегу реки Эбро, на которой находится Сарагоса, явилась Мадонна, повелела Апостолу построить капеллу и оставила в качестве свидетельства чуда на месте явления каменный столп, вокруг которого в III веке возвели небольшую церковь, а позднее – базилику Мадонны дель Пилар (исп. *Basilica de Nuestra Senora del Pilar*). В переводе с испанского *pilar* означает 'столб, опора'.

В данной статье смысл классического произведения художественной литературы более разъяснен читателю, показана важность комментирования реалий как в переводе, так и в оригинальном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толмачев, М. Драматургия Гюго. Историко-литературная справка // Виктор Гюго. Собрание сочинений в 10 томах. Том 2. – М.: Издательство «Огонек», Издательство «Правда», 1972. – С. 451–454.
2. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 351 с.
3. Гюго, В. Эрнани. Перев. с франц. Вс. Рождественского // В. Гюго. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: Издательство «Огонек», Издательство «Правда», 1972. – Том 2. – С. 5–150.

ИЗОБРАЖЕНИЕ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА В КОНТЕКСТЕ
ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
В РОМАНЕ ДИАНЫ СМИТ «ПИСЬМА ИЗ ЙЕЛЛОУСТОНА»

Диана Смит (Diane Smith) – выдающаяся представительница экологической литературы США конца XX – начала XXI вв. Она родилась 1 января 1949 года в штате Монтана. Со школьных лет будущая писательница увлекалась исследованием своеобразия флоры и фауны Запада США. Будучи студенткой университета Монтаны, Д. Смит изучала историю становления экологического сознания в США. Сегодня она является автором многочисленных статей, посвященных актуальным проблемам научных изысканий и понимания науки в целом. В свободное время она посещает национальные заповедники и работает волонтером на археологических и палеонтологических раскопках, изучая историю и природу Запада США.

В своем первом романе «Письма из Йеллоустона» (*Letters from Yellowstone*, 1999) Д. Смит поднимает актуальные проблемы охраны окружающей среды, индустриализации, дискриминации индейцев и познания человеком своей природы. Она описывает историю молодой женщины – исследовательницы, студентки университета Александрии Бартрам, которая летом 1898 года отправляется с группой ученых из Смитсоновского университета в экспедицию в национальный парк Йеллоустон.

Жанровые характеристики «Писем из Йеллоустона» позволяют отнести это произведение к эпистолярному роману. Через письма и телеграммы участников экспедиции своим близким Д. Смит рассказывает историю становления главной героини, которая за время исследований обрела свое место в жизни и познала себя. Писательница также поднимает наиболее острые проблемы того времени, многие из которых актуальны и сегодня: вопросы охраны окружающей среды, разрушительного влияния процесса индустриализации и деятельности человека на природу, переселения коренного населения, а также природы научного метода исследования. В своем романе Д. Смит описывает «духовное становление не только главной героини Александрии, но и всех членов экспедиции в целом, которые, оказавшись на лоне природы, столкнулись лицом к лицу со своими страхами и смогли их преодолеть» [1, р. 40].

Действие романа разворачивается в 1898 году. В это время в США активно шел процесс освоения континента, необжитых территорий, который сопровождался разрушением естественного экобаланса окружающей среды. В этой связи не только первозданная природа, но и люди, проживающие на этих территориях, воспринимались руководством страны как часть природы, подлежащая «освоению». Эти процессы, протекающие в условиях динамично развивающегося американского общества, остро поставили вопрос взаимоотношений человека и природы, его места в ней.

Местом действия романа выступает национальный парк Йеллоустон, расположенный на Западе США (на территории штатов Вайоминг, Монтана и Айдахо). Это международный биосферный заповедник, являющийся объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО и первым в мире национальным парком, который был основан 1 марта 1872 года. Парк знаменит многочисленными гейзерами и другими геотермическими объектами, богатейшей флорой и фауной. На огромной территории парка (898,3 тыс. га) находятся озера, реки, каньоны и пещеры. Озер Йеллоустон, одно из самых больших высокогорных озер в Северной Америке, расположено в центре Йеллоустонской Кальдеры – самого большого вулкана на континенте. Кальдера считается дремлющим супервулканом: он извергался с огромной силой несколько раз за последние два миллиона лет. Большая часть территории парка покрыта застывшей лавой. Здесь же находится одно из пяти существующих в мире гейзерных полей.

Место действия романа глубоко символично: огромный вулкан, расположенный в самом сердце парка, является воплощением разрушительного гнева и созидательной силы одновременно, а горячие водные источники, бьющие из недр земли, вызывают ассоциации с рождением, плодородием и источником жизни. Значимо, что в конце XIX века Йеллоустон являлся своеобразным микрокосмом национальной истории США, поскольку железнодорожные магнаты пытались добиться у Конгресса разрешения на строительство здесь железной дороги, чтобы превратить уникальный биосферный заповедник в коммерческий проект.

Появление человека в Йеллоустоне оставило разрушительный след на природе: уникальный животный и растительный мир заповедника подвергся уничтожению и деградации. Эти проблемы и попадают в фокус внимания Д. Смит. В ее романе отчетливо противопоставлены два разных мировоззрения: потребительское отношение к природе как к средству дохода и идеализация жизни на лоне девственной природы. Данный контраст находит отражение в том, что исследовательская группа под руководством профессора Мерриама разбивает палаточный лагерь в одном из самых живописных уголков парка, в то время как многие туристы предпочли разместиться в роскошном отеле, расположенном в сердце заповедника, отгораживаясь от великолепия живой природы каменными стенами, что в целом было характерным для эпохи явлением.

Стремление к яркой жизни, богатству и комфорту побудило человека построить оазис техногенной цивилизации в одном из красивейших мест континента, чтобы привлечь туда большие группы туристов и получить максимальную выгоду. Но очевидно, что деятельность отеля в заповеднике оказывает разрушающее влияние на экосистему парка. Так, например, в романе описывается, как персонал приучил диких животных «попрошайничать», искать еду в мусорных баках, воровать ее у туристов и есть из рук человека. Для гостей отеля такое поведение человека становится своего рода

аттракционом и дает возможность его владельцу привлечь новых постояльцев и, следовательно, увеличить доход. При этом ни руководство, ни персонал отеля не осознают, что, приближаясь к человеку, животные подвергаются серьезной опасности стать его жертвами. Более того, им становится все сложнее выживать в естественных условиях и самостоятельно добывать себе пищу.

В свою очередь главная героиня романа Александрия Бартрам понимает, что необходимо много работать, чтобы сохранить этот уникальный заповедник – гордость нации. По мнению девушки, прежде всего следует остановить строительство железных дорог на территории Йеллоустона. Железная дорога является в романе символом разрушительного влияния «мира машин» на живую природу. Александрия видит в ней уродливое подобие живого организма, который распустил свои «щупальца» по всей территории страны, постепенно разрушая плодородные почвы, флору и фауну континента.

Девушка уверена, что появление железной дороги в парке даст толчок к развитию туристической инфраструктуры и ухудшению состояния экосистемы, в результате чего уникальная природа заповедника может не выдержать такой антропогенной нагрузки – растительный и животный мир окажется на грани исчезновения. Чтобы подчеркнуть эту мысль, Д. Смит обращается к выражению *civilizing our native species right off the face of the earth* – ‘развитие цивилизации стирает редкие виды с лица земли’ [2, p. 32]. Использование глагола *civilize* в данном контексте вызывает ассоциации с негативным смыслом, который вкладывал в него герой знаменитого романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна» (1884), когда говорил: «I’d made up my mind to light out for the Territory to escape getting sivilized like Aunt Sally wanted to do with me» (дословно: ‘Я решил направиться в индейские резервации, чтобы тетушка Салли не превратила меня в цивилизованного, как собиралась’, при этом слово *civilize* Гек пишет с ошибкой, что дает М. Твену возможность подчеркнуть неприятие главным героем этого явления).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Postlethwaite, D. Natural Wonder* / D. Postlethwaite // *Women’s Review of Books*. – 1999. – Vol. 16. – № 10/11. – P. 40.
2. *Smith, D. Letters from Yellowstone* / D. Smith. – N. Y. : Penguin Books, 1999. – 226 p.
3. *Стеценко, Е. А. Экологическое сознание в современной американской литературе* / Е. А. Стеценко. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 280 с.
4. *Heise, U. Science and Ecocriticism* / U. Heise // *The Association for the Study of Literature and Environment* [Electronic Resource]. – Mode of access : <http://www.asle.org/site/resources/ecocritical-library/intro/science>. – Date of access : 10.02.2016.

КАРТИНА МИРА УЧЕНОГО
В РОМАНЕ Д. КЕЛЬМАНА «ИЗМЕРЯЯ МИР»

Внутренний мир ученого, в котором формируется его картина мира, охватывает сферы науки, искусства и религии. В рамках небольшой статьи рассмотрим преимущественно научную картину мира на фоне личностных качеств ученых. Понятие «картина мира» получило развитие в теориях концептов и ментальных пространств. Концепты образуются понятиями, получающими обыденную трактовку [1, с. 24]. Языковое выражение они могут получить через сущностные номинации, называющие предмет или явление, которые в той или иной социальной группе насыщаются дополнительными смыслами [2, с. 136–138]. Такие номинации по сути конденсируют концепты, которые очерчивают ментальные пространства нации, этнической или профессиональной группы, индивидуума. На наш взгляд, сущностная номинация исследователя выражена в ментальном пространстве Гаусса как *Kausalgewebe* ‘причинная сеть’, которую ученый видел за каждым событием, приписывая ей бесконечную свободу. Ср.:

(1) *Aus der Nähe betrachtet, sehe man hinter jedem Ereignis die unendliche Feinheit des Kausalgewebes* [3, S. 13]. «Если присмотреться внимательнее, за любым событием можно разглядеть тончайшую сеть причинно-следственных связей».

Ментальные пространства охватывают некую область концептуализации, структурируемую когнитивными моделями [1, с. 50]. В индивидуальных ментальных пространствах в качестве когнитивных моделей используются синтаксические структуры, выбор которых характеризует интеллектуальный и эмоциональный потенциал личности. Для личности исследователя релевантны структуры, передающие причинные связи, которые выражают закономерности объективного мира и в этом смысле представляют собой синтаксические концепты.

Исходя из этого, строится методология нашего исследования. Выявляя номинации, существенные для картины мира исследователя, мы одновременно анализируем причинные концепты. Ср. (1).

В сущностных номинациях исследуемого романа разграничиваются метаязыковые и косвенно-речевые высказывания. К первым мы относим авторскую речь, ко вторым – высказывания персонажей в форме косвенной речи.

Представляя главных героев, автор употребляет номинации, входящие в тезаурус ученого и характеризующие «внешнюю» сторону его деятельности, образуя тем самым внешнюю границу ментального пространства. Гаусса Кельман называет *König der Mathematik* ‘король математики’, *der größte Mathematiker des Landes* ‘самый великий математик страны’. Известность Гумбольдту принесли его *экспедиции* в Южную Америку.

Высказывания самих ученых содержат терминологические номинации, имеющие сущностный характер, поскольку в их ментальных пространствах они насыщаются дополнительными смыслами. Для Гаусса – это термины из

мира математики, охватывающие теорию вероятности, дифференциальную геометрию, импульсы, колебания и даже статистические закономерности продолжительности жизни. Гумбольдт употребляет номинации, в которых подчеркивается значимость эксперимента и представления реальной картины физического мира в географических картах, в описании флоры и фауны.

В косвенно-речевых высказываниях содержатся многочисленные причинные концепты, охватывающие все семантические оттенки причины: собственно причину, следствие, условие, цель и уступку. Особенности выражения этих связей в романе Кельмана состоят в следующем:

1. В стиле автора имплицитные причинные связи более чем втрое превышают количество эксплицитных. Автор вынуждает читателя вникать в суть описываемого, видеть, по выражению Гаусса, *das Innere der Welt* 'внутреннюю суть мира'. Импликация причинных связей делает повествование емким, вбирающим в себя невысказанные прямо смыслы. При этом происходит смысловое насыщение ментальных пространств персонажей, выходящее за рамки научного мышления. Так, Гумбольдт предстает как приверженец прусской монархии, что вытекает из его высказывания, в котором он оправдывает прусского чиновника, подозреваемого в коррупции, ср.:

(2) *Ein hoher Beamter des preußischen Staates sei nicht bestechlich* [3, S. 259]. «Высокопоставленный чиновник прусского государства не может брать взятки».

2. В речи ученых причинный смысл конденсируется в существительном или местоимении с предлогом. Тем самым их речь приближается к научному стилю, обнаруживая соответствующие ментальные пространства. Гумбольдт конденсирует свою позицию исследователя, объясняя цель своей поездки по России (3). «Король математики» Гаусс считает, что он спас Геттинген от наполеоновского нашествия (4). Ср.:

(3) *Gern, sagte Humboldt, allerdings sei er nicht der Museen, sondern der Natur wegen hier* [3, S. 269]. «Охотно, сказал Гумбольдт, хотя он и прибыл сюда не ради музеев, а ради живой природы». (4) *Man sage, Napoleon habe **seinetwegen** auf den Beschuss Göttingens verzichtet* [3, S. 11] «Утверждают, добавил он, что сам Наполеон отказался из уважения к нему от обстрела Геттингена».

3. Бросается в глаза обилие предложений со значением следствия, не типичных для художественного стиля. Благодаря этому внимание концентрируется на результате, наступающем вследствие определенного свойства, что придает повествованию объективность и косвенно характеризует ментальные пространства ученых, для которых естественно опираться на факты:

(5) *Das Boot neigte sich stärker, so dass das Wasser bis zu ihren Knien stieg...* [3, S. 112]. «Лодка наклонилась еще сильнее, так что вода доходила им уже до колен».

4. В романе чаще, чем обычно в художественной прозе, встречаются уступительные конструкции. В частности, они характеризуют упорство Гумбольдта в достижении цели (6). Уступительность может быть выражена имплицитно. Например, описывая попытку Гаусса отвлечься от неудобств путешествия в карете, автор косвенно характеризует ментальное пространство ученого, привыкшего во всем видеть закономерности (7):

(6) *Wie auch immer, sagte Humboldt, sie müssten weiter* [3, S. 105]. «**Что бы там ни было**, сказал Гумбольдт, надо двигаться дальше». (7) *Geholfen hatte es kaum, aber ihm war dabei das Prinzip des geringsten Zwangs klar geworden...* [3, S. 267]. «Помочь это ему не помогло, но при этом стал ясен принцип подвижного равновесия».

5. Условные связи выражаются в романе придаточными предложениями, передающими гипотетические или реальные закономерности. Например, Гумбольдт так описывает один из своих опытов:

(8) *Fasste man den Aal mit beiden Händen, ...so verstärkte sich die Wirkung.* [3, S. 104]. «Если ухватить угря обеими руками,... действие усиливается».

6. Целевые отношения передаются чаще всего инфинитивными группами с частицей *um*, но встречаются и целевые предложения с союзом *damit*. Инфинитивные группы используются, например, для описания физических закономерностей, ср. (9):

(9) *Man musste ein Fernrohr auf einen...Spiegel richten, **um** die feinen Schwankungen der beweglichen Skala zu sehen* [3, S. 272]. «Пришлось направить телескоп на одно из зеркал, ...**чтобы** различать малейшие колебания на подвижной шкале».

Таким образом, картина мира ученого выявляется в романе Кельмана на концептуальном и языковом уровнях. Сущностные номинации в ментальных пространствах Гаусса и Гумбольдта очерчивают области интересов того и другого, а также характеризуют личностные качества обоих. Причинные концепты, во многих случаях имплицитные, насыщают их ментальные пространства. Гумбольдт предстает как целеустремленный исследователь (3, 6, 8) и ревностный защитник прусского государства (2). В ментальном пространстве Гаусса инферируется увлеченность наукой (9), высокая самооценка (4), стремление во всем видеть причинные связи (1, 7).

Проведенный анализ подтверждает, что автор мастерски прорисовывает внутренний мир человека, используя прямые номинации, имеющие для исследователя сущностный смысл, и имплицитные синтаксические концепты, насыщаемые дополнительными смыслами. На наш взгляд, эти средства могут успешно применяться как один из способов диагностики ментального пространства, что может служить базой формирования сознания человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика // Н. Н. Болдырев. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.
2. Кострова, О. А. Сущностные номинации и их стереотипное восприятие в немецкой лингвокультуре / О. А. Кострова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 133–142.
3. Kehlmann, D. Die Vermessung der Welt: Roman // D. Kehlmann. – Reinbek : Rohwolt, 2011. – 290 S.

«СУМЕРКИ ОБЩЕСТВА» В ПОВЕСТИ
Э. М. ФОРСТЕРА «МАШИНА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ»

Повесть «Машина останавливается» классика английской литературы XX века Эдварда Моргана Форстера (Edward Morgan Forster, 1879–1970) состоит из трех частей («Воздушный корабль», «Ремонтирующий Аппарат», «Отчужденные»), и ее сюжет довольно прост: прозаик изображает повседневную жизнь людей в эпоху Машины. Комната, в которой проживает главная героиня повести Вашти, очень крохотная и не имеет окон. Думается, что Э. М. Форстер тем самым отсылает читателя к своему роману «Комната с видом», где на фоне итальянской природы разворачивается любовный роман главных героев Люси и Джорджа. Комната «без окон» является анти-тезой комнате «с видом» в указанном выше романе. Таким образом, представляется, что дихотомия «мир природы – мир цивилизации» является значимой для прозаика.

Вашти окружена вокруг себя различными механизмами, кнопками изоляции, экранами, световыми регуляторами, выключателями и прочими «благами» эры Машины. Героиня является лектором о музыке австралийского периода, ее лекция обычно длится не более десяти минут. Вашти вещает из своей комнаты, похожей на «пчелиную ячейку». При помощи одних кнопок женщина получает пищу и одежду, для доставки литературы существуют другие, для общения с друзьями – третья. Ее распорядок дня представляется следующим: Вашти «погасила свет и заснула. Затем проснулась и зажгла свет. Поела, обменялась идеями с друзьями, послушала музыку и лекции, снова погасила свет и снова заснула. А над ней, под ней, вокруг нее непрерывно гудела Машина» [1, с. 322].

Для управления Машиной и ее механизмами Центральным Советом издана специальная Книга, к которой Вашти относится как к священной: «– О, Машина! О, Ты, Машина! Она поднесла Книгу к губам, трижды поцеловала ее, трижды склонила голову, трижды ощутив экстаз покорности» [Там же, с. 321]. Нельзя не отметить иронию Э. М. Форстера в изображении главной героини: «Женщина около пяти футов росту, с белым, как плесень, лицом. Ей-то и принадлежит комната» [Там же, с. 317].

По просьбе сына Куно Вашти совершает путешествие на воздушном судне в противоположное полушарие. Она нажала на нужную кнопку, впереди оказался туннель, затем Вашти вышла на платформу, вызвала поезд и села в вагон. Далее героиня зашла в лифт, но испытала огромное чувство дискомфорта, ибо «там находился еще один пассажир – первое живое существо, с которым она столкнулась лицом к лицу за много-много месяцев. Теперь редко кому приходило в голову путешествовать, ведь благодаря достижениям науки земля стала повсюду одинаковой» [Там же, с. 323]. Здесь Э. М. Форстер открывает пространство для функционирования бинарных оппозиций «Я – Другой» (например, романы «Поездка в Индию», «Морис», рассказ «Доктор Шерстихлоп»), «свое – чужое» (например, романы «Куда боятся ступить ангелы», «Комната с видом»).

В процессе путешествия к Вашти «вернулся страх перед непосредственным познанием» [1, с. 324]. Отметим, что такой же страх характерен и для героев романов «Поездка в Индию» (Адела), «Морис» (Морис), однако это не совсем типично для героев «малой» прозы писателя (в рассказах присутствует восторг от познания окружающего мира, например: «Вечное мгновенье», «По ту сторону изгороди», «Небесный омнибус»). Куно, напротив, побывав на поверхности, снова рвется «наверх». Он мечтает в очередной раз увидеть те самые звезды, которые для Вашти кажутся невыносимыми.

Однако звезды – не единственное, что вызывает чувство дискомфорта у героини. Никаких идей также не «рождает» пребывание в пространстве над Индией и Грецией. Необходимо упомянуть, что именно Индия, Греция и Италия были теми топосами, которые приносили Э. М. Форстеру вдохновение (роман «Поездка в Индию», «итальянские» романы «Комната с видом», «Куда боятся ступить ангелы», рассказы из сборника «Небесный омнибус»).

Сравним состояние других форстеровских героев, оказавшихся в инонациональном пространстве: в Греции мистер Лукас (герой рассказа «Дорога из Колона») все же достиг «мгновений прозрения»; он «любил все, что двигалось, дышало, просто существовало под благословенной сенью платанов» [2, с. 215]; миссис Мур (героиня романа «Поездка в Индию») в свою очередь в Индии ощутила чувство родства с луной и звездами: это чувство «прошло сквозь нее и вышло <...>, оставив после себя какую-то странную свежесть» [3, р. 51]. Состояние пассажиров на борту в анализируемой повести остается прежним: «Пассажиры прятались по своим каютам, не желая встречаться, испытывая почти физическое отвращение друг и другу и страстно мечтая поскорее вновь очутиться под землей» [1, с. 328].

По прилету Вашти ожидал идентичный путь под землю в комнату сына, через вестибюль, на лифте, подземной железной дорогой, через подвижную дверь. На противоположном полушарии никто и ничто не отличалось – все и все были одинаковыми. По приезду матери Куно сообщает ей, что ему грозит Отчуждение, т.е. смерть. В эпоху Машины это происходило так: «жертву выводили на поверхность, и наружный воздух убивал ее» [Там же, с. 329]. Побывать «наверху» можно было вполне законно, если получить респиратор и попросить разрешение на право выхода. Однако Куно нарушил эти правила; он искал и нашел свой собственный выход. Необходимо отметить, что Куно обладал некой физической силой, которая считалась недостатком в эпоху Машины. Младенцев при рождении осматривали и сильных уничтожали. Вот с каким чувством иронии Э. М. Форстер пишет об этом: «На заре общества слабых ждала гора Тайгет, в **сумерки общества сильных** ждала Легкая Смерть для того, чтобы Машина могла совершенствоваться, совершенствоваться, вечно совершенствоваться [выделено нами. – Д. П.]» [Там же, с. 330].

Однажды Куно объявляет Вашти торжественно, что «Машина останавливается» [Там же, с. 342]. Она восприняла слова сына о возможной остановке Машины как нелепые и рассмеялась. Вашти, как и другие обитатели

подземелья, считала существование прогресса Машины вечным. Действительно, в последнее время начали происходить какие-то неполадки с вещаемой из механизмов музыкой, но Вашти отправила жалобу в Комитет Ремонтирующего Аппарата, который обещал в кратчайшие сроки все исправить.

Через некоторое время повреждения были частично исправлены, но наступил все-таки день, «когда совершенно неожиданно, без всяких предварительных сигналов, система коммуникаций во всем мире разом распалась и мир, в понимании людей той эпохи, перестал существовать» [1, с. 345]. Только после этого до Вашти стал доходить смысл произнесенной Куно фразы о том, что «Машина останавливается». С прекращением работы механизмов наступила зловещая тишина, непривычная для героини, ибо с самого рождения ее окружал гул машины. Вашти наконец-то поняла, что эре Машины пришел конец.

Напоследок Куно признается матери, что все-таки на поверхности жизнь есть:

« – Я видел их, говорил с ними, любил их. Они прячутся в тумане и папоротниках и ждут, когда прекратится наша цивилизация. Сегодня они Отчужденные, но завтра...

– А завтра... завтра какой-нибудь глупец снова пустит в ход Машину.

– Никогда, – сказал Куно, – никогда. Человечество получило хороший урок» [Там же, с. 348].

Слова Куно прозвучали как пророчество: весь город развалился, воздушный корабль взлетел в туннель и взорвался. Перед тем, как умереть, Вашти и Куно увидели безоблачное небо. Несмотря на то, что главные герои повести погибают, у Э. М. Форстера Природа все-таки побеждает Цивилизацию.

Итак, Э. М. Форстер в повести «Машина останавливается» еще в 1909 году сумел предвидеть те тенденции в развитии общества, с которыми человечество столкнулось в ХХI веке. В этом и заключается актуальность изучения творческого наследия прозаика. Повесть английского писателя-модерниста – произведение-предупреждение, повествующее о появлении таких «сумерок общества», при которых возможна утрата коммуникации между людьми и их индивидуальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Форстер, Э. М.* Машина останавливается / Э. М. Форстер // Избранное. – М. : ОАО Издательство «Радуга», 2000. – С. 315–348.
2. *Форстер, Э. М.* Дорога из Колона / Э. М. Форстер // Избранное. – Л. : Худож. лит., 1977. – С. 210–222.
3. *Forster, E. M.* A Passage to India / E. M. Forster. – L. : Penguin Books, 2000. – 363 p.

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С ЭЛЕМЕНТАМИ ФЭНТЕЗИ

Фантастическое, вымышленное, сказочное всегда присутствует в картине мира ребенка, помогая ему осмыслить окружающий мир. Направление фэнтези, с его все возрастающей популярностью и тенденцией к порождению так называемой литературы «all-age-literature», захватило и современную немецкую детско-юношескую литературу, проявляясь в ней в различной степени. Появление элементов фэнтези в реалистических или исторических романах приводит к возникновению жанрового многообразия в рамках детско-юношеской литературы в целом, а также множественной жанровой принадлежности одного произведения. Немецкий исследователь Хельмут В. Пеш, определяя явление фэнтези, выделяет следующие его содержательные характеристики: а) элемент героя; б) элемент вымышленного мира; в) элемент магического сознания [1, S. 33–40].

В процессе анализа произведений с элементами фэнтези возникает вопрос, в первую очередь, о функциях таких элементов и о целях и намерениях автора, включающего фантастические допущения в реалистическое или историческое повествование.

У истоков повествования в жанре фэнтези в немецкой детско-юношеской литературе в середине XX века стояли такие авторы, как Отфрид Пройслер (1923–2013) («Маленький водяной», 1956 г. и далее), Джеймс Крюс (1926–1997) («Тим Талер, или Проданный смех», 1962 г.) и Михаэль Энде (1929–1995) («Бесконечная история», 1979 г.). Господствовавшая во второй половине XX века общая тенденция к столкновению детей и подростков с реальностью этими авторами была истолкована и творчески переработана в русле обращения к миру фантазии и воображения. Таким образом, были заложены основы повествования о реальном мире путем обращения к фантастическим элементам.

Немецкий теоретик и критик в области детско-юношеской литературы Ханс-Ханно Эверс [2, S. 12] видит в переходе от реальности к фантастическим мирам системную переменную, связанную с переносом фокуса с внешних явлений реальности на внутренний мир ребенка и ознаменовавшую переход к психологическому детскому / юношескому роману.

Современные писатели часто обращаются к фантастическим допущениям в реалистическом повествовании. Ключевым фантастическим допущением в серии детских романов о Лилиане Зузевинд автора Тани Штевнер [3] является уникальная способность главной героини разговаривать с животными. Дар Лилли, который она использует во благо, – каждая книга содержит историю спасения какого-то животного благодаря ее участию – имеет, безусловно, метафорическое значение. С одной стороны, подчеркивается

ценность коммуникации, понимания в обществе. С другой стороны, демонстрируется уникальность каждого человека, важность уважения к иному, непривычному. В серии для подростков «*Alea Aquarius. Der Ruf des Wassers*» [4] фантастические допущения в тексте представлены также на сюжетном и концептуальном уровне и более разработаны на уровне повествования. Превращение главной героини Алеи, девочки-сироты, страдающей загадочной болезнью, в русалку, открывает возможность движения и имеет символическое значение освобождения главной героини от преследовавших ее проблем.

Фантастические допущения в обоих произведениях связаны с миром природы. Элементы фэнтези являются связующим сюжетным звеном между детьми и природой и одновременно представляют собой маркеры ввода концепта «природа» в концептуальную структуру произведения. Появление концепта «природа», в частности, такого смысла, как «животный мир», объясняется его актуальностью для детей и подростков, а также значимостью для немецкой картины мира. Также следует отметить реализацию такого образующего его смысла, как «*Umweltschutz*» ‘охрана окружающей среды’, который занимает важное место в немецкой картине мира и находит отражение, в том числе в детско-юношеской художественной литературе.

В произведениях Тани Штевнер элементы фэнтези и фантастические допущения гармонично вплетены в сюжетную и концептуальную канву. Роман Давида Зафира «*28 Tage lang*» / ‘Целых 28 дней’ стоит особняком в ряду выбранных для анализа произведений как по жанру, так и по способу включения элементов фэнтези. Повествование в жанре фэнтези имеет характер параллельного повествования в рамках исторического романа о восстании в варшавском гетто в 1942–1943 гг. Такие вставки присутствуют в 8 из 80 глав романа и занимают лишь около 18 из 404 страниц романа. По объему они незначительны по отношению ко всему тексту романа, однако занимают важное место в произведении, отражая, объясняя и оттеняя происходящее в реальном мире.

Повествование о путешествии в вымышленный мир 777 волшебных островов начинается в привычном реальном мире, на книжном блошином рынке. Переход в фантастический мир происходит через книгу (интертекстуальная связь с романом М. Энде «Бесконечная история»). Торговец требует, чтобы за эту книгу подростки Бен и Ханна работали на него, как рабы. Уже в этом сюжетном элементе прослеживается проекция действительности: еврейское население гетто принуждалось к рабскому труду. Укравшие книгу подростки слышат в свой адрес угрозы, в том числе торговец угрожает им ‘безвозвратным адом’ («*Hölle ohne Wiederkehr*» [5, S. 110]), что является метафорой, олицетворяющей жизнь в гетто. В фантастическом мире герои оказываются на корабле, где они узнают обо всех ожидающих их опасностях, однако они готовы скорее погибнуть в вымышленном мире, чем оставаться в гетто. Символичен образ корабля, который подростки не могут покинуть, отождествляемого с самим гетто, и моря, полного хищных обитателей, в котором Бен и Ханна непременно погибнут, ведь они не умеют плавать, – море ассоциируется с полным опасностей миром за пределами гетто. Фигура

Повелителя зеркал, которого Ханна должна победить, является олицетворением зла. В повествовании о реальных событиях в гетто именно в руках молодых людей, фактически детей (так отзываются о них и лидеры польского повстанческого движения) оказывается судьба восстания. Множество сюжетных деталей содержат намеки на национал-социалистический режим и его методы: так, основное оружие Повелителя зеркал – это страх, за ним следует ложь. Противников Повелителя зеркал ожидает суровая расправа – их изгоняют в кривые зеркала, где они живут до конца своих дней в искаженном виде (интертекстуальная связь с произведением В. Г. Губарева «Королевство кривых зеркал»). В искаженном виде эти отражения насколько ужасны, что они сами способны испытывать лишь чувство ненависти. Безусловно, в этом описании содержится намек на трансформации, происходившие с людьми под воздействием национал-социалистической идеологии, принуждавшей людей к совершению нравственных преступлений. Повелитель зеркал признается в том, что война – его жизненный эликсир, и теряет свою силу, когда герои отказываются поднимать оружие. Борьба героев вымышленного мира происходит на фоне борьбы повстанцев в варшавском гетто. После гибели сестры Мира, участница восстания в гетто, терзаемая угрызениями совести и чувством вины за то, что она осталась в живых, обращается к фантастическому миру в поисках утешения и встречи с Ханной. Путешествие Миры по вымышленным мирам заканчивается относительным примирением со смертью Ханны, что помогает Мира легче перенести чувство вины, и она покидает фантастический мир навсегда.

Таким образом, в произведении прослеживается постоянная взаимосвязь между контекстами с элементами фэнтези и основным реалистическим историческим повествованием. Наиболее ярко такое взаимопроникновение прослеживается в следующей фразе: *Die Deutschen wollten nicht nur unsere Welt erobern, sondern auch die der 777 Inseln.* / ‘Немцы хотели завоевать не только наш мир, но и мир 777 островов’ [5, S. 239]. В этой фразе включение элемента фэнтези служит средством усиления горькой исторической правды и помогает глубже понять трагичность описываемых событий.

Отметим, что проанализированным произведениям немецкой детско-юношеской литературы, содержащим фантастические допущения, свойственно присутствие проблемной компоненты. При этом фантастические допущения становятся одним из способов актуализации и отражения проблемной составляющей действительности и немецкой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pesch, H.-W. Theorie und Geschichte einer literarischen Gattung // H. - W. Pesch. – Köln: Eigenverlag, 2009. – 306 S.
2. Ewers, H.-H. Kinderliterarische Erzählformen im Modernisierungsprozeß. Überlegungen zum Formenwandel westdeutscher epischer Kinderliteratur // Günter Lange, Wilhelm Steffens (Hrsg.): Moderne Formen des Erzählens in der Kinder- und Jugendliteratur der Gegenwart unter den literarischen und didaktischen Aspekten. – Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann GmbH, 1995. – 234 S.

3. *Stewner, T.* Liliane Susewind. Tiger küssen keine Löwen // T. Stewner. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2008. – 221 S.
4. *Stewner, T.* Alea Aquarius. Der Ruf des Wassers // T. Stewner. – Hamburg : Verlag Friedrich Oetinger, 2015. – 212 S.
5. *Safir, D.* 28 Tage lang // D. Safier. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 2014. – 414 S.

А. С. Самофалова (Тюмень, Россия)

АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНЫЙ СЛОЙ
КОНЦЕПТА-ОППОЗИЦИИ «ГЕРОЙ/АНТИГЕРОЙ»
В РОМАНЕ Р. ОЛДИНГТОНА «DEATH OF A HERO»

Картина мира – представление о мире в сознании людей, художественная картина мира – индивидуальная картина мира писателя, реализованная в художественном произведении, а терминологический аппарат когнитивной лингвистики помогает выявить фрагменты содержания картины мира автора (концепты) и структурировать их при помощи фреймов и слотов [1, с. 8]. Так, в настоящей статье целью является изучение ассоциативно-образного слоя концепта-оппозиции «герой/антигерой» в романе Р. Олдингтона «Death of a Hero». Дефиниционный анализ лексем *герой/антигерой* (в толковом словаре лексема *hero* ‘герой’ фиксирует основной компонент: *a brave person* ‘храбрый человек’, а *antihero* ‘антигерой’ содержит компонент *a person without heroic qualities* ‘лишенный героических качеств человек’ [2, p. 763; 53]) соответствует понятийному слою концепта¹, а дополнительные характеристики, вскрываемые в картине мира художественного произведения, несут ассоциативно-образную нагрузку.

Представляется, что фреймо-слотовая модель концепта-оппозиции «герой/антигерой» включает жизнь персонажа от рождения до смерти: автобиографические трагические события, пережитые автором через образ главного героя Джорджа Уинтерборна, который родился в семье адвоката, сразу после окончания школы начал жить отдельно и работать в качестве журналиста, литературного критика и художника, в 1916 году пошел служить в британскую армию, стал командиром роты, но не выдержал тягот военной службы и за неделю до перемирия подставил грудь под вражескую пулю. Ассоциативно-образный слой концепта-оппозиции «герой/антигерой» в картине мира данного произведения представлен фреймами «довоенное время», «военное время» и «личная жизнь» – связующее звено, так как личная жизнь развивалась как до войны, так и во время нее. Выделенные фреймы включают слоты: «родительский дом», «школа», «работа», «армия», «окопы», «2-я рота 9-го батальона», «семья», «духовный мир».

¹ Слои концепта представлены по [3].

Ассоциативно-образный слой концепта «герой» в романе «Death of a Hero» реализуется следующими фреймами. Фрейм «довоенное время» представлен 2 слотами («школа», «работа»). Слот «школа» демонстрирует взаимоотношения с одноклассниками и учителями, признак *своевольности* выражен в школьные годы¹: *hate-obstinate silence* ‘ненавидяще упрямое молчание’, *hard-faced boy* ‘школьник с упрямым лицом’, *to be himself* ‘быть самим собой’. Слот «работа» проявляется признаком *усердности*, где главный герой в качестве художника мог раскрыть свой творческий потенциал, несмотря на маленький заработок: *drew and painted hard* ‘с небывалым рвением рисовал и писал красками’, *absorbed in his painting* ‘с головой ушел в живопись’. Фрейм «военное время» содержит 2 слота («армия», «окопы»). Слот «армия» выражен признаком *споровки*: *bore it (physical fatigue) better than most* ‘выдержал (физическую усталость) лучше других’, *accepted and got used to* ‘обтерпелся и привык’. Слот «окопы» представляет жизнь героя в саперном батальоне. Признак *ответственности* прослеживается через модальный глагол *ought to* ‘следует’: *I ought to take my chance in the line* ‘мое место в окопах’, *I ought to spend the War in the ranks and in the line* ‘Я должен остаться рядовым на передовой’ и через глагол *carry* ‘исполнять’: *carry out everything* ‘исполнял любое поручение’, *carried all messages* ‘вся связь лежала на ротном’.

Фрейм «личная жизнь» реализуется 2 слотами («семья», «духовный мир»), при этом данный фрейм иллюстрирует довоенный период жизни героя. Так, слот «семья» включает в себя отношения Дж. Уинтерборна с женой Элизабет и любовницей Фанни. Признак *преданности* в чувствах главного героя к Элизабет объективирован такими лексическими и синтаксическими средствами, как *liked each other frightfully* ‘ужасно нравятся друг другу’, *in love* ‘влюблен’, *reveal* ‘раскрывается’, *devoted* ‘был предан’, *affectionate sensuality* ‘влюбленная чувственность’, метафорой *their natures expanded in a sudden delicious efflorescence* ‘оба вдруг чудесным образом расцвели’, эпитетом *so happy* ‘так счастливы’. Во взаимоотношениях с Фанни преобладал признак *откровенности*, в которую Уинтерборн мог погрузиться и раскрыться с новой стороны: *complete happiness* ‘настоящее счастье’, *passion absorbed* ‘страсть вспыхнула’, *delicious intimacy* ‘чудесная близость’, *satisfaction* ‘наслаждение’.

Слот «духовный мир» содержит аспекты жизни Джорджа Уинтерборна, связанные с искусством и политической обстановкой в стране. Признак *образованности* выражается посредством имен следующих поэтов: *Keats* ‘Китс’, *Chaucer* ‘Чосер’ и художников: *Friesz* ‘Фриз’, *Vlaminck* ‘Вламинк’, творчество которых интересовало главного героя. Глаголы *leaped* ‘влюбился’, *adored* ‘восхищался’, *plunged* ‘затянула’, *appreciate* ‘ценить’ свидетельствуют о развитии его творческой личности. Уинтерборн до последнего верил в невозможность войны, поэтому признак *неравнодушия* номинирован рядом лексико-синтаксических репрезентаций: *social problem* ‘социальная проблема’, *national point of view* ‘касались всей страны’, *the people don't want war* ‘люди не хотят войны’, *a Socialist peace meeting* ‘социалис-

¹ Здесь и далее примеры даются по [4].

тический митинг в защиту мира', *hopes of peace* 'надежда, что мир будет сохранен', *I'm worried about this war situation* 'неспокойно мне, как бы не было войны'.

Исследовав концепт «антигерой», мы можем сделать вывод, что наполняемость ассоциативно-образного слоя концепта «антигерой» шире, чем концепта «герой». Так, фрейм «довоенное время» включает 3 слота («родительский дом», «школа», «работа»). Слот «родительский дом» характеризует отнюдь не доверительные отношения Дж. Уинтерборна с родителями. Признак *отрешенности* прослеживается следующим образом: *relatives are awful* 'родственники – ужасный народ', *very unhappy* 'глубоко несчастный', *a bit resentful* 'немного озлобился', а признак *подавленности* – в существительных: *profound depression* 'глубокое уныние', *frustration* 'разочарование'. Слот «школа» представляет образование главного героя в группе военного обучения, отличающееся признаком *неспособности* – Уинтерборну не удалось справиться с жесткими требованиями: *filthy little sneak* 'трус паршивый', *contemptible and unmanly (conduct)* 'позорно и недостойно мужчины (поведение)', *dull-minded* 'тупица'. Слот «работа» демонстрирует финансовую нестабильность, с которой ему пришлось столкнуться после разорения отца. Признак *несостоятельности* выражен словосочетаниями: *have no education* (неуч), *a painter of sorts* (в некотором роде художник), *incapable of supporting a woman and children* 'не прокормить жену и детей'. Фрейм «военное время» состоит из 3 слотов («армия», «окопы», «2-я рота 9-го батальона»).

Слот «армия» вмещает в себя признак *эмоциональной незрелости*, проявляющийся в репрезентациях: *shock of the abrupt change* 'внезапный переход', *depression* 'уныние', *exasperation with Army routine* 'изводила армейская рутина', *years of discomfort and depression* 'годы тягот и уныния', *listlessness and despair* 'безразличие и безнадежность'. Наряду с этим наблюдается признак *униженности*, чувство, пережитое Уинтерборном во время службы в армии: *humiliating* 'унизительно', *humiliation* 'унижение'. Слот «окопы» также сопровождается признаком *униженности*, о чем свидетельствуют данные единицы: *disgust* 'омерзение', *feeling of humiliation* 'унижение', *animal humiliation* 'собачье унижение'. Можно выделить признак *усталости*: *felt amazingly weary* 'безмерно устал', *cumulative weariness* 'копившаяся усталость', *torments of fatigue* 'пытка усталостью' и признак *деградации* в выражениях: *his mind degenerating* 'чахнет его разум', *degradation* 'падение'.

Слот «окопы» связан с боевыми действиями немецкой тяжелой артиллерии, где признак *страха* актуализируется выражениями: *heart shake* 'дрожь в сердце', *tears in his eyes* 'глаза его были полны слез', *horror* 'ужас', *a sense of fear* 'страх', *coward* 'трус', *fear reflex* 'инстинкт страха'. Слот «2-я рота 9-го батальона» демонстрирует период становления героя командиром роты после окончания офицерской школы. Многие надеялись, что Уинтерборн будет хорошим офицером. Однако сам он не желал быть им, поэтому признак *сомнения* в собственных силах находит отражение в контексте: *Winterbourne hesitated. He didn't want the responsibility* 'Уинтерборн колебался. Ему совсем

не хотелось отвечать за людей'. Признак *неопытности* представлен посредством: *utter inexperience* 'совершенно неопытный и неумелый', *incompetent* 'ничего не смыслит', *all went wrong with him* 'на него валились все шишки'. Кроме этого, главный герой был угнетен боевыми действиями, поэтому признак *слабости*: *agony* 'нестерпимая пытка', *wrecked man* 'потерпел крушение' и признак *равнодушия*: *apathy* 'вялое оцепенение', *aimless, apathetic, listless* 'вялый, безвольный, ко всему равнодушный', *exhausted and depressed* 'подавлен и измучен', *despair* 'отчаяние' просматриваются на страницах романа. Фрейм «личная жизнь» содержит 2 слота («семья», «духовный мир»), охватывающие военный период жизни Уинтерборна. Слот «семья» проявляется различным набором чувств к Элизабет и Фанни и характеризуется признаком *отчужденности*: *receded far from him* 'далеки от него', *memories* 'воспоминания'. Слот «духовный мир» описывает внутренний страх и пустоту героя. Оказавшись на войне, Уинтерборн теряет интерес к искусству, и признак *деградации* проявляется в таких выражениях, как: *the whole thing went wrong* 'все шло вкривь и вкось', *his hand and brain failed him* 'рука и мозг ему изменили'.

Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что ассоциативно-образный слой концепта «герой/антигерой» на материале романа «Death of a Hero» организован пространственными слотами, отражающими динамично меняющиеся дислокации мест в период жизни героя, вписанные во временные фреймы. Ассоциативно-образный слой концепта-оппозиции «герой/антигерой» расширяется посредством признаков (*своевольность, усердность, сноровка, ответственность, преданность, откровенность, образованность, неравнодушие/отрешенность, подавленность, неспособность, несостоятельность, эмоциональная незрелость, униженность, усталость, деградация, страх, сомнение, неопытность, равнодушие, слабость, отчужденность*), характеризующих Уинтерборна как человека, не готового к военным действиям, представителем потерянного поколения, жертвой бойни, погубившей молодых людей в самом начале жизни, в расцвете сил и способностей, где доминантными являются признаки слотов ассоциативно-образного слоя концепта «антигерой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – 60 с.
2. Longman Dictionary of Contemporary English // ed. by Della Summers. – Letterpart : New Edition, 2005. – 1949 p.
3. Тарасова, И. А. Категории когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля / И. А. Тарасова // Вест. Самар. гос. ун-та. Гуманитарный выпуск. – 2004. – № 1 (3). – С. 163–169.
4. Aldington, R. Death of a Hero: a novel / R. Aldington. – М. : Высш. шк., 1985. – 350 p.

ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Рекламность, свойственная газете, очень ярко выражается в заголовках. Заголовки должны затрагивать проблемные вопросы и соответствовать при этом ожиданиям читателя. По мнению М. А. Бойко [1, с. 208], заголовок задает такую рамку восприятия информации, которая предопределяет результат ее осмысления потенциальным читателем. Первично когнитивную рамку восприятия задает оппозиция «свой-чужой» или «другой-свой», сквозь которую интерактанты воспринимают все сведения в актуальном акте познания и коммуникации [2, с. 177].

Задача заголовка состоит в активации сведений адресата из конкретной понятийной сферы, обладающих определенным весом в немецкой культуре. Сведения непременно должны соотноситься с ценностными ориентациями в обществе. К традиционным ценностям немецкого общества относятся соблюдение прав и свобод человека, толерантность, забота о благосостоянии граждан. Ценностные ориентации иных культур могут получать негативный эмоциональный отклик (оценку) у носителей культуры. Таким образом, для успешной реализации коммуникативной интенции адресант должен учитывать обозначенные требования и прямо либо косвенно ссылаться к существующим оценочным стереотипам как фрагментам картины мира и как части сознания коммуникантов [1].

Интерес представляет собой изучение особенностей медиатекстов, информирующих читателя о инокультурных фактах и событиях и о способах достижения воздействующего эффекта на адресата. По мнению Л. И. Гришаевой, любой медиатекст является аксиологически заряженным, несмотря на преобладание в нем нейтральных языковых единиц и на отсутствие единиц оценочной семантики [3]. Большую лепту в информировании читателя вносят заголовки. Современные исследователи наделяют заголовок контактноустанавливающей функцией, позволяющей ему воздействовать на читателя (Н. М. Вахтель).

Анализ публикаций электронной версии немецкого журнала «Spiegel» о российском президенте В. В. Путине (2014 – 2016 гг.) выявил следующие особенности. Все заголовки двусоставны (соединены между собой двоеточием), первая часть обозначена черным цветом, вторая – красным. Черным цветом обозначены сведения о факте/событии/процессе, их месте, времени, участниках. Заголовки рассматривались по типу предложений, с помощью которых они оформлены (по классификации Г. Бринкмана: субстантивными, адъективными или глагольными предложениями). В силу своей синтаксической семантики первые части могут по-разному подготавливать реципиента к восприятию информации во второй части заголовка: классифицировать факт/лицо/событие, либо приписывать им признак, или описывать процесс/

действие в динамике: синтаксически они представлены, как правило, субстантивными предложениями. Превалирование структур с субстантивным предикатом можно объяснить языковой экономией, первая часть должна быть «сжатой» и, по возможности, нейтральной.

Второй компонент заголовка привлекает внимание читателя своим цветовым оформлением, обладает большим информативным и аттрактивным потенциалом. Общей тенденцией можно назвать стремление к соблюдению структурного минимума. Однако есть и исключения: *Treffen von Franziscus und Kirill: ein Männerkuss, der Putin gefällt* 'Встреча Франциска и Кирилла: мужской поцелуй, который нравится Путину'. Употребление факультативного придаточного предложения и линейность синтаксической структуры позволяют тонко активизировать сведения о русской культуре/истории и роли российского президента в церкви и обществе. В том числе оставляют за собой некоторую недосказанность. Во второй части отмечаются часто яркие цитаты российского президента. В численном соотношении среди всех семантико-синтаксических типов доминируют глагольные предложения. Глагол в силу своей семантики рисует событие/действие в динамике, ярко и наглядно. Предикаты в них обозначают либо ситуацию речевого воздействия, либо поступка и поведения. Часть глагольной лексики обладает негативным прагматическим потенциалом (*drohen-bedrohen, schocken*).

Аргументативность заголовков проявляется не в преобладании лексики с ярко выраженной пейоративной или мелиоративной семантикой. Отметим в этой связи роль выбора средств номинации в заголовках, особенно неологизмов, при информировании. Например, креативное обозначение союзников – В. В. Путина и Т. Эрдогана – *Erdutin*. Подобные яркие номинации могут закрепиться в сознании читателей.

Воздействующую функцию, среди прочих, имеют интертекстуальные связи и метафоры. Они так или иначе затрагивают либо стиль руководства российского Президента, либо его карьеру, либо его политику в мировом пространстве. Например, модифицированное употребление названия фильма про шпиона британской разведки Джеймс Бонда: *Donald Trump und Wladimir Putin: Liebesgrüße aus Moskau* 'Дональд Трамп и Владимир Путин: Из Москвы с любовью'. Здесь можно уловить ссылку на прошлую деятельность В. В. Путина в органах безопасности. Или пример активизации знаний и стереотипов о Советском Союзе: *Seehofer reist zu Putin: Druschba! Freundschaft!* 'Зеехофер едет к Путину: Дружба!'. Нейтральные лексемы русского слова «дружба» и его перевод на немецкий язык носителям немецкой культуры более старшего поколения напоминают о времени существования ГДР и вызывают сомнения в искренности этих дружеских чувств. Рекламность и аргументированность могут создаваться при помощи языковой игры: *Putin bei Tsipras: Wirtschaften das!* 'Путин с визитом у Ципраса: мы справимся!' (модифицированная цитата немецкого канцлера Ангелы Меркель – *Wir schaffen das*, ставшая знаменитой во время миграционного кризиса в Германии и часто цитируемая в современных немецких СМИ). В данном примере мы видим открытое проявление авторского мнения

относительно способности российского президента решать экономические проблемы. Авторское мнение может выражаться открыто при помощи риторических вопросов, прямой обращенности к читателю: *Das System ist korrupt. Na und?* ‘Система коррупционна. Ну и что?’.

Большую роль в переработке информации играют союзы: *Neue Dopingfälle in Russland: Aber Putin beschwichtigt*. ‘Новые случаи употребления допинга: **Однако** Путин успокаивает’. При помощи противительного союза возрастает эмоциональный компонент сообщения, чему способствует и отсутствие обязательного глагольного дополнения и подчеркивание реакции российского президента на уличение российских спортсменов в применении допинга. Порядок расположения элементов, линейность предложения в том числе обладают воздействующей силой. По мнению Л. И. Гришаевой [3], элементы синтаксической структуры воспринимаются реципиентом линейно и соотносятся им в том же порядке с определенными иерархически организованными структурами культурно специфических сведений. Соответственно, разные синтаксические структуры по-разному профилируют комплекс активизированных сведений, причудливо соединяя эмоциональное с рациональным. *Nachspiel einer Verkostung: Putin, Berlusconi und der Krim-Wein*. ‘Послевкусие: Путин, Берлускони и крымское вино’.

В сфере политических отношений СМИ влияют на сознание массового читателя, преобразуя его систему оценок и установок, меняя его поведение. Более того, по мнению А. Г. Пастухова «...медиа определяют не то, как человек думает, а то, о чем он думает» [4, с. 171]. В заголовках получают выражение различные стереотипы и оценка журналистами чужой культурной реальности, актуальные в данный исторический период. Воздействие на читателя может осуществляться не только лексическими, но и средствами стилистического синтаксиса, словообразовательными и лексико-грамматическими средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева, Л. И. «Свой-чужой» – ценностно-ориентационная шкала диспозиции «Мы-они» / Гришаева, Л. И. // Диспозиция «свой-чужой» в культуре: монография / (под ред. А. С. Ищенко, Л. И. Гришаевой). – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та, 2009. – С. 114–118.
2. Бойко, М. А. Медийный текст и его особенности / М. А. Бойко. // Языковые средства конструирования имиджа субъекта в политической коммуникации: коллективная монография / Л. И. Гришаева, Е. Н. Катанова, О. В. Кашкина, М. А. Бойко. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронеж. гос. ун-та. – 2009. – С. 203 – 209.
3. Гришаева, Л. И. Парадоксы медиалингвистики / Л. И. Гришаева. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 295 с.
4. Пастухов, А. Г. Agenda setting, или установление повестки дня в медиатексте / А. Г. Пастухов // Медиатекст: стратегии – функции – стиль. – Орел : ООО «Горизонт», 2010. – С. 171–185.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Д. К. Бартош (Москва, Россия)
М. В. Харламова (Москва, Россия)

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

При обучении иностранному языку в школе, учреждении высшего образования, любом другом образовательном учреждении предполагается, что происходит обучение также речевой культуре изучаемого языка. В Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка речевая культура трактуется как часть культуры народа, связанная с использованием языка. В нее включается сам язык, его этническая специфика, функциональные и социальные разновидности, а также этнические особенности языковой картины мира, сформировавшиеся обычаи и правила поведения, совокупность текстов на данном языке. В современной психологии, педагогике и лингвистике данный термин рассматривается больше на основе теории речевой деятельности, согласно которой речевая культура – один из важнейших показателей духовной культуры человека и культуры его мышления, одно из средств развития личности [1].

Если рассматривать типы речевой культуры, то самый высокий тип – элитарная речевая культура, характеризующаяся полным соблюдением языковых норм, выразительностью, логичностью, доступностью, ясностью изложения, богатством словарного запаса [2, с. 58], не отвечает реальному использованию языка. Самой массовой во всех сферах общественной жизни является среднелитературная речевая культура, для которой характерно нестрогое выполнение языковых норм, нечастое использование этикетных формул. Не менее распространена литературно-разговорная речевая культура, представители которой владеют только разговорным стилем, не соблюдают этические нормы, смешивают стили общения [2, с. 62].

Анализируя современные тенденции в социокультурном развитии общества, одними из которых являются глобализация и интенсивная информатизация социальных и культурных процессов, можно говорить о появлении нового социального пространства, так называемой виртуальной реальности. Социальные сети все больше заменяют живое непосредственное общение, особенно для молодых людей, и все очевиднее становится влияние общения с помощью Интернета, как правило, негативное, на формирование современной речевой культуры. Необходимость быстрых спонтанных ответов многим партнерам по переписке, отсутствие цензуры и т.д. обуславливают нарушение норм литературного языка даже у тех, кто принадлежит к высокому типу речевой культуры. Это способствует распространению ее более низких типов, таких как фамильно-разговорный, а также просторечный.

Данная проблема типична для всех стран, в которых происходит активная информатизация общества. Так, общение в социальных сетях может содержать следующие недочеты:

- отсутствие заглавных букв при написании существительных;
- отсутствие знаков пунктуации;
- повторение знаков, что служит дополнительным средством передачи эмоциональности;
- частое использование слов английского языка, так называемого «Denglisch», а также неологизмов и слов интернет-лексикона, заимствованных из английского языка;
- написание исключительно заглавными буквами, верхним регистром или «капсом», что также служит средством передачи эмоциональности;
- сокращения, недописывание окончаний.

Однозначно, что данные нарушения, как и низкие типы речевой культуры, не могут являться предметом обучения. В то же время, учитывая их распространенность и постепенное внедрение на всех уровнях языка в повседневное личное общение вне Интернета, считаем целесообразным не игнорировать их, а использовать как средство повышения у обучающихся уровня речевой культуры как в иностранном, так и в родном языке, так как данные нарушения являются типичными для всех культур. Необходимо отметить, что социальные сети содержат в себе богатый социокультурный материал. Пользователи обмениваются мнениями по различным вопросам из всех областей жизни, и их сообщения отражают как уже сложившиеся и общепринятые традиции и правила повседневной реальности, уклад жизни, принятый в данной культуре образ мышления, так и актуальные тенденции, прежде всего, в жизни молодежи.

Но работа с социальными сетями в педагогическом вузе сопряжена с некоторыми сложностями. Обучение иностранному языку в педагогическом вузе предполагает помимо прочих задач развитие способности также осуществлять обучение, воспитание и развитие средствами иностранного языка. То есть, знакомя студентов, в нашем случае – с особенностями общения в социальных сетях на иностранном языке, важно передать им общую стратегию работы с данными видами текстов, которая, объединяя в себе и обучающие, и образовательные, и воспитательные, и развивающие задачи, имеет целью повышение уровня речевой культуры на иностранном языке, а соответственно и в родном. Следует сказать, что профессиональное развитие студентов – будущих учителей осуществляется во многом опосредованно через организацию самого учебного процесса, через собственный пример учителя, то, как он организует и проводит занятия, ведет себя на уроке и взаимодействует со студентами. При проведении занятий по практике речи, по теоретическим языковым дисциплинам сама организация урока, применение тех или иных приемов ориентируют студентов на использование данных образцов в их дальнейшей практической деятельности.

В содержании работы с сообщениями из социальных сетей можно выделить два компонента: *деятельностный* и *текстовый*. Деятельностный компонент включает в себя, прежде всего, приемы работы с данными

сообщениями, предполагающие анализ как содержания, так и языкового оформления текстов, их интерпретацию, трансформацию. Текстовый компонент содержит непосредственно сами сообщения. При этом считаем целесообразным включение в текстовый компонент сообщений, демонстрирующих разные уровни речевой культуры, включая самый низкий, и даже непонятных по содержанию, чтобы обучающиеся могли сравнить и сопоставить уровни речевой культуры, оценить влияние нарушения норм на искажение смысла высказываний.

Приемы работы также можно разделить на две группы: по содержанию сообщений и по языковому оформлению. Приведем некоторые приемы работы с содержанием сообщений:

- составление хит-листа;
- сбор аргументов;
- составление аналитической записки;
- создание образа пользователя.

Работу по содержанию сообщений целесообразно завершать приемами работы над языковым содержанием сообщений с целью акцентирования внимания на речевой культуре. Приемами в данном случае являются:

- контроль за ошибками;
- редактирование.

Отметим, что социальные сети имеют большой лингводидактический потенциал для обучения иностранным языкам, особенно для обучения студентов педагогических направлений. Студентам, которые в большинстве своем являются активными пользователями данных сетей, предстоит обучать иностранному языку школьников, также активных пользователей. В связи с этим необходимо, выполняя практические обучающие задачи, реализовать и воспитательные с образовательными и, знакомя студентов с низким уровнем речевой культуры, воспитывать речевую культуру высокого типа, чтобы, будучи учителями, они могли повышать уровень речевой культуры школьников как в иностранном, так и родном языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Приходько, О. В.* Сущность и структура речевой культуры в психолого-педагогической литературе [Электронный ресурс] / О. В. Приходько // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 9. – Ч. 2. – С. 424–428. – Режим доступа : <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34866>. – Дата доступа : 15.09.2016.
2. *Стернин, И. А.* Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж, 1998. – 125 с.

Т. А. Болдова (Москва, Россия)

«INPUT» – «OUTPUT». А ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

Нельзя изучать иностранный язык, пренебрегая проблемами нового глобального явления – измененной среды коммуникации. В содержательном плане речь идет о формировании межкультурной компетенции (умение общения в иноязычных культурных пространствах), компетенции для дости-

жения общности, в результате формирования которой развивается личность студента, а изменениям подвергаются мышление, чувства, поведение. Необходимо определить представления о процессах понимания в мультимедийном рабочем окружении учебного процесса на основе гипертекстов, где порождается гипертекст, который воплощается в интеграции различных способов коммуникации в мультимедийные формы.

Введение сетевых технологий в обучение иностранным языкам рассматривается как совокупность методов и технических средств получения, организации, хранения, обработки, передачи и представления информации, расширяющей знания людей и развивающей их возможности по управлению техническими и социальными процессами. Интерактивная сеть сама по себе уже является мощным общественным вызовом и запросом. Идея отражения смысла текста в виде базы текстовых файлов базируется на том, что текстовый файл – это и единица семантического представления текста, и готовый блок для вхождения в базу знаний определенной предметной области. Это позволяет проводить модульную работу с текстовой информацией и учебными материалами как совместную интерактивную работу по обработке письменных текстов в трехмерном виртуальном пространстве с использованием заданий для индивидуального обучения, партнерской работы, групповой работы и социальной коммуникации. Проблема текста, при данном подходе, понимается как система восприятия и адекватного понимания множества иноязычных текстов в гипертекстовом культурном пространстве, которая заключена в специфический технологический каркас, где есть сообщения (реплики) других участников как динамический элемент сетевого полилога на различные темы.

Гипертекст представляет собой комплексную вариативную интеграцию возможностей различных носителей (условный вербально-письменный текст и мультимедиа), формирующую принципиально новый тип коммуникаций. Гипертекст рассматривается нами как: а) продукт сложной деятельности по порождению текста и рецепции текстовой информации, проходящей в социальной сфере межкультурной коммуникации; б) единица обучения текстовой деятельности и текстовой коммуникации; в) средство для решения методических проблем организации и «процессного» управления текстовой деятельностью в условиях сетевой коммуникации при обучении иностранным языкам. При этом запускается в действие механизм мотивирования на дальнейшее научное и практическое взаимодействие с носителями изучаемого языка.

В сети, где говорят на разных языках, будущий специалист вынужден овладеть не одним, а 2–3 языками, т.к. иноязычные сайты вынуждают студентов пользоваться несколькими языками в ограниченных рядовых ситуациях, когда они обучаются и овладевают специализированным тезаурусом и навыками познавательной деятельности. Когда студент в сети в выбранной им социальной роли, это можно рассматривать как некий переход субъекта учебного процесса посредством виртуальной деятельности в сети к новому жизненному содержанию, формированию у него иного образа мира. Изучая иностранный язык с помощью облачных сервисов, студент сталки-

вается с целым рядом трудностей. Так, выполнение интерактивных заданий во время аудиторных занятий требует приобретения умений вести сетевой дискурс, осуществляя рефлексия и анализ.

Во временных сетевых формированиях есть возможность смены социальной роли – от пассивной работы на лекциях и семинарах в стенах учреждения высшего образования к позиции специалиста в своей области, что в дальнейшем даст опыт в информационном поиске материалов, поиске партнеров для интеракций, что необходимо для совместного исследования учебных задач и проектирования их решения. Общение с партнерами способствует формированию у студентов языкового самопознания, что в дальнейшем расширит языковой опыт студентов и сделает доступными индивидуальные и профессиональные языковые установки других людей через сетевые дискуссии, виртуальные консультации при применении тематических блогов. Конечно, сразу встает вопрос использования заданий из открытой сети, это вопрос диагностики умений. Понятно, традиционные формы контроля будут не вполне корректны и даже бессильны, то есть студент должен знать и понимать все мультимедийные компоненты любого такого задания.

В однотипных интерактивных текстах эта проблема вполне решаема, а в более сложных по строению и вариативных по форме ее решение вызывает у студентов некоторые сложности активного взаимодействия на диалоговой основе с обратной связью. Например, представьте свои идеи по созданию исследовательского проекта в следующем виде. Планирование: а) общее описание; б) тип проводимого исследования (необходимо предъявить не менее трех видов возможных исследований по данному проекту для получения большого количества баллов); возможные вопросы касательно исследования. Презентация: а) по представленному плану дать практическое описание проекта; б) представить перевод информации; в) показать самостоятельно заверченный проект. Вопросы: а) ответы на вопросы – в конце презентации. Максимальное количество баллов получают те студенты, чьи ответы на вопросы полностью раскрывают понимание сущности проводимого проекта и его практического воплощения. Комментарии: а) даются в электронном виде; б) две формы: проект представлен; разработанный проект представлен и подготовлен хорошо.

Так как сетевые дискурсы образованы текстами различного уровня трудности и качества, то мультимедийные дискурсы интересны тем, что это та среда, которая ведет к пониманию самого процесса обучения иностранным языкам с использованием новых технологий. Такая виртуальная среда позволяет обучать на сложных текстах от носителей изучаемого языка. А текст, который создал сам студент, полезен при шлифовке умений сетевого общения, для обеспечения правильности понимания письменной речи на иностранном языке. Чем сложнее для студента коммуникация в сети (как совокупность аутентичных текстов и мультимедиа), тем большую роль играет прямое сетевое взаимодействие носителей языка и наших студентов. Студент создает собственные учебные тексты на изучаемом языке и комментарии к ним, продумывает сетевые диалоги, которые почти одновременно используются другими студентами в процессе проектной работы в сети, применяя различные дидактические тексты и их фрагменты, иллюстрации,

видео- и аудиоматериалы, чтобы передать содержание изучаемой темы и представить свое видение проблемы. Например, студенты обмениваются вариантами найденной гипертекстовой информации, формируя группы так называемых оптимистов и скептиков, каждая из которых выражает и развивает разделяемую ее участниками точку зрения. Далее студенты анализируют изменение общей позиции и предлагают тексты как новый опыт понимания тех или иных рассматриваемых аспектов.

Динамика такой учебной работы может быть представлена в виде этапов. Первый этап – «первоначальное накопление», когда идет сетевой поиск, появляются отдельные тексты, фрагменты текстов и графических изображений, необходимых в учебном проекте. Второй этап – «критический анализ» проведенного интенсивного поиска, дальнейшая систематизация и оценка накопленных данных, оценка возможности использования тех или иных материалов. Третий этап – «внедрение» как личный опыт работы в сети посредством действий активного конструирования текстового материала на основе облачных технологий с использованием электронных многоязычных словарей, монтажа видео- и аудиозаписей, интерактивной доски, редактирования цифровых изображений и цифровой живописи и т.п. Четвертый этап – «синтетический», когда студент использует все возможные коммуникативные технологии и получает консультации преподавателей европейских университетов с помощью Moodle, а также оценки других студентов относительно выбранного учебного проекта.

Чем чаще студенты обмениваются друг с другом заданиями и материалами по учебным темам, тем более полно и интенсивно они ими овладевают. В разнообразных информационных источниках студенты учатся находить различные гипертекстовые конструкции для разрешения учебно-образовательных проблем. Кроме того, у них формируются собственные понятия о тематическом содержании различных гипертекстов. Участие в сетевых проектах способствует решению студентами лингвистических и профессиональных задач, делает доступной систематизацию учебных достижений при формировании портфолио. У студентов происходит развитие умений критического мышления в условиях работы с большими объемами информации, расширяется культурологический, лингвистический и коммуникативный опыт, который в дальнейшем позволит им организовать самостоятельную работу, повышая уровень владения изучаемым языком.

Yu. D. Gavronova (Smolensk, Russia)

A. V. Neshenko (Rostov-on-Don, Russia)

THE RELATIONSHIP OF INDIVIDUAL'S BASIC VALUES WITH RUSSIAN AND GERMAN STUDENTS' PROFESSIONAL IDENTITY

One of the main education tasks lies in the identifying conditions for building effective professional relations among the representatives of different ethnic cultures, including Russian and German culture. At the same time the research question of how individual's basic values are related to Russian and German students' professional identity becomes more and more important.

Hypothesis: The relationship of individual values with Russian and German students' professional identity may be of universal and culture-specific character. *Sample:* 200 German students and 200 Russian students aged from 17 to 25 ($M = 20$). *Research methods:* Personal Values Questionnaire (Schwartz, 1992), the Values Survey Module 2008 (VSM 08) by G. Hofstede, the K. Zamfir technique modified by A. Rean „Motivation of professional identity“, „Personality differential“ adapted by E.F. Bazhin and A.M. Eikind. The hypothesis was tested using multiple regression analysis (stepwise).

By means of Personal Values Questionnaire and the Values Survey Module 2008 using *Mann – Whitney U-test* we have revealed that Russian students focus more on values of self-enhancement, openness to change, masculinity, power distance, short term orientation, restraint and monumentalism. But German students focus more on the values of self-transcendence, respect for the individual and equality, tolerance to uncertainty, long-term orientation, indulgence of desires, self-effacement.

We considered professional identity to be composed of motivational (intrinsic and extrinsic motivation), emotional (professional self-esteem) and behavioral (self-confidence as a professional, perception of oneself as an active professional) components. In the structure of professional identity similarities and differences between German and Russian students have been identified with the help of *Mann – Whitney U-test*. The similarity lies in the predominance of internal cognitive motives over pragmatic, positive evaluation of oneself as a professional and understanding the meaning of professional activity in helping others, achieving material prosperity, getting pleasure and moral self-satisfaction. Differences in the structure of professional identity manifested in the fact that Russian students often see the meaning of professional activity in creativity, professional development, career, gaining the status, professional and life experience, while German students often see the meaning of professional activity in expediency and improving society.

We found that Russian and German young people's orientation towards Self-Direction and Achievement values contributes to the development of their intrinsic motivation, their orientation towards Self-Transcendence values (Benevolence in Russian students and Benevolence and Universalism in German students) promotes the improvement of their professional self-esteem, their orientation towards Openness to Change values increases their self-confidence as a professional. Besides Russian students' orientation towards Openness to Change values increases not only their self-confidence as a professional but also their perception of themselves as an active professional. But one can see culture-specific characteristic in the fact that in Russian students individualistic and collectivistic values determine their intrinsic motivation, while in German students – only individualistic values. Another culture-specific characteristic of the relationship of individual values with German and Russian students' professional identity can be seen in case of extrinsic motivation. Russian students' orientation towards Self-Direction values promotes the decreasing of their extrinsic motivation, while in German students the orientation towards Universalism values plays this role. Besides orientation of Russian students towards individualistic values contributes to the development of respect feeling in their ideas about themselves as a

professional, while the orientation of German students towards the values of tolerance to different behavior and new ideas leads to increasing their professional self-esteem in their real and ideal perceptions of themselves. In the perception of themselves as an active professional Russian students focus on feminine values (a preference for cooperation, modesty, caring for the weak and quality of life), but German students – on masculine values (a preference in society for achievement, heroism, assertiveness and material rewards for success).

Thus students' orientation towards individualistic, Self-Direction and Self-Transcendence values may serve as a basis for disclosing their professional personal potential. But in order to optimize professional contacts with German students the Russians should follow the principles of understanding and tolerance to different views, i.e. direct their attention to Universalism values.

О. Л. Зозуля (Брест, Беларусь)

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ НЕЗНАКОМЫХ СЛОВ В ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

(на примере немецких имен существительных и прилагательных)

Согласно образовательным стандартам по окончании изучения дисциплины «Иностранный язык» в техническом вузе студент должен владеть системой иностранного языка в его фонетическом, лексическом и грамматическом аспектах, а также быть способным вести общение профессионального и социокультурного характера на иностранном языке, т.е. использовать его в качестве инструмента профессиональной деятельности. Дисциплина «Иностранный язык» в техническом вузе предшествует дисциплинам по специальности и тем самым становится фактором опережающего профессионального обучения. Сегодня ученые ведут речь об иноязычной профессионализации как об одном из основополагающих принципов профессиональной лингводидактики, с которой связывают развитие профессиональных качеств в процессе изучения иностранного языка. Иноязычная профессиональная компетенция рассматривается как составная часть профессиональной компетенции специалиста и формируется на занятиях иностранного языка в первую очередь в процессе работы с профессионально ориентированными текстами [1, с. 104–107].

Частью профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции студентов является лексическая (семантическая) компетенция, т.е. способность понять значение незнакомого слова. В имеющейся на сегодняшний день методической литературе можно найти немногочисленные способы семантизации преподавателем новых слов, однако еще меньше в учебных пособиях содержатся указания, с помощью которых можно было бы самостоятельно раскрывать значение незнакомого слова [2, S. 59]. Так, для семантизации новых вводимых слов преподаватель может применять беспереводные способы (демонстрация предметов, действий, изображений; раскрытие значения слова на иностранном языке через его дефиницию; использование синонимов и антонимов, словообразовательных моделей, указание на родо-

вое слово и т.д.) и переводные (перевод слова соответствующим эквивалентом родного языка). Из перечисленных способов семантизации студент в процессе самостоятельного чтения немецкого технического текста может прибегнуть, в первую очередь, к переводу и словообразовательным моделям. Анализ текстов, используемых в подготовке специалистов, например, в таких областях, как строительство, автосервис, информационные технологии показал, что продуктивными видами образования слов являются деривация и словосложение.

Имена существительные образуются, например, по следующим моделям. Модель, состоящая из двух частей: «(1) основа глагола, именующего действие, + (2) суффикс *-er*», которая имеет значение ‘субъект/объект, производящий действие, названное основой’, например: *Mischer* ‘мешалка’ «*Maschine, in der Sand, Kies, Zement, Wasser zu Beton, Mörtel vermischt werden*» (здесь и далее примеры приводятся по толковому словарю немецкого языка Дуден [3]); *Regler* ‘регулятор’ «*Vorrichtung, die bei technischen Geräten (besonders als Bestandteil eines Regelkreises) den gewünschten Gang, die richtige Stufe, Stärke o.Ä. von etwas einstellt, reguliert*», *Kühler* ‘радиатор’ «*eine Vorrichtung zur Kühlung von Kraftfahrzeugmotoren*»; *Anwender* ‘пользователь’ «*jemand, der etwas (besonders ein Programm) anwendet*», *Drucker* ‘принтер’ «*ein Gerät, das Daten und Texte auf Papier druckt*» и т.д. Следует отметить, что часто в основе данной модели образования слова лежат глаголы, образованные от простых имен прилагательных/существительных: *verdichten* ‘уплотнять, конденсировать’ → *Verdichter* ‘компрессор, конденсатор’, *erhitzen* ‘нагревать, разогревать’ → *Erhitzer* ‘нагреватель, обогреватель’, *verteilen* ‘распределять’ → *Verteiler* ‘распределитель’ и т.д.

Модель, также состоящая из двух частей: «(1) основа глагола + (2) суффикс *-ung*», которая имеет значения ‘1) действие, процесс или состояние, названное глаголом, 2) результат действия, названного глаголом’, например: *anwenden* ‘применять, использовать’ → *Anwendung* ‘применение, использование’, *kühlen* ‘охлаждать’ → *Kühlung* ‘1) охлаждение, 2) система охлаждения’, *mischen* ‘применять, использовать’ → *Mischung* ‘1) смешивание, смешение, перемешивание, 2) смесь’ и т.д.

Указанные выше производные лексемы, как правило, являются системными единицами, т.е. они зафиксированы в толковом словаре немецкого языка как самостоятельные единицы с соответствующими значениями. Данные «готовые» лексемы используются далее в образовании сложных слов. Так, это могут быть слова, образованные по модели «(1) существительное + (2) существительное («основа глагола, именующего действие, + суффикс *-er*»)), например: *Luftregler* ‘регулятор давления воздуха’, *Luftfänger* ‘воздухозаборник’, *Luftreiniger* ‘воздушный фильтр, воздухоочиститель’, *Luftverdichter* ‘воздушный компрессор’, *Luftverteiler* ‘воздухораспределитель’ и т.д. Специалист, профессиональная деятельность которого связана с автомобильной техникой и автосервисом, сможет на основе как контекста (устройство автомобиля), так и знания механизма образования слова при чтении текста «вывести» его значение, не обращаясь к переводному (специализированному) словарю, и подобрать соответствующий эквивалент на родном языке, например, *Luftnehmer* ‘воздухоприемник’. Студент первого

курса, возможно, не всегда сможет найти соответствующий термин на родном языке, но сможет понять значение таких слов: *Luftnehmer* – устройство, которое принимает воздух.

Имена прилагательные образуются, например, по следующим моделям. Модель «(1) основа глагола + (2) суффикс *-bar*» со значением ‘1) действие, названное глаголом, может быть выполнено, 2) что-то подходит для действия, названного глаголом’. Например, *programmierbare Roboter* ‘программируемые роботы’, т.е. роботы, которые могут быть запрограммированы, *anschließbare Geräte* ‘подключаемые приборы’, т.е. приборы, которые могут быть подключены и т.д.

Модель «(1) основа глагола/существительное + (2) полу-суффикс». Т.е. в данной модели в качестве второй части выступает лексическая единица, которая имеет двойной статус в языке – как самостоятельная единица с соответствующей семантикой и как морфема, т.е. словообразовательный элемент с соответствующим значением. При этом и в первом, и во втором случае это зафиксировано отдельным словарным словом в толковом словаре. Например, *fähig* ‘способный’ / *-fähig* ‘описываемое лицо/предмет может хорошо выполнять названное действие или подходит для определенной функции’ и лексемы *leistungsfähig*, *internetfähig* и т.д.; *hungrig* ‘голодный’ / *-hungrig* ‘описываемое лицо/предмет нуждается в чем-то’ и лексема *stromhungrig*. Знание механизма образования данных прилагательных позволит студенту самостоятельно семантизировать их: *ein leistungsfähiger Computer* (*Leistung* ‘производительность, мощность’ + *(s)* + *fähig*) ‘мощный компьютер’; *ein internetfähiges Handy* (*Internet* + *fähig*) ‘мобильный телефон с выходом в Интернет’; *ein stromhungriger Computer* (*Strom* ‘(электрический) ток’ + *hungrig*) ‘потребляющий много энергии компьютер’. Следует отметить, что лексема *leistungsfähig* зафиксирована в специализированном переводном словаре, а слов *internetfähig*, *stromhungrig* нет ни в специализированном, ни в переводном словаре по общей лексике, что в принципе лишает студента возможности «просто перевести слово с помощью словаря».

Таким образом, знание словообразовательных моделей немецкого языка и их значений, а также базовой лексики может стать эффективной стратегией самостоятельной семантизации незнакомых слов при чтении технического текста. В этой связи перспективным представляется систематизация наиболее продуктивных моделей образования слов по профилю образования студента (автосервис, строительство, IT-сфера и т.д.) и разработка практикумов на соответствующем лексическом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крупченко, А. К. Основы профессиональной лингводидактики : монография / А. К. Крупченко, А. Н. Кузнецов. – М. : АПК и ППРО, 2015. – 232 с.
2. Bohn, R. Probleme der Wortschatzarbeit / R. Bohn. – München : Goethe-Institut, 2003. – 192 S.
3. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bänden [Электронный ресурс]. – Elektronische Datei (576 Mb). – Mannheim : Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 электр. опт. диск (CD-ROM).

FILME IM DAF-UNTERRICHT

Der große Mehrwert des Medieneinsatzes Film im DaF-Unterricht liegt vor allem in der Verknüpfung eines bei Lernenden beliebten Medienformats (Film) mit einem landeskundlichen Hintergrund (Deutschland, Schweiz, Österreich) bzw. mit einem literarischen Hintergrund oder anderen inhaltlich prägenden Themen. Er verbindet somit klassischen Spracherwerb mit Themen, die die deutschsprachige Kultur betreffen und kann sich als Puzzleteil in der Germanistik als Kulturwissenschaft verstehen. Vor allem steht er für kommunikativen Fremdsprachenunterricht. Im osteuropäischen, postsowjetischen Lernkontext scheint der Film ein hervorragendes Medium im Bereich „Deutsch für Fortgeschrittene“ darzustellen, treffen doch hier hohes sprachliches Niveau auf der einen Seite und überhöhte Arbeitsbelastung der Lehrenden auf der anderen Seite auf die Anforderungen der Bildungsministerien, aktuell-gesellschaftliche Themen in die Curricula aufzunehmen. Das hohe sprachliche Niveau kann nicht mehr, zumindest nicht in Bezug auf aktuelle Themen, mit herkömmlichen Lehrbüchern und Texten gehalten und weiter erhöht werden, das Didaktisieren neuer Materialien nimmt einen hohen Zeitaufwand in Anspruch. Diese Zeit ist schlichtweg nicht vorhanden. Fehlt es an geeigneten authentischen Lehrmaterialien, kann das Medium Film leicht Abhilfe schaffen und einen wertvollen Beitrag hinsichtlich der Vielfalt an Aufgabentypen leisten. Vor diesem Hintergrund eignet sich die Einbindung des Mediums Film in den Fremdsprachenunterricht in jeder Hinsicht: zur Förderung der fachlichen Kompetenzen, der methodischen und der sozialen Kompetenzen.

Durch die guten bis sehr guten Sprachkenntnisse wird die Interpretation eines Films auf ein für den Fremdsprachenunterricht beachtenswertes Niveau gehoben; es erfreut somit nicht nur die Lernenden, ihr Wissen fern der mitunter realitätsfremden und leider auch wenig motivierenden Lehrbücher einbetten zu können, sondern vor allem die Lehrenden, die gern auch die Leistungen ihrer Lernenden in einem anderen Umfeld als dem Lehrbuch wahrnehmen wollen. Einer von vielen Vorteilen des Films liegt eindeutig in der Vielzahl an unterschiedlichen Interpretationsformen. Lernende können sich den Fragen nach dem „Was?“ (Inhalt, Handlung), dem „Wer?“ (Figuren), dem „Wie?“ (Dramaturgie, Filmanalyse) und dem „Wozu?“ (Botschaft, Interpretation des Films) widmen und dabei den literarischen Aspekt (Plot, Figuren, Themen, Raum- und Zeitdarstellung, Erzählweise), den dramatischen Aspekt (Rollenbesetzung, Mimik, Gestik, Körpersprache, Maske, Kostüme, Ausstattung des Schauplatzes, Requisiten) und den cineastischen Aspekt (Bild- und Tongestaltung) bearbeiten.

Hinsichtlich der Präsentation eines Films bieten sich mehrere Formen an. Entweder man schaut den gesamten Film im Unterricht an oder lässt die Lernenden den Film zuhause sehen, wobei erstere Möglichkeit die attraktivere scheint. Nicht nur Studierende geben sich gern der Gruppendynamik des Nicht-Verstehens hin; man fühlt sich weniger einsam und vor allem weniger dumm, wenn man bemerkt, das man nicht allein steht mit seinem potentiellen Mangel an Vokabularkenntnissen. Hier gilt: Geteiltes Leid ist halbes Leid. Eine weitere Form

ist, den Film in mehreren Teilen über mehrere Unterrichtsstunden verteilt anzuschauen. Der Vorteil liegt hier in der zeitnahen Besprechung der einzelnen Teile. Ist der zeitliche Rahmen der Unterrichtseinheit sehr eng gesteckt, kann man nur bestimmte, einzelne Teile zeigen und die fehlenden Inhalte zusammenfassen und mündlich darbieten (lassen). Großer Beliebtheit erfreut sich die Darbietung nur einer Sequenz des gesamten Films, das heißt, es wird nur eine Filmszene gezeigt und analysiert.

Das Besondere im Medieneinsatz Film liegt vor allem in den Sozialformen, derer man sich im Unterricht bedienen kann. Frontalunterricht eignet sich gerade dann, wenn es um Zusammenfassungen (siehe oben) geht, wenn man als Lehrkraft schon vier oder mehr Veranstaltungen unterrichtet hat und sich nicht mehr mit neuesten Lehrmethoden auseinandersetzen möchte. Gruppenarbeit, besonders dann, wenn die Gruppe heterogen ist, eignet sich besonders, um Stärken und Schwächen der Lernenden auszugleichen. Davon können gerade die Schüchternen und Zurückhaltenden profitieren, indem sie nämlich ihr Wissen durch den kleinen Schutzraum „Gruppe“ in die große Gemeinschaft des Seminarverbandes bei der späteren Auswertung der Gruppenarbeitsergebnisse einbringen können. Für die Stärkeren ist diese Form besonders in Bezug auf soziale Kompetenzen vielversprechend und fördernd. Partnerarbeit ist genauso einsetzbar wie Einzelarbeit. Vor dem Hintergrund, dass im Allgemeinen empfohlen wird, die Lernform alle 15 Minuten zu ändern, um Ermüdungserscheinungen zu verhindern, kann man zwischen diesen Arbeitsformen wechseln, je nachdem, ob es um Einzelleistungen geht, die bei der intensiven Bearbeitung eines Themas zu bevorzugen sind, oder um Partnerleistungen, bei denen die mündliche Leistung und die Repetition im Vordergrund steht. Besonderes Augenmerk soll hier jedoch der Arbeit an Stationen gelten. Diese Form eignet sich besonders gut für den Film, weil man unterschiedliche Übungstypologien in den unterschiedlichen Stationen unterbringen kann. Dabei können vor allem die anderen, zum Film gehörenden Medien Einsatz finden.

Der Film existiert in einem Medienverband, niemals alleinstehend. Zu diesem Verband gehören die literarische Vorlage, die Homepage des Films, die Filmmusik, Drehbuch, Filmplakate, Filmkritiken usw. Hier wird Sprache nicht nur in unterschiedlichen Formen zum Erwerb angeboten, vielmehr werden hier die unterschiedlichen Lerntypen angesprochen und deren Bedürfnisse berücksichtigt. So wird der auditive Typ sich besonders zum Thema Filmmusik hingezogen fühlen, der visuelle Typ zu in Schriftform vorhandenen Themen. Nicht nur der Lerntyp, sondern besonders die individuellen Interessen eines jeden Lernenden stehen im Fokus der Motivierung beim Spracherwerb. Der Medienverband Film bietet den Literaturliebhabern, den Grafikinteressierten, den musikalischen Talenten, den Computerfreaks, den journalistisch Veranlagten eine reiche Plattform an Auswahlmöglichkeiten hinsichtlich einer möglichen Schwerpunktarbeit. Denn konkrete Aufgaben- und Übungsformate bei der Filmarbeit können sein: die Bearbeitung eines Bildes ohne Ton bzw. des Tons ohne Bild, das Lösen von Film-Beobachtungsaufgaben, die Analyse des Filmplakats oder der Pressefotos, das Schreiben eines Filmtrailers oder einer Filmkritik, die Aufteilung des Films

in einzelne Kapitel und das Versehen mit Überschriften, die Auswertung einer Filmszene, das Arbeiten mit der literarischen Vorlage, das Verfassen eines Manuskripts, das Erstellen eines Drehbuchs, die Darstellung durch Pantomime, Standbilder, die Untertitelung oder die Synchronisation eines Films.

Welche sprachlichen Übungen setzt man wann ein? Grundsätzlich muss man sich als Lehrkraft darüber im Klaren sein, dass es sich bei der Übungstypologie in der Filmarbeit um eine klassische Dreiteilung handelt. Diese besteht in Aufgaben vor dem Sehen des Films, während des Sehens des Films und nach dem Sehen des Films. Welchen Weg und welche Aufgaben die Lehrkraft auswählt, hängt von den didaktischen Zielen und vom jeweiligen Film ab.

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Thaler, E. Filmdidaktik* / E. Thaler // Handbuch Fremdsprachendidaktik. – Seelze-Velber : Klett/Kallmeyer, 2010. – S. 142–146.
2. *Faulstich, W. Grundkurs Filmanalyse.* / W. Faulstich – München : Wilhelm Fink Verlag, 2002. – 240 S.
3. *Stiletto, S. Methoden der Filmarbeit.* / S. Stiletto – Bundeszentrale für politische Bildung und Vision Kino, 2012. – S. 28.
4. *Welke, T. (Hg.) Lust auf Film heißt Lust auf Lernen: der Einsatz des Mediums Film im Unterricht Deutsch als Fremdsprache.* / T. Welke, R. Faistauer – Wien : Praesens Verlag. – 242 S.
5. *Biechele, B. Sehen und Hören bringen Verstehen. Filmverstehen im Konzept der Fertigkeiten eines modernen Fremdsprachenunterrichts* / B. Biechele // Methodik und Didaktik für den Deutschunterricht (DaF). – Athena Verlag. – S.105–123.
6. *Chudak, S. Arbeit mit Spielfilmen im DaF-Unterricht als eine Möglichkeit der Förderung der interkulturellen Kompetenz auf der Fortgeschrittenenstufe* / S. Chudak // Deutsch als Fremdsprache integriert. – Universitätsverlag Göttingen (81). – S. 73–95.

А. В. Конышева (Минск, Беларусь)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ ДИАЛОГУ КУЛЬТУР

Язык как лингвокультурологический феномен впитывает в себя все богатство культуры, с одной стороны, а любая национальная культура непосредственно раскрывается в специфике функционирования конкретного языка, с другой стороны. Язык «выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [1, с. 28].

В исследования взаимосвязи языка и культуры существенный вклад был внесен в середине XX века, когда соотношение языка и культуры было раскрыто как чрезвычайно сложное и многоаспектное явление. В настоящее время здесь наметилось несколько подходов и точек зрения.

Первый подход разработан группой российских ученых, таких как С. А. Артановский, Г. А. Брутян, Е. И. Кукушкин, Э. С. Маркарян. Они считают, что взаимосвязь языка и культуры – это движение в одну сторону [2, с. 62], т.е. поскольку язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, то и язык – это простое отражение культуры.

На наш взгляд, культура не существует вне деятельности человека и социальных общностей. Именно человеческая деятельность породила, по словам М. С. Кагана, новую «сверхприродную» среду обитания – четвертую форму бытия – культуру. Культура – мир человеческой деятельности, преобразование человеком природы по законам общества. Еще М. Хайдеггер подчеркивал, что «человеческая деятельность понимается и организуется как культура. Культура теперь – реализация верховных ценностей путем культивирования высших человеческих достоинств. Из сущности культуры вытекает, что в качестве такого культивирования она начинает в свою очередь культивировать и себя, становясь таким образом культурной политикой» [3, с. 93].

По мнению В. И. Карасика, «язык и культура – важнейшие понятия гуманитарного знания. Социальная сущность языка заключается в том, что он существует, прежде всего, в языковом сознании – коллективном и индивидуальном. Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями культуры в языке» [4, с. 8]. Но если воздействие культуры на язык вполне очевидно, то вопрос об обратном воздействии языка на культуру остается пока открытым. Ученые XIX века (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня) понимали язык как духовную силу. По мнению В. фон Гумбольдта, дух, духовное начало, духовная сила – это чисто человеческий атрибут, или качество, отличающее его от всех других существ. Он подчеркивал, что язык «есть орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления. Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие» [5, с. 69]. Другими словами, язык, являясь средой человеческого бытия, не существует вне человека как объективная данность, он находится в нем самом, в его душе, памяти и сознании, меняя свои формы в мыслях и в высказываемых словах.

В рамках *второго подхода* сформировалась гипотеза лингвистической относительности, создателями которой стали американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф. В ее основе лежит убеждение, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Но если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинками мира». Б. Уорф полагал, что язык – не средство выражения, не «упаковка мыслей», а скорее, форма, определяющая образ наших мыслей». Мы можем по-разному видеть и воспринимать мир, но именно язык определяет способ нашего видения и восприятия окружающего мира. Уорф писал: «Было установлено, что основа языковой системы любого языка не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой и

руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и синтеза. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [6, с. 174–175].

Гипотеза Сепира-Уорфа базируется на следующих положениях:

- а) язык обуславливает способ мышления говорящего на нем народа;
- б) способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты.

Отметим, что ряд ученых (Д. Додд, Б. А. Серебренников, Р. М. Уайт и др.) резко критикуют гипотезу лингвистической относительности. Так, например, Б. А. Серебренников в качестве контраргументов привел следующие положения: 1) источником понятий являются предметы и явления окружающего мира. Любой язык в своем генезисе – результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир; 2) язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру; 3) неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период первичной номинации. Оно объясняется неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох [7, с. 157].

Не останавливаясь подробно на всех аргументах сторонников и противников данной гипотезы, заметим, что даже ее приверженцы не принимают наиболее радикальные ее положения, а оспаривающие ее ученые не отрицают тесную взаимосвязь языка и культуры. Справедливо будет отметить, что, с одной стороны, язык детерминирует культурную реальность, принадлежащие к разным культурам люди обладают собственными коммуникативными системами; а с другой – культурные ценности и верования отчасти создают языковую реальность, что свидетельствует об обратном воздействии языка на культуру.

Гипотеза лингвистической относительности дала толчок многочисленным исследованиям в XX веке проблематики взаимосвязи языка, мышления, культуры, что способствовало появлению *третьего подхода*, в основе которого лежат следующие утверждения о том, что: 1) язык является составной наследуемой от предков частью культуры; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее явление культуры, поскольку понимание сущности культуры возможно только через рассмотрение явлений этой культуры как кодов, формируемых подобно языку, и естественный язык имеет лучше всего разработанную модель такого рода кодов. Эту мысль мы можем подтвердить словами С. Г. Тер-Минасовой: «Язык – зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [8, с. 14].

Мы разделяем мнение приверженцев данного подхода и указываем на то, что концептуальное осмысление культуры происходит только посредством естественного языка. Язык является составной частью культуры и ее орудием, действительностью нашего духа, ликом культуры; он способен выражать специфические черты национальной ментальности. Культура живет и развивается в «языковой оболочке». Язык обслуживает культуру, но не определяет ее. Он является коммуникативным средством, при помощи которого человек получает сведения о культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лихачев, Д. С.* Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев. – СПб. : Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ, 1996. – 159 с.
2. *Садохин, А. П.* Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие для вузов / А. П. Садохин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
3. *Хайдеггер, М.* Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – С. 93–119.
4. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 477 с.
5. *Звегинцев, В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев. – М., 1960. – Ч. 1. – 466 с.
6. *Уорф, Б. Л.* Наука и языкознание / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 169–182.
7. *Серебренников, Б. А.* О материалистическом подходе к явлениям языка / Б. А. Серебренников. – М., 1983. – 320 с.
8. *Тер-Минасова, С. Г.* Языки и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 262 с.

Н. Е. Лаптева (Минск, Беларусь)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

Повышение эффективности процесса обучения иностранным языкам справедливо связывают с совершенствованием целеполагания, с технологизацией данного процесса, с созданием условий для активной учебно-познавательной и коммуникативной деятельности учащегося и др. Представляется в этой связи важным обратить внимание на возможность более продуктивного использования опыта обучающегося, полученного им на родном языке. Иными словами, поиск универсального в содержании обучения на родном и иностранном языке и определение целесообразности трансфера могут стать еще одним из возможных путей повышения эффективности обучения иностранным языкам.

Взаимодействию родного и иностранного языков всегда уделялось достаточно много внимания, поскольку это объективное условие, которое может способствовать интенсификации и оптимизации процесса усвоения в случаях возможного переноса, с одной стороны, и затруднять процесс

овладения при интерферирующем влиянии коррелирующих языковых систем, с другой стороны. Достаточно глубоко изучены данные вопросы на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях. Многие исследователи уделяли внимание выявлению специфических особенностей при оформлении письменной и устной речи. Результаты данного рода исследований нашли реализацию в разработке соответствующих методических типологий, которые содействуют эффективности обучения иноязычному общению. Наблюдения показывают, что наиболее успешно происходит развитие у обучающихся коммуникативной компетенции в сферах повседневного иноязычного общения. Однако овладение иностранным языком в целях его дальнейшего использования для получения образования и последующей профессиональной деятельности требует развития специальных компетенций, которые должны составлять базис для осуществления соответствующей речевой деятельности. Речь в этой связи, прежде всего, идет об овладении стратегиями, которые должны обеспечивать успешность, в частности, работы над текстом, содержание которого не обуславливается конкретной ситуацией общения. Рассматриваемые стратегии чтения соотносятся с глубинными стратегиями (Tiefstategien) в классификации Ф. Крейка и Р. Локхарта. (1972), с когнитивными стратегиями в классификации Wild&Schiefele (1994, 2000). В качестве примеров данных стратегий можно привести повторение, группировку, дедукцию, конспектирование, выделение и запоминание ключевых слов и т.п.

По мнению ряда ученых и исследователей, опыт обучающихся, полученный на родном языке, может содействовать успешному овладению деятельностью чтения на изучаемом иностранном языке, т.е. возможен перенос опыта применения стратегий чтения на родном языке в иностранный.

Одной из отправных точек высказанной гипотезы относительно трансфера когнитивных стратегий чтения было размышление о степени сходства компетенций, развиваемых на родном и иностранном языке. Поскольку речевое и неречевое поведение в ходе повседневного общения существенно детерминируются спецификой лингвокультурного сообщества, следовательно, требуется целенаправленная работа по выявлению и усвоению этой специфики для предупреждения возможных коммуникативных неудач. Иными словами, мы скорее можем говорить о развитии соответствующих компетенций (языковой, речевой и социокультурной), нежели об их переносе.

Когнитивные стратегии чтения, лежащие в основе понимания и осмысления текста, являются универсальными и не обуславливаются особенностями языковых систем либо характером мыслительной деятельности представителей различных культур. Общность системы знаний о порядке совершения определенных действий для достижения поставленной цели при чтении, идентичность умений действовать определенным образом, неязыковой характер деятельности дают основание предположить возможность трансфера владения стратегиями в родном языке при чтении текстов на иностранном языке. Иными словами, думается, что стратегиями достаточно единожды овладеть, чтобы в дальнейшем успешно применять.

Существует мнение, что положительный эффект такого рода трансфера возможен при достижении определенного уровня владения как родным, так и иностранным языком. Со всей очевидностью для осуществления

переноса обучающийся должен в родном языке овладеть достаточным арсеналом стратегий для успешного осуществления деятельности чтения, предполагающего понимание и осмысление прочитанного, извлечение и фиксацию информации с целью ее дальнейшего использования. Учитывая тот факт, что изучение родного языка происходит в преимущественном большинстве случаев со значительным опережением изучения иностранного языка, закономерно предположение, что у учащихся к моменту возникновения потребностей в стратегиях чтения текстов на иностранном языке, таковые уже сформированы на базе родного языка.

Вместе с тем результаты мониторинга читательской грамотности учащихся учреждений общего среднего образования в 2014/2015 учебном году показали, что в среднем 15 % пятиклассников и 35 % восьмиклассников испытывают затруднения при выполнении заданий, в которых требуется найти информацию, заданную в явном виде; значительная часть пятиклассников (в среднем 60 %) и восьмиклассников (в среднем 70 %) не справляются с заданиями, в которых требуется интегрировать и интерпретировать информацию, анализировать и оценивать содержание текста. Приведенные причины выявленных затруднений при чтении текстов на русском и белорусском языках позволяют говорить о недостаточном уровне развития у учащихся когнитивных стратегий чтения. Так, в качестве основных причин были названы: отсутствие умения внимательно (вдумчиво) читать предложенный текст и условия заданий к нему; постоянное обращение к тексту в поисках ответа на заданный вопрос (как следствие, учащиеся смешивают информацию, заданную в тексте, и информацию, которой они владеют на основе своего жизненного опыта); установление причинно-следственных связей между единицами информации в тексте, выдвижение умозаключений на основе текста; высказывание своих оценочных суждений и аргументирование точки зрения о прочитанном тексте. Таким образом, в сложившейся ситуации не представляется возможным говорить о переносе когнитивных стратегий. В данных условиях возникает потребность совершенствования процесса обучения стратегиям чтения на родном языке, с одной стороны, и целенаправленное обучение данным стратегиям на уроках/занятиях по иностранному языку, с другой стороны.

Е. Н. Назаренко (Донецк, Украина)

**ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР
В ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЯХ СТУДЕНТОВ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЖУРНАЛИСТИКА»
(на примере немецкого языка)**

Владение иностранным языком является одним из главных требований в подготовке конкурентоспособного специалиста, готового к работе в современных условиях рынка труда. Достижение поставленной цели предполагает как знание иностранного языка, позволяющего осуществлять международное

сотрудничество между специалистами, так и компетентность в сфере межличностных контактов представителей различных языков и культур, знания об особенностях их поведения в различных коммуникативных ситуациях, а также обладание высоким уровнем владения межкультурной компетенцией, который позволяет эффективно участвовать в межкультурной коммуникации [1, с. 25].

Согласно последним исследованиям в области педагогики и психологии [2, с. 87], а также в области высшего профессионального образования [3, с. 65–67] в настоящее время приоритетной целью в подготовке студентов как будущих высококвалифицированных специалистов в разных сферах жизни должно стать формирование их креативного потенциала, мобилизация творческого состояния и высокой индивидуальной активности.

Как известно, условием успешной карьеры в будущем для тех, кто овладевает профессией журналиста, является творческий подход к этому роду деятельности, а одной из главных задач педагога будет помощь студенту специальности «Журналистика» в реализации себя как творческой личности.

На занятиях по иностранному языку креативный взгляд на материал имеет особое значение, так как овладение неродным языком – само по себе эвристичное занятие. Под эвристичностью понимается такой дар природы, в котором соединены интуиция, жажда находить новые пути, метафоричность мышления и богатое воображение. Это – способ решения задачи, использующий не столько логический, сколько творческий и даже интуитивный подход [4, с. 35].

Особенностью журналистской деятельности является быстро меняющееся медийное пространство. Из-за экспансивного развития информационных коммуникативных технологий оно становится единым. В нем действуют новые правила для международного информационного обмена, и журналист – это тот, кто обязан быть в курсе событий и использовать источники не только на родном, но и на иностранном языке для полноты картины происходящего. Поэтому языковой барьер может затруднить получение информации, что очень негативно скажется на продуктивности и эффективности такого специалиста и искажении реальных фактов. В соответствии с этими изменениями журналисту необходимы знания иностранного языка для решения профессиональных задач [5, с. 444].

Профессионально-ориентированные тексты для индивидуальных творческих заданий вызывают у студентов-журналистов живой интерес, так как они видят перспективу дальнейшего использования полученных знаний в своей профессиональной деятельности. В связи с активизацией процесса мировой интеграции специалист в настоящее время имеет большие возможности для повышения своего профессионального уровня. Предполагается, что он должен быть в курсе новых тенденций, связанных со своей профессией. Это подразумевает изучение иностранной прессы и научной литературы, участие в международных семинарах, конференциях, выезд на стажировку за границу и установление деловых контактов. Для этого необходимо владеть иностранным языком специальности, особенно таким его аспектом, как устной речью.

Особое внимание при обучении устной речи необходимо уделить изучению речевых клише, выражающих оценочные суждения, которые дают возможность студенту выразить собственное мнение и отношение по поводу прочитанной информации, аргументировать свое высказывание. При использовании заданий с творческим компонентом во время индивидуальной подготовки студенты-журналисты овладевают интеллектуальными, коммуникативными умениями, которые постепенно формируют профессиональную компетенцию будущего журналиста [6, с. 48].

При отборе таких заданий следует гармонично сочетать содержательный и деятельностный компоненты на основе ведущих принципов, которые были определены в работах отечественных и зарубежных ученых [7; 8; 9]:

1) принцип контекстно-обусловленного отбора материала (с учетом профессиональной и социально значимой направленности курса);

2) принцип лингвистической адекватности (с учетом уровня сформированности лингвистической компетенции);

3) принцип включенности обучаемых с учетом интересов обучаемых;

4) принцип межкультурной насыщенности с учетом межкультурной составляющей дидактического ресурса;

5) принцип межсубъектного равенства;

6) принцип рефлексивности (возможность обучаемых определять самостоятельно свои достижения).

Усвоению новых знаний, формированию навыков и умений поведения в инокультурной среде в значительной мере способствуют практико-ориентированные задания, нацеленные на формирование интеллектуальной гибкости и толерантности по отношению к иноязычной культуре и ее носителям. Такие задания провоцируют эмоциональную реакцию студентов и вызывают у них особый интерес. Для продуктивного осуществления межкультурного общения обучающиеся должны обладать способностью управлять своими эмоциями, уметь выражать собственные чувства приемлемым образом.

Особенно важно развитие у обучающихся восприимчивости к иной культуре, способности к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах. Такое познание помогает воспитать не только национальную терпимость, но и понимание другого народа через его культуру.

Поскольку творчество органически присуще журналистам, то их творческие способности – это не только особый талант, но и определенный уровень мастерства, который выражается в оригинальном, нестандартном, творческом стиле деятельности. Иностранный язык в данном случае выступает средством повышения профессиональной компетентности и личностно-профессионального развития студентов и является необходимым условием успешной профессиональной деятельности специалиста – выпускника современной высшей школы. Формирование творческого компонента может быть эффективным при обучении иностранному языку, способствующему развитию творческих способностей [1, с. 446].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Донец, П. Н.* Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики / П. Н. Донец. – Харьков : Штрих, 2001. – С. 17–28.
2. *Иншаков, О. В.* Векторы повышения креативного потенциала человеческого капитала в сфере высшего образования / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов // Вестн. ВолГУ, 2003. – № 6. – С. 64–72.
3. *Кашина, Е. Г.* Театральные технологии подготовки учителя иностранного языка / Е. Г. Кашина. – Самара, 2003. – 34 с.
4. *Пушкин, В. Н.* Эвристика – наука о творческом мышлении. / В. Н. Пушкин. – М. : Политиздат, 1967. – 272 с.
5. *Агрикова, Е. В.* Творческий компонент коммуникативной деятельности на изучаемом иностранном языке в обучении студентов – будущих журналистов / Е. В. Агрикова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 12. – С. 444–446.
6. *Балабас, Н. Н.* Профессионально-ориентированное обучение устной речи на неязыковых факультетах. / Н. Н. Балабас // Современные тенденции в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации. – Электросталь: Новый гуманитарный институт, 2011. – 304 с.
7. *Бордовская, Н. В.* Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методика проектирования: учеб. пособие / Н. В. Бордовская. – Санкт-Петербург: Книжный дом, 2007. – 407 с.
8. *Запесоцкий, А. С.* Проблемы деятельности институтов социализации в современной России / А. С. Запесоцкий // Педагогика. – № 9. – 2011. – С. 3–15.
9. *Игнатьева, В. Л.* Теоретические основания организации системы психолого-педагогической поддержки студентов в вузе / В. Л. Игнатьева // Вестн. МГЛУ. Психологические науки. – 2011. – № 7 (613): Психологические закономерности формирования познавательной деятельности. – С. 121–126.

Е. И. Романовская (Минск, Беларусь)

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Фразеологизмы относятся к фоновым знаниям говорящих. Фоновые знания сопутствуют речевому общению, они необходимы для того, чтобы коммуникация была успешной.

При обучении иностранному языку в иноязычной аудитории целесообразно уделять внимание культурной семантике фразеологизмов, потому что фразеологические единицы (ФЕ) содержат в себе культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы. Изучая фразеологию, мы исследуем культуру народа, его взгляд на мир. «Система образов, закрепленных во фразео-

логическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [1, с. 215].

Культурная семантика проявляется в плане выражения (название специфических реалий, этнонимы, архаизмы) и в плане содержания (образное основание, то есть культурная коннотация) (В. А. Маслова, В. Н. Телия).

Культурные коннотации можно выявить, если понимать ФЕ как «генетически свободные словосочетания» [2]. В настоящее время в понятие коннотативности вкладывается разное содержание. Вслед за В. Н. Телия мы понимаем коннотацию как макрокомпонент семантики слов и устойчивых сочетаний. Сюда входят оценочный, ассоциативно-образный, эмотивный и функционально-стилистический компоненты [1].

В нашей статье анализировались ФЕ, которые в своей семантике содержат глаголы движения: *идти, ходить, войти, выходить*.

В толковом словаре русского языка лексема *идти* дается как многозначное слово, имеющее 26 значений. Одно из значений глагола *идти*, обозначающее перемещение в пространстве, выражается лексемой *двигаться, перемещаться* [3, с. 212].

Среди ФЕ, содержащих лексему *идти*, можно выделить группу, указывающую на перемещение в пространстве: *идти в гору*. Согласно древним представлениям *гора* символизирует всемирное дерево [4, с. 114]. Таким образом, гора ассоциируется с верхом, подъемом, поэтому ФЕ *идти в гору* связана с восхождением вверх. ФЕ *идти ко дну* соотносится со спуском вниз. Дно связано с водой. В славянской мифологии вода символизирует хаос, в воде живет нечистая сила – черт, который приносит несчастье человеку [4, с. 57]. Таким образом, если верх символизирует успех, удачу, то низ – неудачу, потери.

Перемещаться в пространстве можно по дороге: *идти прямой дорогой, идти кривой дорогой*. Дорога выступает как связующее звено между этим и тем миром [1, с. 133]. В данных ФЕ проявлена связь с оппозицией *прямой – кривой*. Прямая дорога символизирует все правильное, хорошее, кривая – неправильное, все то, что является отклонением от нормы. *Идти можно по наклонной плоскости*, что связано со стремительным спуском вниз.

Перемещаться в пространстве можно с какой-либо целью, куда-нибудь. Например, *идти на поводу*. В данном случае необходим комментарий. Повода – ремень узды, которым правят лошадей [3, с. 467]. Данная ФЕ *идти на поводу* означает ‘зависеть от чего-либо’ [5, с. 174]. Похожая семантика у ФЕ *идти на удочку*. Удочка – рыболовная снасть, к которой прикреплен леска с крючком. Она предназначена для ловли рыбы. На леску удочки крепится приманка. [3, с. 735]. Рыбу ловят удочкой, т.е. удочка выступает как предмет, который ставит в зависимое положение и позволяет обмануть других.

Идти можно без результата. Например, *идти насмарку*. *Насмарку* образовано от слов *мор, морить*, что связано со смертью, эпидемией, уничтожением [3, с. 319]. Данная ФЕ означает отсутствие результата. Похожая

семантика у фразеологизма *идти прахом*. Он – то, что осталось от умершего человека [3, с. 512]. Прах связан со смертью, смерть – разрушение. Поэтому семантика ФЕ *идти прахом* означает ‘гибель, разрушение’ [5, с. 175].

Фразеологизмы содержат в себе эталон – сущность, которая измеряет свойства и качества предметов, явлений, объектов [6, с. 44]. Причем, свойства эти являются носителями как положительной, так и отрицательной коннотации. Например, выражения *ходить как пан*, *ходить как хозяин* указывают на социальную принадлежность людей, род их деятельности [7, с. 723]. Поскольку пан – это человек, который красиво и нарядно одет, поэтому он ходит уверенно. У хозяина есть свой дом, участок земли, его походка свидетельствует о независимом положении. Следовательно, ФЕ *ходить как пан*, *ходить как хозяин* являются положительной характеристикой человека.

Кроме того, на человека переносятся качества животных и птиц: *ходить как зверь*, *ходить как корова*, *ходить как журавль*, *ходить гусем*, *ходить как белая лебедь* [7]. Семантику ФЕ *ходить как зверь* можно объяснить тем, что зверь – это дикое, хищное животное [3, с. 204], т.е. человек становится таким же агрессивным, жестоким, кровожадным, как зверь. Такое поведение является отклонением от нормы.

Выражение *ходить как корова* тоже отклонение от нормы – ‘идти некрасиво, вперевалку’ [7, с. 292]. ФЕ *ходить как журавль*, *ходить гусем* – ‘идти важно, горделиво, неторопливо’ [7, с. 203]. Эталоном красоты выступает ФЕ *ходить как белая лебедь*. Лебедь считается символом верности, красоты, чистоты, святости [4, с. 281]. Образ лебедя широко используется в сказках и мифах славян.

Обратимся к ФЕ, содержащим лексему *выйти*. *Выходить* можно куда: *на дорогу* приобретает значение ‘находить свое место в жизни’, *выходить в люди* – ‘добиваться высокого положения в жизни’ [5, с. 95]. *Выходить* можно *из колеи*. Колея – канавка, углубление от колес на дороге [3, с. 251]. ФЕ *выходить из колеи* – ‘сворачивать с дороги, менять привычный ход дел’ [5, с. 95]. Дорога – символ жизненного пути человека, свернуть с дороги – отклониться от правильного пути. Похожую семантику содержит ФЕ *выходить из строя*. Строй – порядок, определенное расположение [3, с. 689]. *Выходить из строя* – нарушать принятый порядок, то есть перестать работать, а если говорить о человеке – это терять способность к работе.

Поступки и действия человека могут иметь благоприятный или неблагоприятный исход. При неблагоприятном исходе человеку какой-либо поступок *выходит боком*. Бок – правая или левая часть туловища человека [3, с. 51]. ФЕ *выйти боком* – ‘неудачно, не так, как хотелось’ [5]. Однако события могут сложиться иным образом, можно *выйти сухим из воды*. Вода связана с дихотомией *мокрый – сухой*. Из воды человек выходит мокрый, однако *выйти сухим из воды* означает ‘избежать наказания’ [5, с. 95].

Глагол *войти* тоже связан с движением. Это движение направлено вовнутрь чего-либо: *войти в голову*, *войти в сердце*, *войти в душу* [5]. Можно *войти в голову человека* ‘появиться, возникнуть в голове’. Голова – символизирует небо, прослеживается связь с верхом. Голова является местом, где сосредоточена жизненная энергия человека [4, с. 112]. Если голова выступает

источником интеллектуальной деятельности человека, то сердце и душа связаны с духовной и эмоциональной энергией. Это сакральные центры человека. ФЕ *войти в сердце, войти в душу* имеют значение 'глубоко затрагивать, волновать' [5, с. 73]. Если мы говорим *войти в голову, в сердце, в душу*, это значит занять определенную часть мыслей, эмоций, чувств человека.

Таким образом, фразеологизмы с компонентом глаголов движения хранят в себе культурную семантику, проявляющуюся в плане содержания ФЕ, и обладают положительной и отрицательной коннотацией. При обучении русскому языку как иностранному преподавателю необходимо знакомить иностранных студентов с культурной семантикой русской фразеологии, что позволяет расширять фоновые знания, необходимые для вариативности поведения, включать культурные сведения в ситуацию общения. Это дает возможность для сравнения социокультурного фона и коммуникативного стиля поведения в родной и иноязычной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия, В. Н. Культурно-языковая специфика единиц фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 215–256.
2. Степанов, Ю. С. Непредельные (недискретные) единицы лексики. Фразеология / Ю. С. Степанов // Основы общего языкознания : учеб. пособие / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1975. – С. 53–62.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1983. – 816 с.
4. Беларуская міфалогія: энцыкл. слоўнік / С. Санько і інш. ; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова; под ред. А. И. Молоткова. – 7-е изд., стереотип. – М. : Астрель, 2006. – 524 с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Издат. центр «Академия», 2004. – 208 с.
7. Большой словарь русских сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Медиа Групп, 2008. – 800 с.

Б. В. Тарев (Москва, Россия)

НОВЫЕ ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ ДИАЛОГУ КУЛЬТУР

Обучение в контексте подготовки к диалогу культур – один из наиболее востребованных вопросов для исследователей в области теории и методики обучения иностранным языкам. На сегодня теоретический аспект проблемы в целом изучен. Создана общая концепция межкультурного образования, в рамках которой сформулирована цель, отобрано содержание, сформулированы основные принципы обучения. Что касается принятия прак-

тических решений, то данный аспект требует постоянного и пристального внимания, поскольку традиционные технологии оказываются неэффективными и недейственными в условиях обучения межкультурной коммуникации.

Сегодня большое внимание ученых, исследователей системы высшего образования привлекает практико-ориентированный подход (*Practice-based education*) [1]. Возникший интерес объясняется тем, что данный подход согласуется с современными требованиями к выпускнику вуза, компетентному в профессиональной области, способному действовать в реальных условиях межкультурной коммуникации в сфере трудовой деятельности, готовому к практической реализации полученных знаний, умений, приобретенных способностей сразу после окончания высшей школы. Особое значение практической подготовке придается в системе *иноязычного профессионально ориентированного образования*, в рамках которого приоритетом на сегодня является создание условий для максимального использования осваиваемого языка в реальных условиях межкультурного общения – в практике межкультурной коммуникации.

Практико-ориентированный подход отвечает требованиям социального заказа. Можно выделить следующие аспекты социальной значимости образовательных практик:

- педагогический;
- целевой;
- контекстный;
- рефлексивный;
- аспект социализации;
- аспект социальной вовлеченности;
- аспект аутентичности и релевантности;
- нормативный (соответствие стандартам, ценностям и этическим нормам).

В структуре практико-ориентированного подхода ключевыми являются следующие *стратегические образовательные практики*:

- 1) обучение на рабочем месте при помощи инструктора;
- 2) самостоятельное обучение и постижение опыта на рабочем месте;
- 3) обучение в условиях симуляции рабочего места;
- 4) моделированное практико ориентированное обучение;
- 5) дистанционное и гибкое практико-ориентированное обучение;
- 6) взаимное обучение;
- 7) самостоятельное обучение;
- 8) смешанное обучение.

Тактические образовательные практики представляют собой широкий набор эффективных инструментов и ситуаций, которыми может воспользоваться преподаватель для совершенствования образовательного процесса. Ниже приводятся примеры, обобщающие наиболее интересные практики, оптимизирующий потенциал которых весьма ощутим.

Практики для смешанного межкультурного онлайн-обучения: регулярный и частый онлайн-контакт со студентами из разных стран, ежедневный просмотр и участие с комментариями в международных форумах, эффективная обратная связь, помощь студентам, осваивающим межкультурную компетенцию в онлайн-режиме.

Практики занятий по деловому иностранному языку: групповая дискуссия на темы межкультурного взаимодействия в рамках приема «дебаты», обмен личным опытом решения межкультурных конфликтов, установления межкультурных контактов, индивидуальная самостоятельная работа по изучению кейсов межкультурного содержания с последующим обсуждением принятого решения, проведение тестирования с самоконтролем успешности решения межкультурно заостренных проблем, обсуждение на материале видео, ролевая игра.

Практики для организации контроля: отсутствие прямой похвалы, отсутствие сопоставления «студент – студент», выявление успешности в пределах саморазвития студента, самооценка межкультурной компетенции «вслух».

Имплементация данных практик на практических занятиях приводит к совершенствованию образовательного процесса и отражается на повышении качества подготовки будущих выпускников, специализирующихся в международной сфере деятельности. Данное улучшение отслеживается в процессе работы со студентами по следующим показателям успешной практики, которая:

- способствует взаимодействию между преподавателем и студентом, студентом и студентом, российским студентом и его зарубежными сверстниками;
- подключает активные технологии обучения;
- обеспечивает обратную связь;
- учит управлять временем;
- ставит высокие цели;
- предполагает диверсификацию использования таланта, опыта и способности к обучению [2].

Полный список практик, способствующих формированию межкультурной компетенции студентов, вряд ли может быть сформирован. Каждый преподаватель способен внести свой вклад в развитие практико-ориентированного подхода в его применении к обучению межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Higgs, J. Realising Exemplary Practice-Based Education* / J. Higgs, D. Sheehan, J. B. Currens, W. Letts, G. M. Jensen. – Rotterdam, Boston, Taipei, 2013. – 316 p.
2. *Arendale, D. What is a Best Education Practice?* / D. Arendale. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.besteducationpractices.org/what-is-a-best-practice>. – Дата доступа : 23.04.2015.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Современная научная парадигма характеризуется взаимопроникновением различных областей знания, и фразеологические исследования проводятся на пересечении с такими гуманитарными дисциплинами, как прагматика, стилистика, лингводидактика и др. Фразеология как междисциплинарный феномен изучается сравнительно недавно, и именно поэтому особую актуальность приобретает изучение фразеологизмов с точки зрения прагматики и лингводидактики или прагматически ориентированной фразеодидактики.

В основу современных дидактических разработок по фразеологии заложен принцип трехэтапного изучения фразеологизмов, сформулированного П. Кюном: 1) распознавание фразеологизмов в тексте, 2) расшифровка значения фразеологизма, 3) использование устойчивого выражения в речи [1, с. 178]. Первый этап подразумевает наличие определенных знаний о типичных структурно-семантических особенностях фразеологизма. На втором этапе существенную помощь может оказать такое свойство фразеологизма, как образность и его контекстуальное окружение. На третьем этапе происходит переход от рецептивного усвоения к продуктивному моменту, важным условием которого является выбор хорошо знакомых ситуаций, что в свою очередь обеспечит успешное употребление изучаемых фразеологизмов в контексте.

Понятие *экономический немецкий язык* не получило до сих пор в лингводидактике однозначной дефиниции. Однако большинство исследователей экономической профессиональной коммуникации придерживаются мнения, что *экономический немецкий язык* включает четыре стиля экономической коммуникации: 1) научная экономическая коммуникация (коммуникация между преподавателями, студентами, доклады, публикации в научных журналах и т.д.); 2) письменные (служебно-официальные) виды деловых отношений (договоры, деловые письма, факсы и т.д.); 3) устные виды деловых отношений (телефонные разговоры, переговоры и т.д.); 4) публицистическая коммуникация (тексты прессы и публицистики).

Публицистическая коммуникация или средства массовой информации и пропаганды являются важнейшим орудием формирования и отражения общественного мнения, мировоззрения. В плане содержания и выражения средства массовой информации и пропаганды являются сферой проявления публицистического стиля во всем многообразии его лексических, грамматических, стилистических и фразеологических ресурсов.

Классификации фразеологизмов имеют большое значение, поскольку помогают наметить возможные сферы использования фразеологизмов. В данной работе мы прибегли к классификации Х. Бургера, где используется

критерий функции знака, который имеют фразеологизмы в коммуникации. Согласно данной классификации фразеологический корпус языка можно разделить на три основных класса:

1) референциальные (фразеологизмы, связанные с каким-либо референтом, включая ситуацию: *schwarzes Brett, Morgenstunde hat Gold im Munde*);

2) структурные (*in Bezug auf, sowohl, als auch*), являющиеся носителями грамматического значения;

3) коммуникативные фразеологизмы или рутинные формулы, типичные для определенной ситуации общения (*guten Abend*) или выполняющие метатекстовые функции (*ich meine*) [2, с. 36].

Особый интерес для исследования представляет самая многочисленная группа – референциальные фразеологизмы, которые подразделяются на пропозициональные (предложения, например, пословицы, поговорки) или номинативные – словосочетания, которые в свою очередь подразделяются синтаксически на субстантивные, вербальные, адъективные и адverbialные. Референциальные фразеологизмы характеризуют различные ситуации, характеры, явления жизненной действительности. Частотность их использования зависит от текстов различных жанров, но наибольшую частотность они демонстрируют в публицистических текстах.

Среди референциальных фразеологизмов экономической сферы по материалам онлайн-версии экономической газеты «*Das Handelsblatt*» можно выделить четыре основные тематические группы:

1) биржевой рынок: *an die Börse bringen (führen), gesunkener Dollarkurs, Kurse bieten*;

2) бизнес и торговля: *an einem Geschäft teilnehmen, freier Handel*;

3) экономическая политика: *stabile Währung, internationaler Wettbewerb, das politische Klima, unter Bundesaufsicht stehen*;

4) кредитно-денежная политика и финансы: *schwacher Dollar, langfristige Investitionen, fester Zinssatz, laufendes Konto, Kredit aufnehmen, private Anleger, keinen Pfennig bekommen, in den gemeinsamen Topf fließen, in die eigene Tasche wirtschaften*.

Фразеологизмы как универсальные единицы языка и речи встречаются и в повседневной коммуникации, и в публицистических текстах. Кроме того, фразеологизмы являются важными элементами точного и одновременно экономичного создания текста. Так, одним из основных направлений современных фразеологических исследований стало изучение фразеологизмов в функционально-прагматическом аспекте, что предполагает определение функции фразеологизма в тексте.

Фразеологизмы находят самое широкое применение в текстах различных типов, особенно в публицистических, придавая речи особую эмоциональную насыщенность и выразительность. Они являются не только более экспрессивными семантическими средствами языка по сравнению с лексическими единицами, но и способны выполнять номинативную функцию, заполняя собой межъязыковые лакуны. Однако зачастую при изучении иностранного языка фразеологизмы становятся своего рода камнем преткновения в силу ряда определенных факторов. Фразеологические еди-

ницы являются сложными знаками косвенной номинации, и их изучение по стандартной схеме работы с лексическим материалом является нежелательным и неэффективным.

Публицистическому стилю присущи две основные функции – информационная и воздействующая. Взаимодействие этих двух функций и определяет употребление фразеологизма в публицистике. По сравнению с другими функциональными стилями (кроме художественного и разговорно-бытового), доля средств и способов достижения экспрессивности оказывается в публицистической речи в целом весьма высокой. Неслучайно характеристику публицистического стиля обычно ограничивают описанием специфически экспрессивных средств.

Однако роль фразеологизмов не ограничивается только информационной и воздействующей функциями. Фразеологизмы выполняют еще и дополнительные функции: делают письменную речь образно-выразительной; служат преимущественно для коннотативного (субъективного, оценочного, эмоционально-экспрессивного) обозначения предметов и понятий; обеспечивают терминологическую точность речи; осуществляют такую важную функцию, как диверсификация речи.

Кроме того, один и тот же фразеологизм может иметь несколько функций в зависимости от контекста или расположения в тексте: вначале, в качестве заголовка, или в конце текста статьи. Прежде всего, сентенции, максимы и поговорки обобщают что-то уже хорошо известное для читателя и создают необходимый прагматический эффект, на фоне которого можно развернуть аргумент в пользу новой информации.

Согласно главному постулату прагматики интерпретировать высказывание можно только исходя из контекста его употребления. С точки зрения прагматически ориентированной фразеодидактики фразеологический материал необходимо презентовать в соответствующем контексте или тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kühn, Peter*. Phraseodidaktik. Entwicklungen, Probleme und Überlegungen für den Muttersprachenunterricht und den Unterricht DaF / P. Kühn // Fremdsprachen Lehren und Lernen 21. – 1992. – S. 169 – 189.
2. *Burger, Harald*. Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen // H. Burger. – Berlin: Erich Schmidt, 1998. – 224 S.

Л. Г. Щербакова (Минск, Беларусь)

ТРУДНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПРОСОДИИ НЕМЕЦКОЙ РЕЧИ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ

Изучение иностранного языка сопряжено с возникновением ряда трудностей, среди которых одно из главных мест занимает преодоление влияния родного языка на изучаемый язык. Как справедливо отметил А. А. Реформатский, «для овладения чужим языком надо прежде всего преодолеть навыки своего языка, так как навыки своего языка – это сито, через которое

в искаженном виде воспринимаются факты чужого языка» [1, с. 27]. Вследствие этого процесса структуры родного языка пытаются оказать ассимилирующее воздействие на иноязычные структуры, вызывая в речи билингва те или иные отклонения от произносительной нормы иностранного языка. Также совершенно очевидно, что данные отклонения носят не хаотический, а закономерный и стабильный характер и, следовательно, могут быть изучены и систематизированы. Описание характерных произносительных ошибок, которые являются результатом интерферирующего влияния родного языка, будет способствовать их предупреждению и устранению.

Составной частью фонетической системы языка является интонация. Она образует систему своих компонентов (мелодика, ударение, паузация, темп, ритм, тембр), относительно автономных, но взаимосвязанных и взаимодействующих между собой.

Интонация является важным средством человеческого общения, так как от умения говорящего правильно интонационно оформить предложение зависит его правильное понимание. С. П. Антонов, характеризуя И. С. Тургенева как замечательного рассказчика, пишет: «В любой устной беседе и в монологе одним из средств передачи смысла и чувства служит интонация. Бывает даже, что не значение слова, а его интонация несет основную смысловую нагрузку. У прирожденного рассказчика иногда законы построения фразы подчиняются законам интонации» [2, с. 141].

В каждом языке объективно существуют определенные интонационные средства, установление особенностей и различительных признаков фонетических явлений родного и иностранного языка является непременным условием процесса обучения и успешного овладения иностранным языком. Целью нашего исследования является сопоставление просодических характеристик фразы в речи носителей немецкого языка и белорусов, изучающих немецкий язык как иностранный, а также выявление интерферирующего влияния родного языка в акцентно-ритмической и тональной подсистемах немецкого языка.

А. Акцентно-ритмическая подсистема немецкого языка

Наибольшие трудности при усвоении акцентно-ритмической подсистемы немецкого языка белорусскими обучающимися связаны с реализацией фразовых ударений (количество, акустические и воспринимаемые свойства, степень выделенности в зависимости от их позиции и выполняемой функции):

1) распределение фразовых ударений независимо от коммуникативной значимости слов, входящих в состав фразы, что проявляется в нарушении принципа «тема – рема» при распределении фразовых акцентов и в локализации главного ударения на последнем слове фразы;

2) увеличение количества фразовых ударений за счет выделения служебных слов, обусловленное влиянием белорусского языка;

3) наличие двух и более рядом стоящих ударных слогов, что является нарушением ритмической организации речи в немецком языке;

4) нагромождение безударных слогов (от 5 до 8), что приводит к монотонности речи и связано с нарушением тональной подсистемы немецкого языка;

5) недостаточная выделенность первого ударного слога фразы и чрезмерная выделенность главноударного слога фразы;

6) реализация главноударного слога фразы с максимальными значениями частоты основного тона и интенсивности;

7) наличие двух частотных максимумов и двух максимумов интенсивности в одной фразе, т.е. реализация ритмического ударения и главноударного слога фразы с одинаковыми значениями данных акустических признаков.

Б. Тональная подсистема немецкого языка

Основными отклонениями в речи неносителей немецкого языка являются направление движения тона в шкале, в ядерно-заядерной части фразы (каденции), а также уровень падения/подъема тона и глубина его падения, локализация тонального пика:

1) снижение частотности появления предшкалы, что связано с увеличением числа ударений в предъядерной части фразы, и повышение частотности появления шкалы в начале фразы;

2) понижение начального высотного уровня нисходящего тона в первом ударном слоге;

3) уменьшение высотных интервалов между предшкалой и шкалой, вызванное «монотонностью» белорусской речевой мелодии, отсутствие в ней резких высотных контрастов между ударными и безударными слогами;

4) увеличение частотности ровной и скользящей шкалы за счет уменьшения частотности постепенно нисходящей шкалы;

5) употребление восходяще-нисходящего тона или нисходящего тона с неполным падением вместо низкого падения тона в конце фразы;

6) локализация тонального пика в интерферентных вариантах фраз с нисходящим движением тона на главноударном слоге, как в белорусском языке;

7) реализация начальных синтагм в распространенных повествовательных фразах с ровным движением тона в соответствии с нормативными правилами немецкого языка, однако без учета степени смысловой завершенности частей фразы.

В результате сопоставительного анализа фразовых ударений было установлено, что воспринимаемые свойства и акустические признаки ударных слогов в немецкой речи белорусов не соответствуют в значительной степени произносительным нормам изучаемого иностранного языка. Овладение акцентно-ритмической подсистемой немецкого языка может быть эффективным при условии учета позиции функциональных типов ударений во фразе. Главноударный слог фразы, воспринимающийся как самый сильный, является наиболее отчетливо отмеченным и на акустическом уровне, однако не по максимальным значениям его акустических параметров как в интерферентных вариантах, а по отношениям контраста данного слога к последующему безударному. Чрезмерная выделенность главноударного слога фразы в речи белорусов обусловлена тем, что тональный и динамический пики приходятся в немецком языке на первый ударный слог, в белорусском языке – на ядерный слог [3, с. 62].

Сопоставление тональных контуров повествования в немецких эталонных и интерферентных реализациях показывает, что повествование дифференцировано у носителей языка и в немецкой речи белорусов по направлению движения тона в шкале: в эталонных вариантах наиболее частотной является нисходящая шкала, а в интерферентных вариантах как равновероятные отмечены ровная, нисходящая и скользящая шкалы. Это объясняется влиянием белорусского языка, где повествование характеризуется в основном ровным движением тона в шкале. Наиболее яркие различия в эталонных и интерферентных повествованиях выявлены в ядерно-заядерной части (каденции) фразы.

Для каденции немецкого эталонного повествования характерен в основном низкий нисходящий тон. В немецких повествованиях, реализованных белорусами, нижняя граница тона в конце фразы не достигает должной глубины падения. Очевидно, что данные различия обусловлены интерферирующим влиянием белорусского языка, так как ядерно-заядерная зона повествовательной фразы представлена в белорусском языке ровно нисходящим и восходяще-нисходящим вариантами тона с неполным падением.

Следовательно можно утверждать, что для успешного овладения акцентно-ритмической и тональной подсистемами немецкого языка необходимы речевые упражнения, учитывающие качественные характеристики выделенных слогов во фразе в зависимости от их позиции в акцентных единицах и выполняемой функции, а также особенности реализации движения тона во всех элементах фразы, уровень подъема/падения тона и глубину его падения в изучаемом иностранном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Реформатский, А. А.* О сопоставительном методе / А. А. Реформатский // Русский язык в национальной школе. – 1962. – № 5. – С. 23–33.
2. *Антонов, С. П.* Избранные произведения : в 2 т. / С. П. Антонов. – М. : Худож. лит., 1979. – Т. 2. – 428 с.
3. *Метлюк, А. А.* Взаимодействие просодических систем в речи билингва / А. А. Метлюк. – Минск : Выш. шк., 1986. – 111 с.

Д. И. Шилобрит (Бобруйск, Беларусь)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Инновация представляет собой комплекс взаимосвязанных процессов и является результатом концептуализации новой идеи, направленной на решение проблемы и далее – к практическому применению нового явления. В качестве педагогических инноваций в учебном процессе могут выступать:

содержание учебного материала, технические средства, педагогические технологии и т.д. К **инновационным технологиям обучения** В. Д. Симоненко относит: интерактивные технологии обучения, технологию проектного обучения и компьютерные технологии.

В интерактивных технологиях обучения дидактическая игра выступает важным педагогическим средством активизации процесса обучения. В ней обучаемый выполняет действия, аналогичные тем, которые могут иметь место в его деятельности. В результате происходит накопление, актуализация и трансформация знаний в умения и навыки, накопление опыта личности и ее развитие. Технология дидактической игры включает подготовку, проведение и анализ. Например, решение тех же педагогических задач и ситуаций можно находить в ходе выполнения игровых действий. Учащимся дается на занятии определенная педагогическая ситуация, они распределяют роли, обдумывают варианты решения ситуации, игровой сюжет, а затем представляют выбранное решение. Оценивая эффективность дидактических игр, можно отметить следующее: игра позволяет проводить контроль знаний обучаемых; в ходе игры у учащихся формируется собственное мнение, самостоятельность; отрабатывается умение принимать решение в реальных условиях; формируется умение работать в коллективе над решением общей задачи.

Технология проектного обучения – это гибкая модель организации учебного процесса, ориентированная на творческую самореализацию личности, обучаемой путем развития ее интеллектуальных, волевых качеств и творческих способностей в процессе создания учебного творческого проекта [1, с. 85–86].

Метод проектов предполагает самостоятельную работу учащихся. Чтобы эта работа была продуктивной, ее вовремя необходимо направить в нужное русло. Учитель должен так организовать учебное занятие, чтобы при самостоятельной работе над созданием проекта положительный результат был у всех учащихся. Учитель выступает в роли консультанта [2, с. 183].

Актуальным нововведением являются интерактивные доски как средство повышения интенсификации процесса обучения за счет интерактивности, наглядности и динамичности подачи материала.

Интерактивная доска – это сенсорный экран, работающий как часть системы, в которую также входят компьютер и мультимедийный проектор. Она одновременно работает и как обычный экран, и как устройство управления компьютером: с любой открытой в данный момент на компьютере программой вы можете работать прямо на интерактивной доске.

Использование интерактивной доски является эффективным средством вовлечения обучаемых в активный процесс познания на основе использования интерактивных способов обучения, что позволяет создать условия, способствующие формированию и развитию различных компетенций обучаемых. Они учатся успешно проявлять свою самостоятельность, сотрудничать друг с другом и взаимодействовать с преподавателем, развивают коммуникативные качества. В результате повышается их мотивация и активизируется познавательная деятельность [3, с. 95–96].

К современным технологиям относится и технология сотрудничества, основная идея которой заключается в создании условий для активной совместной деятельности учащихся в разных учебных ситуациях. Учащиеся объединяются в группы по 3 – 4 человека, им дается одно задание, при этом оговаривается роль каждого. Каждый ученик отвечает не только за результат своей работы, но и за результат всей группы. Поэтому слабые учащиеся стараются выяснить у сильных то, что им непонятно, а сильные учащиеся стремятся, чтобы слабые досконально разобрались в задании. И от этого выигрывает весь класс, потому что совместно ликвидируются пробелы [4].

Наиболее эффективной технологией повышения качества образования является создание электронных курсов. Информация, предназначенная для интерактивной работы, должна быть скомпонована в интерактивные учебные кадры так, чтобы обучаемый мог сам выбирать темп и последовательность изучения материала, а процесс обучения оставался управляемым. Ключевым принципом, лежащим в основе технологии создания электронных курсов, является принцип гипертекста. Электронный курс разбивается на отдельные параграфы и предусматривает их последовательное изучение.

Важной частью проекта является пользовательский интерфейс. Он должен быть понятным пользователю и содержать функцию справки. Другим важным моментом при разработке является обратная связь – информация, которая предоставляется учащемуся после того, как он осуществил ввод некоторой информации в систему, например, ответил на вопрос. Она помогает учащемуся оценить, насколько хорошо он усваивает материал.

Перечислим основные технологии креативного обучения иностранным языкам: а) структурированные теоретические части, разрабатываемые преподавателем в электронном виде; б) тесты, контрольные задания и работы, комплексные задания для текущего и итогового контроля, также разрабатываемые в электронном виде; в) консультации с преподавателем и другими учащимися в синхронном и асинхронном режимах (*чат-занятия; веб-занятия; телеконференции*).

Некоторые предпочитают изучать язык самостоятельно. Для такой категории обучающихся, на наш взгляд, самый продуктивный способ изучения иностранного разговорного языка – это «электронное репетиторство» – изучение иностранного языка онлайн (busuu.com, lingust.ru) [5, с. 134].

В заключение хотелось бы отметить, что составляющими готовности учителя к инновационной деятельности являются: а) наличие мотива включения в эту деятельность; б) комплекс знаний о современных требованиях к результатам школьного образования, инновационных моделях и технологиях образования, о том, что определяет потребности и возможности развития существующей педагогической практики; в) компетентность в области педагогических инноваций.

Готовность к инновационной деятельности в современных условиях – важнейшее качество профессионального педагога, без наличия которого невозможно достичь и высокого уровня педагогического мастерства [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жамалиева, С. М.* Использование инновационных технологий в процессе преподавания педагогических дисциплин : психологические факторы отношения преподавателей к педагогическим инновациям / С. М. Жамалиева, М. К. Казбекова // Инновации и современные технологии в системе образования : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 февр. 2013 г.; редкол. : А. С. Берберян, С. В. Сидоров, И. Г. Дорошина. – Прага : НИЦ «Социосфера», 2013. – С. 85 – 86.
2. *Твёрдая, И. А.* Метод проектов – один из продуктивных методов обучения математике в профильной школе / И. А. Твёрдая // Инновации и современные технологии в системе образования : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 февр. 2013 г.; редкол. : А. С. Берберян, С. В. Сидоров, И. Г. Дорошина. – Прага : НИЦ «Социосфера», 2013. – С. 163.
3. *Сорочинский, М. А.* Интерактивная доска – ее возможности и преимущества в обучении / М. А. Сорочинский // Инновации и современные технологии в системе образования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 20–21 февр. 2012 г.; редкол. : А. С. Берберян, С. В. Сидоров, И. Г. Дорошина. – Пенза – Ереван – Шадринск : НИЦ «Социосфера», 2012. – С. 95 – 96.
4. *Максаев, А. А.* Инновационные технологии в обучении иностранному языку / А. А. Максаев // Издательский дом «Первое сентября» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://festival.1september.ru/articles/566297/>. – Дата доступа : 04.08.2016.
5. *Тарасенко, Л. В.* Инновационные технологии в обучении иностранным языкам / Л. В. Тарасенко, Е. С. Арбузникова // Инновации и современные технологии в системе образования : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 февр. 2013 г.; редкол. : А. С. Берберян, С. В. Сидоров, И. Г. Дорошина. – Прага : НИЦ «Социосфера», 2013. – С. 134.
6. *Квашнина, С. А.* Психолого-педагогическое сопровождение педагогов в инновационной деятельности / С. А. Квашнина // Издательский дом «Первое сентября». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://festival.1september.ru/articles/582148/>. – Дата доступа : 14.08.2016.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

В. В. Атрашкевич (Могилев, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Национально-культурный компонент слова, как известно, – это компонент плана содержания слова, несущий информацию о национальной культуре. Эта информация аккумулируется в так называемой «фоновой» семантике слова. Выделение национально-культурного компонента в слове, исследование связи слова с национальной культурой является предметом лингвострановедения как филологической дисциплины. В рамках лингвострановедения значение слова трактуется шире, чем в лексикологии, лингвострановедческое значение слова – это не только то, что зафиксировано в словарях, но и образ, включающий ряд общих ассоциаций для всех носителей данного языка и культуры.

Таким образом, слово обладает не только лексическим значением, но и культурным компонентом своей семантики, лексическим фоном, который известен всем носителям данного языка как членам одной национально-культурной общности людей. Знание лексического фона является залогом успешной межкультурной коммуникации и одной из важнейших компетенций при изучении любого языка как иностранного [1].

Слова, имеющие в своей семантике национально-культурный компонент, можно разделить в плане межъязыкового сопоставления на безэквивалентные и эквивалентные. Безэквивалентная лексика выражает реалии, специфичные для данной национальной культуры (например, англ. *pudding*, *Double-decker* и др.; русск. *самовар*, *большевик* и др.), и ее лексические единицы не имеют словарных эквивалентов в ином языке или ряде языков. Эквивалентные слова в разных языках, как это принято считать, отличаются друг от друга в силу того, что каждое из них сопряжено с определенной совокупностью знаний [2, с. 136].

Эквивалентные слова могут так же, как и безэквивалентные, иметь в своем плане содержания национально-культурный компонент, который совсем не так очевиден, как в безэквивалентных словах. Особенно не очевиден национально-культурный компонент в словах, принадлежащих к интернациональной лексике. Его вычленение и лингвострановедческое описание в таких словах требует специального исследования.

Ниже рассмотрим национально-культурный компонент семантики такого английского слова, как *Lion* ‘лев’, имеющего эквиваленты в европейских и основных азиатских и африканских языках и являющегося интернациональной лексической единицей.

Так, для британцев *Lion* является одним из государственных символов, геральдическим животным на гербе английской королевской фамилии. О том, с чем ассоциируется *Lion* у современного англичанина, может свидетель-

ствовать следующая цитата из известной британской газеты «The Guardian»: *The reason is that the lion was thought to be the animal that best personify qualities of 'Britishness' ... Strength, courage, dignity, pride etc. They presumably didn't think any native animals had the necessary qualities* [3]. Британский *Lion* противопоставляется анималистическим символам иных стран, например, русскому медведю, ср.: *The lengthening shadow of the Russian bear in the Near East was very disquieting to the British lion* [4]; *In Berlin von Bulow said, "With a bow to the British lion and a curtsy to the Russian bear, we'll build our railroad to Bagdad and win our place in the sun."* [5]; *By the 1850s, the menace to Turkey by the Russian bear was rousing the British lion to fight.* [6] и т.п.

В глазах и в речи англичан *Lion* является не только государственным, но и национальным символом, который широко используется в перифрастических наименованиях современных британских сборных команд по тем видам спорта, которые пользуются общенациональной популярностью. Например, сборная Англии по футболу называется *Three Lions*, а объединенная сборная Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландию по регби – *British and Irish Lions*, ср.: *The Three Lions exited Euro 2016 at the last-16 stage in humiliating fashion in June* [7]; *The British and Irish Lions go to South Africa for one of the toughest series in rugby union* [8].

Слово *Lion* широко употребляется и в перифрастических наименованиях британских военных, которые в сознании англичан всегда олицетворяли мощь и славу Великобритании, и в прозвищах британцев, ставших национальными героями. Например, британских солдат и генералов во время Первой мировой войны называли *lions led by donkeys*, ср.: *Contrary to the stereotype of "lions led by donkeys", it is often forgotten that there was significant tactical development and innovation during the First World War* [9]. Одним из известных прозвищ британского премьер-министра У. Черчилля было *The Last Lion* (ср.: [10]).

Нужно заметить, что слово *Lion* весьма популярно в английской антропониимике. Всем известно прозвище одного из самых знаменитых английских королей Ричарда I – *Richard the Lion heart* 'Львиное сердце', которое он получил за свою легендарную силу и храбрость. Суперпопулярный сегодня английский актер и комик Justin Edwards (род. 1972) известен в Британии под псевдонимом *Jeremy Lion* как ведущий детского комедийного телешоу под названием "*Jeremy Lion: For Your Entertainment*".

Дж. Эдвардс вовсе не случайно выбрал именно псевдоним *Jeremy Lion* для своего телешоу, поскольку *Lion* – это еще и издавна известный и популярный анималистический персонаж английской детской литературы. В известных каждому британцу «Стихах Матушки Гусыни» фигурирует *Lion*, напр.: *The lion and the unicorn Were fighting for the crown – The lion beat the unicorn All around the town. Some gave them white bread, And some gave them brown, Some gave them plum-cake, And sent them out of town.* И совсем не случайно *Lion* попал на герб факультета Гриффиндор в школе чародейства и волшебства Хогвардс в самом популярном детском произведении конца XX – начала XXI в. "*Harry Potter*" J. K. Rowling.

Образ *Lion* органично входит в ряд анималистических образов британской культуры, наряду с собакой, кошкой, лисой, овцой и другими животными, но занимает в этом ряду привилегированное место как настоящий царь зверей. Не случайно в этой связи, что *Lion* широко используется в названиях известных публичных мест – отелей, ресторанов, баров и т.д.: *The Old Red Lion* (London), *The Blue Lion* (London), *Golden Lion* (London), *Twin Lions Hotel* (Edinburgh), *The Lion Tavern* (Liverpool), *The Lamb & Lion Inn* (York), *The Red Lion* (Oxford), *The black Lion* (Cardiff), *Arena Black Lion* (Manchester), *The Lion at Basford* (Nottingham), *Best Western Lion Hotel* (Nottingham), *The White Lion Hotel* (Seaford, East Sussex), *Lion Quays Hotel & Spa* (Oswestry, Shropshire) и др.

Компонент *lion* также употребляется в английских пословицах, напр.: *Every dog is a lion at home* ‘Всяк кулик на своем болоте велик’; *A lion among sheep and a sheep among lions* ‘Молодец против овец, а среди молодца и сам овца’; *A living dog is better than a dead lion* ‘Лучше синица в руках, чем журавль в небе’ и т.д.

Таким образом, можно утверждать, что интернациональная лексема *Lion* используется для выражения довольно значительного количества понятий и фрагментов национальной картины мира современных британцев, активно используется в речи не в своем прямом анималистическом значении, а в переносных смыслах, многие из которых национально-культурно маркированы и в совокупности образуют фоновую семантику данного слова, недоступную изучающим английский язык как иностранный без специального толкования.

На наш взгляд, фоновая семантика лексических единиц, подобных слову *Lion*, должна описываться в отдельных лингвострановедческих словарях, где предметом описания выступают не реалии или понятия о реалиях (как в существующих страноведческих словарях, которые по своему типу являются энциклопедическими, а не филологическими), а фоновые значения, которые реализуются в свободных и устойчивых сочетаниях с данным словом в устной разговорной речи, популярных прецедентных текстах, текстах массовой коммуникации, публицистическом, политическом, спортивном и др. дискурсах, известных художественных произведениях в Великобритании, США и других англоязычных странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, Е. Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сб. науч. статей / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2012. – С. 3–7.
2. Евсюкова, Т. В. Лингвокультурология / Т. В. Евсюкова, Е. Ю. Бутенко. – 2-е изд. – М. : Флинта, 2014. – 480 с.
3. When and why did the lion become the symbol of England? [Электронный ресурс] / The Guardian – 14.05.2010. – Режим доступа : <https://www.theguardian.com/notesandqueries/query/0,5753,-17023,00.html>. – Дата доступа : 15.09.2016.

4. *Chaurasia R. S. History of Middle East* / R. S. Chaurasia [Электронный ресурс]. – 2005 – Режим доступа : <https://books.google.ru/books?id=rV-vqDobo9wC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. – Дата доступа : 12.09.2016.
5. *Stenzel, D. B. The Germans: Victims of Geography* / D. B. Stenzel. – San Jose, CA : Writers Club Press, 2001 – 148 p.
6. *Heyck, T. W. A History of the Peoples of the British Isles* / T. W. Heyck [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://books.google.by/books/about/A_History_of_the_Peoples_of_the_British.html?id=gq84779CwC0C&redir_esc=y. – Дата доступа : 11.09.2016.
7. England news: We have learned from having no plan B against Iceland, insists Tottenham defender Kyle Walker [Электронный ресурс] / The Independent – 06.10.2016. – Режим доступа : <http://www.independent.co.uk/sport/football/international/england-news-no-plan-b-iceland-tottenham-kyle-walker-garetn-southgate-roy-hodgson-sam-allardyce-a7347626.html>. – Дата доступа : 15.09.2016.
8. The Lion kings [Электронный ресурс] / The Guardian – 03.05.2009. – Режим доступа : <https://www.theguardian.com/sport/2009/may/03/lions-tour-1974-rugby>. – Дата доступа : 15.09.2016.
9. The heroes of the Somme weren't lions led by donkeys. What today's troops can learn from the generals of WWI [Электронный ресурс] / The Guardian – 29.06.2016. – Режим доступа : <http://www.telegraph.co.uk/men/the-filter/the-heroes-of-the-somme-werent-lions-led-by-donkeys-what-todays/>. – Дата доступа : 15.09.2016.
10. *Manchester, W. The Last Lion: Winston Spencer Churchill: Defender of the Realm, 1940–1965.* / W. Manchester, P. Reid. – Boston: Little, Brown & Co., 2012.

Р. В. Белютин (Смоленск, Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ» В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Моделирование – одна из основных категорий теории познания. На идее моделирования, по существу, базируется любое исследование каких-либо явлений, процессов или систем объектов путем построения и изучения их моделей. Выделение однотипных регулярных ассоциаций в процессе метафоризации позволяет говорить о понятии *метафорической модели*.

Метафорическое моделирование – одно из наиболее перспективных направлений в современной когнитивной лингвистике. Изучение закономерностей метафорического моделирования способствует выявлению взаимосвязей между имеющимися в человеческом сознании категориями, обеспечивая, таким образом, доступ к осмыслению принципов систематизации опыта не только в синхронии, но и в исторической динамике (диахронии). Посредством метафорических моделей исследователь может получить ценную

информацию относительно специфики национальной языковой картины мира и выявить особенности национального лингвокультурного восприятия действительности у представителей данного социума.

В данной статье будет рассмотрен потенциал метафорической модели «Политика – это Спорт» в немецкой языковой картине мира. В отечественной лингвистике данный вопрос изучен достаточно полно [1], в то время как в исследованиях, затрагивающих особенности немецкого национального образа мира, пересечение политического и спортивного дискурсов, если отмечается, то, как правило, без детального анализа роли такой ассоциативной парадигмы в языковом, коммуникативном и культурном сознании немцев. Между тем наши наблюдения показывают, что метафорическая модель «Политика – это спорт», репрезентирующаяся в немецкой языковой картине мира, с полным правом может претендовать на статус «фоновой» (А. Н. Баранов [2]) или «когнитивной идеализированной» модели (Дж. Лакофф [3]), быть важным средством управления не только ритуализованной политической коммуникацией, но и другими дискурсивными практиками, вокруг которых выстраивается речевое общение [4;5].

Как показывают проанализированные примеры, метафорическая модель «Политика – это спорт» характеризуется в немецкой этнолингвокультуре следующими признаками:

– дискурсивной устойчивостью (присутствие модели в политическом дискурсе Германии и ее актуализация в разные исторические периоды политической коммуникации). Ср.: *Die Gefahr, vor der wir stehen, ist riesengroß. Es ist also jetzt die Stunde gekommen, die Glacéhandschuhe auszuziehen und **die Faust** zu **bandagieren*** [6]; *Willi Brandt und seine **Mannschaft** heißt die parteiamtliche Parole. Und doch ist diese SPD-**Elf** noch keine Mannschaft. Brauer, Kaisen, Zinn, Erler, das sind Prominente, Stars, Kanonen, um im Fussballjargon zu bleiben. Aber wer spielt halblinks? Wer **verteidigt**?* [7]; ***Höher, schneller, weiter.** So lautet das Motto offenbar nicht nur in Brasilien, sondern auch in Berlin. Höhere Polizeidichte! Schnellere Abschiebungen! Weitere Befugnisse! Aber in dieser **Olympiade** gibt es für Merkels Männer keine **Medaillen** zu **gewinnen** – und für die Deutschen keine Sicherheit* [8];

– денотативным разнообразием (чем больше сущностей области цели описывает М-модель, тем больше ее потенциал в осмыслении явлений соответствующей проблемной области). Ср.: успех / неудачи политиков на политической арене: ***Bayerns Ministerpräsident Edmund Stoiber empfindet Kanzler Schröders Vorstoß zu einer Nato-Reform als “ein schlimmes diplomatisches Eigentor”*** [9]; политические события: ***Rote Karte für Rassismus: Zehntausende werben bundesweit für Solidarität mit Flüchtlingen*** [10];

– сигнификативной стабильностью (наличие регулярных фреймовых структур, через которые происходит осмысление политических концептов в терминологии спорта). Ср.: ранг соревнований: *Edmund Stoiber: “**Wir spielen absolut in der Champions League, und da wollen wir weiter spielen, und wir wollen ganz vorne sein im Interesse der Menschen**”* [11]; правила игры и наказания: *Die SPD hat nach Merkels dummen **Foul** zum Thema Euro längst gepunktet* [12];

– «тяготением» к определенным функциональным стилям и подстилям, речевым жанрам и т.п. Сравните: предвыборные агитационные речи: *E. Stoiber: “Deutschland steht am **Tabellenende**. Und wenn jemand als **Trainer** eine **Mannschaft** auf den letzten **Tabellenplatz** geführt hat und dort bleibt, kann er nicht sagen, wir hätten eine tolle **Mannschaft** [13];* комментарии в СМИ: *Politologe Mayer von der Uni Bonn: “Die Kanzlerin habe zwar keinen **K.o.-Sieg** landen können, aber **nach Punkten gewonnen**” [14];* анекдоты и политическая сатира [15]:

Узкие рамки статьи не позволяют рассмотреть эти и другие характеристики (в частности, прагматический потенциал, т.е. способность на основании выявленных типовых прагматических смыслов формировать определенные аксиологические признаки) метафорической модели «Политика – это спорт» более подробно, однако уже представленные факты о ее функционировании в немецкой концептуальной и языковой картинах мира дают основания считать данную структуру конвенциональной дискурсивной формулой, различаемой языковыми личностями и используемой в различных ситуациях общения.

Перспективными представляются дальнейшие исследования вопроса взаимопроникновения политического и спортивного дискурсов с целью объективации, интерпретации и оценки фактов, событий и явлений действительного мира не только в отдельно взятой этнолингвокультуре, но и в контексте межкультурной коммуникации. Такие наблюдения позволят определить зоны совпадения и расхождения в восприятии тех или иных участков картины мира представителями разных стран, выявить «национально-окрашенные» метафорические проекции, раскрыть ментальные, исторические, культурологические, социальные основания возникновения специфических метафорических образов и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудинов, А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе / А. П. Чудинов // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – №2. – С. 26–31.
2. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М.: Языки славянских культур, 2014. – 632 с.
3. Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – Chicago: University Press, 1987. – 632 p.

4. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
5. *Belyutin, R.* Fußball als interdiskursives Modell im sprachlich-semiotischen Raum / R. Belyutin // Sportzeiten. – 2012. – №3. – С.19–31.
6. 100(0) Schlüsseldokumente zur deutschen Geschichte im 20. Jahrhundert [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.1000dokumente.de/index.html>. – Дата доступа : 12.08.2016.
7. Kölner Stadtanzeiger, KStA [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ksta.de/> – Дата доступа : 12.08.2016.
8. Olympiade der Angst [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sicherheitsplaene-der-union-olympiade-der-angst-augstein-a-1107151.html>. – Дата доступа : 13.08.2016.
9. Stoiber findet Schröders Vorstoß missglückt [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/nato-reform-stoiber-findet-schroeders-vorstoss-missglueckt-a-341818.html>. – Дата доступа : 14.08.2016.
10. Rote Karte für Rassismus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.jungewelt.de/2016/06-20/007.php>. – Дата доступа: 14.08.2016.
11. Michael Stiller: Edmund Stoiber – Der Kandidat [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.deutschlandfunk.de/michael-stiller-edmund-stoiber-der-kandidat.730.de.html?dram:article_id=101856. – Дата доступа : 12.08.2016.
12. Merkel, die SPD und Europa: Foul und Eigentor [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.badische-zeitung.de/kommentare-1/merkel-die-spd-und-europa-foul-und-eigentor-74954889.html>. – Дата доступа : 12.08.2016.
13. Merkel, die SPD und Europa: Foul und Eigentor [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.metaphorik.de/Metaphernkiste/sommer2005.htm>. – Дата доступа : 14.08.2016.
14. Merkel gewinnt TV-Duell «Steinbrück hat nicht geliefert» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.t-online.de/nachrichten/deutschland/bundestagswahl/angela-merkel-gewinnt-tv-duell-steinbrueck-hat-nicht-geliefert-.html>. – Дата доступа: 12.08.2016.
15. Merkels Erinnerungen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spam/>. – Дата доступа: 15.08.2016.

А. С. Бут (Москва, Россия)

АВТОРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ А. П. ЧЕХОВА И ВОПРОСЫ ВАРИАТИВНОСТИ ИДИОМ*

В филологии чеховский художественный текст исследован в сюжетно-композиционном аспекте; изучена монологическая и диалогическая структуры текстов; описаны средства создания комического и др. эффектов. Работа [1] автора этой статьи посвящена исследованию семантики понимания в творчестве А. П. Чехова в лингвистическом аспекте. В книге разрабатываются принципы анализа семантики «слов понимания» в пьесах А. П. Чехова; предлагается

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

семантическое описание лексических единиц ментальной и эмоциональной направленности; обосновывается значимость идеи понимания в развитии сюжетных линий и глубинного смысла чеховской драматургии в целом. Сейчас задачу изучения чеховских текстов мы видим в описании, раскрытии функции устойчивых выражений для передачи основных смыслов чеховских произведений, в которых много устойчивых выражений разных типов. Они являются особым средством проявления языковой личности автора, позволяют выявить характерные черты идиостиля А. П. Чехова, раскрыть особенности мировоззрения писателя и их соотношение с концептосферой русской культуры. Например: *щекотливый вопрос, с руками и ногами, как по маслу* – фразеологизмы; *А нынешние... (Машет рукой). Не понимаю... Ни богу свечка, ни черту кочерга; На бедного Макара все шишки валятся; Кошке смех, мышке слезы* – паремии и др.

Наряду с узуальными фразеологизмами у Чехова в произведениях довольно часто встречаются преобразованные фразеологические единицы (ФЕ). Особенности их использования, а также присущее писателю словотворчество делают актуальным обращение к вопросу авторской фразеологии А. П. Чехова. Исследуя употребление ФЕ в художественных текстах, ученые сталкиваются с проблемой описания индивидуально-авторских преобразований ФЕ и классификации способов их трансформации [2; 3]. Однако вне зависимости от узкого или широкого понимания фразеологии, положенного в основу классификации способов преобразований ФЕ, ученые сходятся в том, что к авторской фразеологии следует относить – окказиональные варианты узуальных ФЕ и окказиональные фразеологизмы, получившиеся в результате индивидуально-авторского преобразования ФЕ.

Понять, является та или иная ФЕ в тексте авторской и принадлежит ли вариант ФЕ писателю, позволяют диахронический анализ, обязательная сверка с максимально полными фразеологическими словарями и поиск в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), поскольку максимальный охват языкового материала и возможность сопоставления текстов различных авторов и разного времени служат надежности полученных результатов.

В пьесе «Иванов» доктором Львовым употребляется образное выражение – фразеологизм *совиное гнездо*:

<...> Ну, объясните, растолкуйте мне, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это *совиное гнездо*? Зачем вы здесь? Что общего у вас с этим холодным, бездушным... но оставим вашего мужа! – что у вас общего с этой пустой, пошлою средой? <...> Объясните же мне, к чему вы здесь? Как вы сюда попали?.. [4, с. 21].

ФЕ *совиное гнездо* ни в словарях, ни в произведениях других авторов чеховского периода не обнаруживается (в том числе, и в НКРЯ), тем самым, данная ФЕ может считаться авторским фразеологизмом.

Возможно, чеховское выражение является окказиональным вариантом узуальной ФЕ *осиное гнездо*, т.е. произошло преобразование фразеологизма *осиное гнездо* ‘жилище, скопище общественно вредных, опасных людей’ [5, с. 144; 6, с. 132] в ‘общество злобных людей, тревожить которое небезопасно’ [7, с. 116].

Рассмотрим образ чеховского фразеологизма на том культурном фоне, о котором писала В. Н. Телия. Думается, что в основе его внутренней формы есть связь с ФЕ *дворянское гнездо* 'русская помещичья усадьба, где живут патриархально, по старинному семейному укладу' [7, с. 116]. Понятие *дворянское гнездо*, возникнув как наименование жилья, впоследствии стало отражением судьбы рода, семьи (иногда нескольких поколений). «Ключевые слова-компоненты фразеологизма изначально являются знаками вербального кода культуры» [8, с. 175] и компонент 'гнездо' указывает на то, что в этом выражении заложена идея объединения, сплочения близких и родных людей.

В образе фразеологизма А. П. Чехова компонент 'осиное' преобразован в 'совиное' не только и не столько из-за созвучия этих слов, сколько для выражения важнейших смыслов, созвучных чеховскому видению разрушающихся *дворянских гнезд*, в которых люди не живут, а спят. При общем сохранении семантики 'скопище вредных, опасных людей' к смыслу выражения *совиное гнездо* добавляется типично чеховская семантика пустоты, пошлости среды, в которой оказывается героиня пьесы «Иванов». Поскольку сова как хищная птица, ведущая сумеречный и ночной образ жизни, в мифологии олицетворяет силы тьмы и символизирует запустение, уединение и др., компонент 'совиное' позволяет сформулировать значение ФЕ *совиное гнездо* как 'объединение исполненных злобы по отношению друг к другу и враждебно настроенных людей'. Таким образом, при анализе авторской фразеологии особенно необходима «интерпретация собственно языковых знаков (в частности – фразеологизмов) в содержательном пространстве этих культурных знаков» [9, с. 253].

В чеховских текстах присутствует фразеология, которая была подвержена индивидуально-авторской обработке (замена или добавление компонентов, создание фразеологических единиц на базе уже существующих в языке и др.). Анализ авторской фразеологии для исследователей художественного текста представляет значительный интерес, поскольку передает представление писателя о мире и необходим для создания авторских словарей. В настоящее время наблюдается повышенный интерес к идиогlossариям классиков русской литературы, в связи с чем описание авторской фразеологии А. П. Чехова позволит создать соответствующий по жанру словарь языка этого выдающегося писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бут, А. С. Семантика понимания в драматургическом тексте А. П. Чехова: лингвистический анализ / А. С. Бут. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 136 с.
2. Мелерович, А. М. Введение / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М. : Русские словари, 1997. – С. 3–44.
3. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с. (Studia philological).
4. Чехов, А. П. Иванов: драма в четырех действиях / А. П. Чехов // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.; Сочинения: в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. Т. 12. Пьесы. 1889–1891. – М. : Наука, 1978. – С. 5–76.

5. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Федоров – Новосибирск, 1995. – Т. 1: А–М. – 391 с.
6. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
7. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
8. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
9. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Т. В. Внук (Минск, Беларусь)

АВТО- И АЛЛОЭТНОНИМЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале немецкого языка)

В сегодняшнем мире все больше обостряются межнациональные конфликты, причиной которых являются полярные геополитические интересы сторон, непонимание или неприятие культуры и исторического пути другого народа. Ценностные автохарактеристики этноса и оценка других народов отображаются в языковом сознании, в том числе во фразеологическом фонде, в первую очередь – в единицах с этнонимами.

Этноним занимает особое место среди антропонимов, поскольку, во-первых, он обозначает целую этническую общность (племя, народ, нацию, субэтническую группу) со всеми присущими ей характеристиками (в том числе неофициальные и прозвищные обозначения групп населения: *москали, кацапы, хохлы, хачи, чалдоны, чухонцы*). Во-вторых, этнонимы во многом отражают национальное самосознание данной этнической общности, которое не может существовать автономно, без сравнения себя с другими. Самоназвание этнической общности (**автоэтноним**) позволяет не только выделить «свой» народ, но и противопоставить его другим народам. **Аллоэтнонимы** – это названия, данные этносу другими народами (например, общеславянское *немцы*, итальянское *tedeschi* для соседних германских племен, самоназвание которых *Deutsche*).

Этнонимы отражают картину мира. Они раскрывают некоторые особенности «национальной души» и вызывают в сознании носителей языка свернутые в единый образ воспоминания о предшествующих контекстах употребления, оценки соответствующих референтов и отношение к ним. Изучение фразеологических единиц с этнонимами позволяет обнаружить концепты построения отношений между народами на протяжении многих веков. В результате анализа 43 фразеологических единиц с этнонимическими компонентами немецкого языка, отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей Дудена, К. Крюгера-Лоренцена, Х. Рериха, Л. Э. Биновича, было обнаружено 13 фразеологизмов, в состав которых входят 3 автоэтнонима: *Deutscher* ‘немец’, *Hesse* ‘гессенец’, *Schwabe* ‘шваб’.

Это могут быть единицы со структурой словосочетания (*der **deutsche** Michel* ‘простодушный немецкий Михель, обыватель’, *stolz sein wie die **Schwaben*** ‘быть гордым, как швабы’) или со структурой предложения (*Die **Deutschen** haben mehr Wissen im Kopf als Wort im Maul* ‘У немцев больше мыслей в голове, чем слов во рту’).

Единицы с автоэтнонимом *Deutscher* имеют положительную коннотацию. Например, *Deutscher Mann – Ehrenmann* ‘Немец – человек чести’; *Was der Deutsche verspricht, das hält er* ‘Немец всегда держит слово’; *Der Deutsche hat seinen Witz in den Fingern* ‘Ум немца в его руках’, *Die Deutschen kriegen mit Eisen, nicht mit Gold* ‘Немцы воюют железом, а не золотом’; *Was der **Deutsche** bezahlt, das isst er auch* ‘Что немец оплачивает, то он и ест’. При сравнении немцев с другими народами также в основном проявляется положительная коннотация (*Wenn der **Russe** stiehlt, so stiehlt er, dass er für sich auf einen Tag genug hat; stiehlt aber einmal der **Deutsche**, so stiehlt er so viel, dass auch für seine Kinder und für morgen bleibe* ‘Если русский ворует, то столько, сколько ему надо на один день; если ворует немец, то этого хватит ему и его детям на будущее’). В таких единицах автоэтноним *Deutscher* может быть окрашен нейтрально и поэтому занимать срединную позицию: *Die **Italiier** weinen, die **Deutschen** schreien und die **Franzosen** singen* ‘Итальянцы ноют, немцы кричат, а французы поют’.

Автоэтнонимы *Hesse* и *Schwabe* в основном окрашены негативно: *Ein **Schwabe** hat kein Herz, aber zwei Magen* ‘У шваба нет сердца, зато у него два желудка’; *Wo ein **Hesse** in ein fremdes Haus kommt, so zittern die Nägel an den Wänden* ‘Когда гессенец входит в чужой дом, на стенах трясутся гвозди’. В качестве доминирующих аллоэтнонимов в исследованных фразеологизмах выступают: **Jude** (*Fürs Gewesene gibt der Jude nichts* ‘Что упало, то пропало’; *Darauf borgt kein Jude etwas* ‘Это и гроша ломаного не стоит’), **Franzose** (*Der Franzose ist ein guter Freund, aber ein schlimmer Nachbar* ‘Француз – хороший друг, но плохой сосед’; *sich französisch empfehlen* ‘уйти по-английски’, досл. ‘по-французски’), **Spanier** (*stolz wie ein Spanier sein* ‘гордый, как испанец’; *j-m spanisch vorkommen* ‘быть для кого-л. темным лесом’, досл. ‘по-испански’).

В 90 % случаев подчеркиваются отрицательные качества представителей других народов, например: **polnische** *Wirtschaft* ‘польская экономика = беспорядок, бесхозяйственность’; **englisch** *lispeln* ‘шептать по-английски = льстить’; **englisch** *einkaufen* ‘покупать по-английски = красть’; **böhmische** *Krankheit* ‘богемская болезнь = лень и усталость’; *Das ist eine **Tatarennachricht*** ‘это татарская новость = неправда, полная ложь’; *Es geht wie in einer **Judenschule*** ‘очень шумно, царит настоящий бедлам’, досл. ‘как в еврейской школе’; *Den **Franzosen** und dem Teufel ist nicht zu trauen* ‘Французам, как и черту, нельзя доверять’. Лишь отдельные единицы имеют нейтральную, скорее, положительную коннотацию: *Zwei **Juden** wissen immer, was eine Brille kostet* ‘Евреи всегда знают, что почем’; *den **Juden** handeln/wuchern lehren* ‘учить еврея торговать’; *Die **Russen** spannen langsam ein, fahren jedoch schnell* ‘Русские медленно запрягают, но быстро ездят’.

Такие стереотипные суждения о других народах закрепились в языке в ходе политического, экономического и культурного взаимодействия. Так, например, евреи со времен Каролингов имели особый статус и особый

уклад жизни. За право исповедовать свою религию и жить по своим законам они должны были платить особые подати. Их права были закреплены в своде законов «Goldene Bulle» (1356). С 1215 г. евреи носили особый тип одежды, конусообразный колпак и жили в определенной части города (гетто). Христианам не разрешалось жить у евреев (столоваться), а также служить у них посыльными. Евреям запрещалось заниматься ремеслом или обрабатывать землю, поэтому они зарабатывали на жизнь в основном торговлей и ростовщицеством. За это их презирали и ненавидели. Слово *погром* со временем стало неотделимо от слова *евреи*. Презрение к евреям как к хитрым торговцам и безжалостным ростовщикам отражено в следующих фразеологизмах: *Der Jude weiß sich zu nähren und andere zu scheren* ‘Еврей знает, как себя накормить, а других облапошить’; *Darauf borgt kein Jude etwas* ‘Это и гроша ломаного не стоит’.

Многочисленные войны против французов (начавшиеся с раздела империи Карла Великого тремя его внуками, война с Наполеоном, Франко-прусская война 1870–1871 гг., Первая мировая война, Вторая мировая война) привели к тому, что в сознании немецкого этноса французы ассоциировались с хитростью (*Den Franzosen und dem Teufel ist nicht zu trauen* ‘Французам, как и черту, нельзя доверять’, *Der Franzose ist ein guter Freund, aber ein schlimmer Nachbar* ‘Француз – хороший друг, но плохой сосед’).

Анализ фактического материала позволил сделать следующие выводы: в 95 % случаев в состав фразеологизмов входит один этноним. Использование двух и более этнонимов в рамках одной ФЕ направлено на сравнение характеристик (чаще противопоставление) данных народов. При этом автоэтноним всегда окрашен либо положительно, либо нейтрально, а противопоставляемый ему аллоэтноним – отрицательно.

Это отражает общую тенденцию в коннотации этнонимических компонентов, где автоэтнонимы «заряжены» положительно, а аллоэтнонимы чаще всего имеют отрицательную окраску. Стилистическая нейтральность не является типичной для фразеологизмов, содержащих этнонимы. Изучение этнонимов дает возможность проследить культурные и языковые контакты народов. Этнонимы, будучи древними терминами, несут в себе ценную историческую и лингвистическую информацию.

Ю. С. Зверева (Могилев, Беларусь)

ФОНОВАЯ СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Понимание национально-культурной специфики семантики и структуры фразеологических единиц помогает избежать трудностей в межкультурной коммуникации, что особенно значимо при изучении иностранных языков [1]. Многие фразеологизмы, как известно, являются культурно маркированными единицами языка, поскольку в их значениях, внутренней форме, прототипах отражаются характерные особенности и фрагменты национальной картины мира. Помимо этого многие фразеологизмы содержат в себе национально-культурно маркированные лексические компоненты, несущие

информацию об истории, культуре, укладе жизни народа. В поисках национального в структуре и семантике устойчивых единиц важным является анализ их источников и путей появления в языке [2], исторических особенностей их функционирования в языке [3], а также сопоставление с фразеологическими фондами иных языков, поскольку культурологически (лингвострановедчески) значимая информация имеет дидактическую ценность только в отношении того языка, который при изучении иностранного языка является родным.

Так, факты истории, географии, экономики, литературы Англии, культуры и жизни англичан широко представлены в фоновой семантике многих фразеологических единиц современного английского языка. Анализ фактического материала показал, что 178 из 200 фразеологизмов английского языка, отобранных из «Dictionary of Idioms and their Origins» [4] при помощи случайной выборки (все подряд, начиная с произвольно избранной единицы), содержат национально-культурный компонент именно в фоновой семантике (составляет 87 % от общего количества культурно-маркированных единиц).

Например, внутренняя и внешняя политика занимает заметное место в фоновой семантике английской фразеологии. Фразеологическая единица *to be in a person's black books* (в значении 'быть на плохом счету у кого-либо') появилась в английском языке в XVII в. и связана с *Black Book* – книгой в черном переплете, в которой регистрировались нарушения служителей церкви в монастырях Англии, и материалы которой использовались для проведения конфессиональных реформ в Великобритании в начале XX в. (образ *Black Book* также нашел отражение в целом ряде устойчивых выражений английского языка – *a big wig*, *to blackball*, *a chip off the old block* и др.). В английском языке многочисленны и фразеологические единицы, связанные с морем, семантика и прототипы которых восходят к островной жизни британской нации, постоянно зависевшей от окружающего морского пространства. Фразеологизм *taken aback* (в значении 'захваченный врасплох') восходит к морской терминологии – так говорилось о парусах, внезапно прижатых к мачте лобовым ветром. Не менее широко представлены в фразеологизмах английского языка и военные события. Устойчивое выражение *to meet one's Waterloo* (в значении 'потерпеть поражение после некоторого успеха') отсылает нас к небольшой деревне под Брюсселем, где состоялось всемирно известное сражение, во время которого французская армия под командованием императора Наполеона Бонапарта была наголову разбита войсками коалиции европейских держав под командованием английского герцога Веллингтона, что до наших дней является предметом национальной гордости англичан. Представлены в фоновой семантике фразем английского языка также карточные и детские игры. Происхождение фразеологизма *to beat about the bush* (в значении 'ходить вокруг да около') связано с известной детской игрой «mulberry bush», которая напоминает хоровод и сопровождается словами «Here we go round the mulberry bush». Фразеологизм *to play ducks and drakes* (в значении 'расточать что-либо; безрассудно поступать с чем-либо') также связан с детской игрой, которая состоит в бросании плоских камешков по поверхности воды, что легло в основу внутренней формы данного выражения.

В результате анализа фразеологических единиц современного английского языка с национально-культурной семантикой был выявлен ряд предметно-тематических сфер лингвострановедчески значимой информации (табл.).

Т а б л и ц а

Тематические типы национально-культурных компонентов
в семантике английских фразеологизмов

Предметно-тематические сферы фоновой семантики фразеологического фонда современного английского языка	Актуализированность предметно-тематических сфер в фразеологизмах, %
Политические отношения	21,8
Мореплавание	16,6
Искусство	15,5
Военные события	13,2
Ремесленничество	13,1
Карточные игры	6,3
Суеверия	5,7
Детские игры	2,8
Спорт	1,7
Разное	3,3

Можно сделать вывод, что на формирование национально-культурной семантики фразеологических единиц английского языка наибольшее влияние оказали политические отношения, мореплавание, искусство, военные события и ремесленничество, что, в свою очередь, можно рассматривать в качестве одного из объективных показателей места и роли указанных предметно-тематических сфер в системе национальной картины мира британцев.

Следует заметить, что в существующих нормативных и переводных англо-иноязычных словарях, в лингвострановедческих словарях английского языка национально-культурная семантика фразеологизмов, как правило, специально не описывается. Поэтому для преподавания английского языка как иностранного актуальным является создание лингвострановедческого фразеологического словаря английского языка.

Лингвострановедческое описание фразеологизмов, обладающих культурно значимой фоновой семантикой, может иметь следующий вид в подобном учебном словаре фразеологических единиц (для говорящих на русском языке).

Separate the sheep from the goats – to choose the people or things of high quality from a group of mixed quality [5, p. 345]. **Sheep** – an animal that eats grass and has a thick fleecy coat, kept in flocks for its wool and its meat [6, p. 431] (в Англии XVI века разведение овец ради торговли шерстью было исключительно выгодным занятием. Экспорт овечьей шерсти приносил англичанам такие доходы, что ее единогласно признали «наиболее драгоценным продуктом Королевства». Именно тогда в Англии и появился национальный символ богатства – мешок, доверху набитый овечьей шерстью [3, p. 260], который с тех пор используется в качестве подушки в кресле главы Парламента Соединенного Королевства).

When your ship comes in – if you talk about what you will do when your ship comes in, you mean when you are rich and successful [5, p. 345]. **Ship** – *a large boat, especially one that goes to sea* [6, p. 433] (от морских сражений до знаменитых путешествий – британские корабли оставили заметный след в британской и мировой истории и являются предметом гордости всех англичан. Британский флот позволил Англии в свое время стать крупнейшей в мире колониальной империей и долгое время носить гордое название «ладычицы морей»). Идеалом военного моряка во всем мире является знаменитый английский адмирал Нельсон, который принес победу Англии в одной из самых известных в мире морских битв – Трафальгарском сражении).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов, Е. Е.* Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2012. – С. 3–7.
2. *Ivanov, E.* Etymology of English Proverbs / E. Ivanov, Ju. Petrushevskaja // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – Vol. 8, No 5. – P. 864–872.
3. *Иванов, Е. Е.* Английские пословицы : из литературы и в литературе : этимология, функционирование, варианты = English Proverbs : from Literary Texts, in Literary Texts : Etymology, Usage, Variability : учеб.-метод. материалы / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 76 с.
4. *Flavell, L.* Dictionary of Idioms and their Origins / L. Flavell, R. Flavell. – London : Kyle Cathie, 1992. – 216 p.
5. *White, J. G.* Cambridge International Dictionary of Idioms / J. G. White. – Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 1998. – 504 p.
6. *Хокинс, Дж.* Oxford Concise School Dictionary / Дж. Хокинс, Э. Делаханти, Ф. Макдональд. – М. : Астрель ; АСТ, 2008. – 556 с.

Е. Е. Иванов (Могилев, Беларусь)

В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия)

О ЕВРОПЕЙСКОМ СЛОВАРЕ БИБЛЕИЗМОВ

Магия библейских крылатых слов – в их «растворяемости» в текстах литературных произведений, публицистике и современной живой речи многих народов. Очень часто говорящие и пишущие даже не осознают, что употребляют библеизмы, ибо такие выражения были усвоены ими с самого детства из рассказов родителей, литературных произведений, театральных постановок, кинофильмов, теле- и радиопередач. Например, далеко не все

русскоговорящие отождествляют с текстом Библии такие выражения, как *бить себя в грудь, волосы становятся / стали дыбом, волосы зашевелились на голове, за семью печатями, заснуть мертвым сном, идти по стопам (по следам) кого-л., чьим-л., изливать / излить душу кому-л., перед кем-л., как один [человек], камня на камне не оставлять / не оставить от чего-л., копать (рыть) яму другому, лицом к лицу, открывать / открыть (раскрывать / раскрыть) глаза кому на кого-л., на что-л., посыпать / насыпать голову пеплом, служить двум господам, стоять как столб, строить / построить на песке что-л., хромать на обе ноги* и многие другие.

Именно проблема реального употребления библейских выражений в современном речевом узусе и осознания их сакрального источника носителями разных языков стала основным предметом международного научного проекта «European Dictionary Biblicisms» (2014–2015 гг.) по созданию «Русско-славянского словаря библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках», в котором приняли участие 20 фразеологов (из них 6 членов Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов) из 15 европейских стран – Армении (А. Саркисян), Беларуси (М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов), Германии (Х. Вальтер), Грузии (З. К. Адамия, протоиерей М. Чабашвили), Италии (А. Морпурго), Испании (М. Руис-Соррилья), Польши (Э. Коморовска), Македонии (Н. Прасолова-Милчовска), России (А. С. Алешин, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко), Сербии (Д. Дракулич-Прийма), Словакии (Д. Балакова), Словении (Э. Кржишник), Украины (Н. Ф. Венжинович), Хорватии (Ж. Финк-Арсовски), Чехии (Н. Райнохова, Я. Шинделаржова) – под руководством председателя комиссии профессора В. М. Мокиенко.

Основой для словаря послужил шестязычный справочник «Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках», который был подготовлен фразеологами Беларуси, Германии, Словакии, России, Украины и издан в Беларуси в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова в 2014 г. [1]. В этом словаре описываются 135 наиболее известных в современном русском литературном языке крылатых выражений и афоризмов из разных библейских источников и их соответствия в современных трех славянских и двух германских языках. В свою очередь, в основу шестязычного словаря был положен русско-немецко-словацкий словарь библеизмов «Лепта библейской мудрости», составленный Д. Балаковой, Х. Вальтером и В. М. Мокиенко и изданный в Германии в Грайфсвальдском университете имени Э. М. Арндта в 2012 г. [2] (переиздан в 2015 г. под названием «Из библейской мудрости» [3]). Составители этого словаря попытались создать такое справочное издание, которое позволяет углубить познания в области происхождения, значения и правильного употребления библеизмов. Материалы словаря были предварительно апробированы в ходе работы по выявлению реального статуса библеизмов в современных европейских языках в рамках международного научного проекта «Bible and Christianity in Phraseology» (2010–2013 гг.) под руководством проф. Д. Балаковой (Католический университет Ружомберка, Словакия). Результаты этого проекта

опубликованы в монографии Д. Балаковой, В. Ковачевой и В. М. Мокиенко «Наследие Библии во фразеологии» (2013) и в коллективной монографии «Die slawische Phraseologie und die Bibel» (2013).

В словаре реализованы принципы лексикографического описания библейских крылатых выражений и их межъязыковых эквивалентов, ранее разработанные его авторами-составителями на материале русского, немецкого, польского, чешского и армянского языков и воплощенные в таких монолингвальных и переводных словарях, как «Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений» (2007) В. М. Мокиенко, «Толковый словарь библейских выражений и слов» (2010) Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко и О. И. Трофимкиной, «Русско-армянский словарь библейских крылатых слов» (2001) А. Саркисяна, «Deutsche-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen» (2009) Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, «Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren» (2010) Х. Вальтера, «Schwarzes Schaf, falscher Prophet, barmherziger Samariter. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren» (2012) Х. Вальтера и П. Фойту.

Словарь включает 130 крылатых выражений и афоризмов из Библии или восходящих к Библии, наиболее известных в современном русском языке (русская часть словаря подготовлена В. М. Мокиенко), и их соответствия в некоторых современных десяти славянских и восьми неславянских европейских языках – белорусском (Е. Е. Иванов), болгарском, македонском (Н. Прасолова-Милчовска), польском (Э. Коморовска), сербском (Д. Дракулич-Прийма), словацком (Д. Балакова), словенском (Э. Кржишник), чешском (Н. Райнохова, Я. Шинделаржова), украинском (Н. Ф. Венжинович), хорватском (Ж. Финк-Арсовски), а также английском (М. С. Гутовская), немецком (Х. Вальтер), шведском (А. С. Алешин), испанском (М. Руис-Соррилья), итальянском (А. Морпурго), французском (А. С. Макарова), армянском (А. Саркисян) и грузинском (З. К. Адамия, протоиерей М. Чабашвили).

Цель словаря – дать системное и комплексное лингвистическое описание наиболее известных русскоязычных библейских выражений и афоризмов и последовательное их сопоставление с аналогичными единицами в славянских и неславянских языках. Библейские крылатые выражения и афоризмы сопровождаются в Словаре толкованиями их значений, указаниями на стилистические особенности употребления и цитатами из Библии, а также историко-этимологическими справками. При этом составители стремились давать наиболее точную ссылку на соответствующие места Библии на всех языках, чтобы показать как сходства, так и различия в полилингвальном пространстве современной Европы. При семантической и стилистической характеристике библеизмов используются стандартные для лексикографии каждого языка сокращения, которые в словаре специально не толкуются. Отдельно даются указатели библейских источников, а также списки крылатых выражений и афоризмов на каждом языке.

Такое комплексное описание библеизмов в одной книге призвано способствовать повышению грамотности при употреблении устойчивых выражений и афоризмов в устной и письменной речи, которые по своему проис-

хождению относятся к таким прецедентным текстам, которые бесспорно являются духовной сокровищницей каждого европейского народа. Хочется надеяться, что это хотя бы отчасти поможет носителям разных языков (особенно молодежи) более осознанно выразить свое отношение к общему культурному наследию Европы, повысит их культуру речи и – что, может быть, самое главное! – заставит их более вдумчиво использовать языковые единицы, взятые из Библии.

Особо следует отметить, что русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках призван демонстрировать преемственность и общие корни христианской культуры православной и неправославной Европы. Общевропейские истоки библеизмов могут стать импульсом для активизации изучения самими европейцами европейских языков как иностранных и мощным стимулом для осознания общих для всей современной Европы реалий, слов и духовных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакова, Д. Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова [и др.]. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.
2. Балакова, Д. Лепта библейской мудрости : краткий русско-словацко-немецкий словарь библейских крылатых слов / Д. Балакова, Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Ružomberok ; Greifswald ; Санкт-Петербург : Е. М. А. – Universität, 2012. – 140 с.
3. Балакова, Д. Из библейской мудрости = Z biblickej mudrosti = Biblische Weisheiten : русско-словацко-немецкий словарь библеизмов / Д. Балакова, Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Greifswald : Е. М. А. – Universität, 2015. – 344 S.

С. В. Паремская (Минск, Беларусь)

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗООНИМОМ *СВИНЬЯ* В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Одной из самых многочисленных и внутренне разнообразных групп фразеологического состава немецкого и русского языков являются фразеологические единицы с зоонимами. Они отражают многовековые наблюдения человека за внешним видом и повадками животных, передают отношение людей к их «меньшим братьям» и относятся к культурно-информационному фонду в каждом языке.

Совокупность представлений немецкого и русского народов о действительности складывалась в зависимости от разных факторов: условий их существования, традиций и т.п. Это легко проследить на примере фразео-

логических единиц, содержащих в себе зооним *свинья*. В обеих культурах свинья с давних пор являлась традиционным домашним животным, мясо которого составляло важную часть рациона обоих народов. При этом в одном и другом языках довольно много фразеологических единиц, содержащих в себе зооним *свинья*.

По признаку мотивированности фразеологических единиц с зоонимом *свинья* между немецким языком и русским наблюдаются некоторые расхождения. Так, в немецком языке идиома *Schwein haben*, дословный перевод которой 'иметь свинью', обозначает, что кому-то в чем-то очень повезло. Это связано с тем, что в средневековье на праздничных соревнованиях проигравшему в качестве утешительного подарка вручали живого поросенка. Точно также выражение *das Schwein am Schwanz haben* означает 'поймать свинью за хвост', т.е. опять же удачу. В русских пословицах с зоонимом *свинья* такая мотивированность не прослеживается.

По признаку способа наименования между фразеологическими единицами обнаруживается сходство: и в том и другом языке человека приравнивают к животному. Например, немцы говорят о пьяном вдрызг, в дым, в стельку человеке *besoffen wie ein Schwein* 'пьяный как свинья'. А у русских в ходу аналогичное выражение *нажрался как свинья*. При этом словарь В. И. Даля не фиксирует переносных значений у имени существительного *свинья*. В других же словарях такие значения представлены. Например, в словаре Д. Н. Ушакова [1, с. 912] дается такое переносное значение слова *свинья*: «грязный, неопрятный человек, неряха». В словаре С. И. Ожегова [2, с. 703] мы находим следующее пояснение к этому слову: «о том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе».

По признаку субъективной экспрессивности [3, с. 96] русские пословицы имеют отрицательную направленность. Их использование в речи обозначает негативное отношение окружающих к лицу, о котором говорят. При этом часть русских пословиц отражает нечистоплотность свиньи: *Свинья грязи найдет; Наряди свинью в серьги, а она в навоз, Была у свинки золотая щетинка, да в грязи завалилась*. Это представление о свинье мотивировано условиями содержания данного домашнего животного в грязном, нечистом хлеву. Другая часть русских пословиц с зоонимом *свинья* отражает представление об этом животном как о наглom и неблагодарном создании: *Свинья только рыло сунет и вся пролезет; Посади свинью за стол, она и ноги на стол; Свиная рожа везде вхожа*. В русских пословицах фиксируется и, скорее мнимая, тупость этого животного, например: *У богатого гумна и свинья умна*. Отдельные пословицы русского языка подчеркивают негативную оценку окружающими не только поведения, но и внешнего вида этого животного: *Свинья только рыло сунет, и вся пролезет; Со свиным рылом в калашный ряд; Свинья и в золотом ошейнике все свинья*.

Таким образом, анализ фразеологических единиц немецкого и русского языков с зоонимом *свинья* позволяет сделать вывод о том, что представления обоих народов о действительности в немецком и русском языках имеют

много общего: в обеих культурах неряшливый, невежественный и недостойный человек часто ассоциируется со свиньей. И вместе с тем наблюдаются различия: зооним *свинья* используется в отдельных фразеологизмах немецкого языка с положительной эмоциональной окраской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Шведова Н. Ю. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
3. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология (На материале французского и русского языков) // В. Г. Гак. – М. : Междунар. отн., 1977 – 264 с.

Ю. А. Петрушэўская (Магілёў, Беларусь)

ДА ПРАБЛЕМЫ РАЗМЕЖАВАННЯ ЎНІВЕРСАЛЬНАГА І ІНТЭРНАЦЫЯНАЛЬНАГА Ў ПАРЭМІЯЛАГІЧНЫМ ФОНДЗЕ МОВЫ

Далека не ўсе прыказкі, якія функцыянуюць у сучаснай беларускай літаратурнай мове і ўспрымаюцца яе носьбітамі (у тым ліку таксама і даследчыкамі) як уласна беларускія і на гэтай падставе інтэрпрэтуюцца як яе яскрава нацыянальны кампанент, на самой справе ўжываюцца толькі ў беларускай мове і маюць уласна беларускае паходжанне. Многія прыказкі былі ў розны час запазычаны ў беларускую мову з іншых моў, але набылі ў ей адметныя варыянты, кампаненты, адценні зместу, страцілі сувязь са сваёй мовай-донарам у свядомасці сучасных носьбітаў беларускай мовы. Гэта ж уласціва і іншым мовам свету, у якіх шмат прыказак маюць іншамоўнае паходжанне, але хутка асімілявалі ў мове-рэцыпіенце і, як правіла, не асацыіруюцца ў ей з чужымі мовамі і культурамі. Паводле слоў Х. Вальтэра і В. М. Макіенкі, «вопреки расхожему представлению о густо национальной маркированности идиоматики и паремиологии они – как это ни парадоксально – являются более интернациональными, чем лексика» [1, S. 2].

Задача размежавання нацыянальнага і інтэрнацыянальнага ў беларускай парэміялогіі, як акрэсліў Я. Я. Іваноў у сваім дакладзе на XV Міжнародным з'ездзе славістаў (2013), з'яўляецца адной з актуальных праблем вывучэння афарыстычных адзінак беларускай мовы [2]. Вырашэнне гэтай задачы мае метадалагічную значнасць не толькі ў галіне лінгвістычнай тыпалогіі і ўніверсалогіі (пры параўнанні парэміялагічных сістэм беларускай і іншых моў свету), але таксама і ў лінгвакультуралагічным плане, у прыватнасці пры выяўленні нацыянальна-культурнай семантыкі беларускіх прыказак, у тым ліку пры лінгвадыдактычным забеспячэнні выкладання беларускай мовы і як замежнай (у лінгвакраіназнаўчым плане), і як няроднай ва ўмовах беларуска-рускага білінгвізму (у лінгвакразнаўчым плане) [3].

Ад інтэрнацыянальных адзінак парэміялагічнага фонду беларускай мовы трэба адрозніваць так званыя ўніверсальныя адзінкі, якія ў сучаснай парэміялогіі як асобнай навуковай галіне разумеюцца вельмі неадназначна: ад лагічна-семантычных тыпаў парэмій (у разуменні Г. Л. Пермякова і інш.) да асобных прыказкавых адзінак, што фіксуюцца ў многіх мовах розных моўных сямей і груп (паводле Ч. Пацалаі і інш.). Універсальныя адзінкі, як і ўвогуле ўніверсальны кампанент парэміялагічнага фонду беларускай мовы, ніколі спецыяльна не даследаваліся, хоць паходжанне і ўжыванне ў іншых мовах тых прыказак, якія функцыянуюць у сучаснай беларускай літаратурнай мове, даволі падрабязна разгледжаны ў кнізе «Парэміялогія як асобны раздел мовазнаўства» (2006) І. Я. Лепешава і грунтоўна апісаны ў яго ж даведніку «Этымалагічны слоўнік прыказак» (2014).

Парэміёлагі даўно заўважылі, што прыказкі ў самых розных мовах свету бываюць надзіва падобныя адна на адну тэматыкай, зместам, лагічнай пабудовай, а таксама па структурных мадэлях, лексічнай арганізацыі і глыбіннай сінтаксічнай структуры, выкарыстаных вобразах і моўных сродках выразнасці, па спосабах функцыянавання і інш. Гэтае падабенства выклікала спробы міжмоўнага параўнання прыказак і пошукі іх агульных (універсальных) уласцівасцей як фальклорных тэкстаў і як устойлівых у маўленні адзінак.

На сённяшні дзень найбольш маштабнымі па ахопе моўнага матэрыялу і атрыманых выніках з'яўляюцца класіфікацыі прыказак моў свету па лагічна-семіятычных тыпах і лагічна-тэматычных групам Г. Л. Пермякова [4, с. 11–33, 107–134]. І тая, і другая класіфікацыі змяшчаюць наборы найбольш агульных (універсальных) тыпаў лагічнай пабудовы прыказак, а паколькі мяркуецца, што вызначаныя тыпы прыказак павінны сустракацца ва ўсіх вядомых мовах свету, то такія наборы прыказкавых тыпаў могуць разглядацца як спісы парэміялагічных універсальных.

Яшчэ адной маштабнай спробай вылучыць універсальны кампанент у парэміялогіі з'яўляецца мульцілінгвальны парэміялагічны даведнік “European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese” (1997) Ч. Пацалаі [5], дзе апісваюцца прыказкі, якія ўжываюцца ў еўрапейскіх мовах (у тым ліку ў беларускай), а таксама ў арабскай, персідскай, кітайскай, японскай мовах, у санскрыце і сучасных індыйскіх мовах і інш. Прыказкі, змешчаныя ў гэтым даведніку, можна разглядаць як парэміялагічныя фрэквенталіі (такія адзінкі, якія ўласцівы не ўсім без выключэння мовам свету, а толькі пэўнай іх большасці).

Трэба адзначыць, што паняцце моўнай універсальнасці ў дачыненні да прыказак не мае агульнапрынятага вызначэння і ўжываецца адносна рэдка. Напрыклад, Г. Л. Пермякоў кваліфікуе як «універсальны» не пералік лагічна-семантычных класаў, не набор прадметных (тэматычных) груп, не спіс лагічных форм прыказак, а толькі распрацаваны ў выключна прыкладных мэтах «тэматычны паказальнік», прызначаны для размяшчэння прыказак у парэміялагічных зборніках [4, с. 170–181]. Ч. Пацалаі называе «ўніверсальнымі прыказкамі» толькі некаторыя адзінкі са свайго даведніка, якія ўжываюцца ў мовах не толькі Еўропы, але і Блізкага і Далекага Усходу. Разам

з тым парэміёлагі шырока карыстаюцца тэрмінам «агульны» («common»), які часта ўжываюць у дачыненні як да агульных (універсальных) уласцівасцей і тыпаў прыказак, так і да тых прыказкавых адзінак, якія распаўсюджаны ў многіх мовах свету. У такіх выпадках паняцце «агульны», як правіла, не дыферэнцыруецца на «інтэрнацыянальны» і «ўніверсальны», з прычыны чаго адбываецца метамоўная і метадалагічная блытаніна ў кваліфікацыі пэўных уласцівасцей прыказак і прыказкавых адзінак на «ўніверсальныя», «агульныя», «інтэрнацыянальныя» і г.д. (параўн., напрыклад, супярэчлівае ўжыванне ў даведніку Ч. Пацалаі тэрмінаў «universal proverb» і «common proverb» [5, р. 33, 38, 44, 59, 87, 104, 159, 170, 182, 203, 295, 349, 398; р. 77, 83, 150, 213]).

У гэтай сувязі патрабуе ўдакладнення аб'ём паняцця «ўніверсальнае» ў парэміялогіі, найперш, у адносінах да паняцця «інтэрнацыянальнае». На наш погляд, універсальным у парэміялогіі мэтазгодна лічыць тое, што немагчыма (па розных прычынах) вытлумачыць роднасцю моў ці моўнымі кантактамі, незалежна ад колькасці моў, у якіх фіксуецца пэўная з'ява, што кваліфікуецца як універсальная. Пры гэтым для парэміялогіі больш рэпрэзентатыўныя не ўласна ўніверсаліі, а фрэквенталіі, таму што апошнія, па-першае, больш відавочныя, а па-другое, яны значна лягчэй верыфіцыруюцца.

Можна меркаваць, што агульны (універсальны) характар у парэміялогіі маюць не толькі «лагічная форма зместу» прыказак [3, с. 21], пакладзеная Г. Л. Пермяковым у аснову вызначэння і дыферэнцыяцыі ўніверсальных тыпаў сітуацый, адлюстраваных у парэміялагічных адзінках, не толькі ўстаноўленыя Ч. Пацалаі ўніверсальныя прыказкі, аднолькавыя «ў народаў, якія не маюць роднасных адносін, не мелі і не маюць зносін адзін з адным і знаходзяцца на розных ступенях грамадскага развіцця» [3, с. 20], але і пэўны набор адлюстраваных у прыказках вобразаў і рэалій (наsupерак меркаванню Г. Л. Пермякова [3, с. 20]) у тым выпадку, калі іх супадзенне дэтэрмінавана незалежным ад этнічнай роднасці і моўных кантактаў, прынцыпова агульным тэарэтычным і практычным вопытам розных народаў, а таксама пэўныя структурна-семантычныя прыказкавыя мадэлі, у якіх спалучаюцца, з аднаго боку, універсальныя лагічныя формы прыказак (у сэнсе Г. Л. Пермякова), а з другога – універсальныя прыказкавыя вобразы і рэаліі.

Менавіта пэўныя структурна-семантычныя прыказкавыя мадэлі мэтазгодна разглядаць у якасці эмпірычнай падставы для кваліфікацыі тых ці іншых прыказак як універсальных, паколькі такія мадэлі дазваляюць абстрагавацца ад фармальных (лексічна-граматычных) адрозненняў адной і той жа прыказкі ў розных мовах. Так, у даведніку Ч. Пацалаі [5] апісваюцца не столькі прыказкі, якія ў адной і той жа форме незалежна адна ад адной існуюць у розных мовах, а менавіта структурна-семантычныя прыказкавыя мадэлі, якія можна вызначыць як інварыянты (універсаліі) у адносінах да тоесных па лагічнай структуры і змесце, але розных у розных мовах па сваім лексічна-граматычным афармленні прыказак (нацыянальных варыянтаў той ці іншай універсальнай мадэлі).

ЛІТАРАТУРА

1. *Вальтер, Х.* Национальное и интернациональное в славянской фразеологии : различное в едином / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // *Nationales und Internationales in der slawischen Praseologie* = Национальное и интернациональное в славянской фразеологии / Hrsg. Н. Walter, V. M. Mokienko. – Greifswald : E. M. A. – Universität, 2013. – S. 1–18.
2. *Иванов, Е. Е.* Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) / Е. Е. Иванов // *Nationales und Internationales in der slawischen Praseologie* = Национальное и интернациональное в славянской фразеологии / Hrsg. Н. Walter, V. M. Mokienko. – Greifswald : E. M. A.-Universität, 2013. – S. 111–116.
3. *Іваноў, Я. Я.* Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) / Я. Я. Іваноў // *Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы)* / Я. Я. Іваноў [і інш.]. – Мінск : Веды, 1998. – С. 33–62.
4. *Пермяков, Г. Л.* Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
5. *Paczolay, G.* European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese / G. Paczolay. – Veszprém (Hungary) : Veszprémi Nyomda, 1997. – 528 p.

К. Салими Абдолмалеки (Минск, Беларусь)

ДЕНОТАТИВНАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ ФРАЗЕМ С ОБОЗНАЧЕНИЯМИ ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К настоящему времени в лингвистике накоплен достаточно большой опыт исследования фразем с различными компонентами. Однако данную тему вряд ли можно считать закрытой, поскольку слова с различной семантикой специфическим образом ведут себя в составе фразем. Кроме того, процессы фразеологизации, зависящие как от внутриязыковых, так и от внеязыковых (культурных, когнитивных и т.п.) факторов, имеют явное своеобразие в языках мира. В. М. Мокиенко писал: «Идиоматика любого языка обладает как бы двойной индивидуальностью. Она индивидуальна как явление современного литературного языка, ибо каждый оборот является самостоятельным осколком некогда активной речевой модели, со временем утратившей актуальность. Она индивидуальна и как отражение каких-либо национальных реалий, составлявших в свое время самобытность культуры того или иного народа. А индивидуальное – как это ни парадоксально – является особо прочным цементирующим раствором при взаимодействии народов и их культур» [1, с. 6].

Данное исследование посвящено фраземам, в состав которых входят лексемы, обозначающие время, его отрезки и промежутки. Будучи когнитивной универсалией, темпоральная лексика обладает яркой национально-культурной спецификой. Поэтому слова со значением времени являются интересным объектом лингвистических исследований, в т.ч. и в области фразеологии. Цель данной работы – определить, насколько тесно связана со временем семантика фразем с темпоральными компонентами.

Материалом для исследования послужил корпус из 317 русских фразем с темпоральными компонентами. Фраземы извлекались методом сплошной выборки из лексикографических источников. Основным источником – «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой в 4 т. (далее МАС). Использовались и другие толковые словари лексики и фразеологии русского языка, что видно по ссылкам на них в тексте.

Проведенный анализ показал, что фраземы с обозначениями времени по денотативной отнесенности делятся на две группы:

1) имеющие отношение ко времени, например: *с минуты на минуту* ‘в очень скором времени (о чем-л. ожидаемом)’ (МАС, II, 274) или *бабье лето* ‘ясные теплые дни в начале осени’ (МАС, I, 54);

2) не имеющие прямого отношения ко времени, например: *смотреть сентябрем* ‘иметь хмурый, угрюмый вид’ (МАС, IV, 78) или *время работает на кого-л.* ‘развитие общественной жизни происходит в интересах кого-либо’ (Федр., I, 104).

Денотативная отнесенность фразем определяется нами следующим образом: если в состав толкования оборота входят компоненты со значением времени, то мы относим фразему к группе единиц, имеющих отношение ко времени. Например, в толковании оборота *с минуты на минуту* встречается слово *время*. Если в лексикографической дефиниции фраземы нет слов со значением времени, мы полагаем, что и оборот не имеет к нему непосредственного отношения (см. толкование оборотов *смотреть сентябрем* или *время работает на кого-л.* выше).

Денотативная группа фразем, имеющих отношение ко времени, является неоднородной. Во-первых, в нее входят обороты, непосредственно обозначающие время, например, отрезки времени, названия возрастных состояний, исторические эпохи и т.д.: *черный день* ‘тяжелое, трудное время’ (МАС, I, 387), *медовый месяц* ‘о первом месяце супружеской жизни’ (МАС, II, 244), *пора между волком и собакой* ‘ранние сумерки’ (РСС, III, 45), *с минуты на минуту* ‘в очень скором времени’ (о чем-л. ожидаемом) (МАС, II, 274), *золотой век* ‘об эпохе расцвета наук и искусств в истории какого-л. народа’ (МАС, I, 146). Во-вторых, в денотативную группу оборотов, связанных со временем, входят фраземы, в значении которых временной компонент занимает не центральное место, а некоторое периферическое место. Обороты из этой подгруппы обозначают процессы, признаки, предметы и т.п., которые имеют опосредованное отношение ко времени. В толковом словаре обороты, например: *тряхнуть стариной* ‘сделать что-л. так, как раньше, в молодости, в прежнее время’ (МАС, IV, 249), *дни сочтены (кого)* ‘осталось недолго

жить кому-н.’ (РСС, III, 49), *убить время* ‘заняться каким-л. случайным делом для того, чтобы время прошло быстро, незаметно’ (МАС, IV, 444). Необходимо отметить, что граница между этими подгруппами является размытой. В целом фраземы с темпоральными компонентами могут быть в большей или меньшей степени связаны со временем по своей семантике.

Наше исследование показало, что значение большинства фразем в выборке имеет отношение ко времени – 276 оборотов (87,07 % выборки). Не связано со временем значение 41 фраземы (12,93 %). Это указывает на то, что семантика компонента со значением времени сильно коррелирует со значением всего оборота.

Похожие наблюдения содержатся и в работе М. С. Гутовской, посвященной изучению русских и английских фразем, в состав которых входят метаязыковые лексемы: большинство оборотов с этими компонентами имеют метаязыковую семантику [2, с. 77–86]. Однако такая взаимосвязь проявляется не во всех группах фразем. Так, например, обороты с зоокомпонентами в русском и сербском языках обычно обозначают не животных, а человека [3, с. 55–60], следовательно, в данной тематической группе нет корреляции между семантикой компонента и фраземы. Подобные различия можно объяснить распространенностью метафорических переносов в группах фразем с различными по значению компонентами, грамматическими характеристиками оборотов и другими факторами [2, с. 60; 3, с. 86].

Результаты, полученные нами в ходе анализа денотативной отнесенности фразем с темпоральными компонентами, согласуются с выводами, которые следуют из изучения синтаксических функций данных оборотов. Так, наше исследование показало, что почти половина фразем из выборки выступает в роли обстоятельства времени [4]. Это указывает на сильную корреляцию между семантикой компонента, обозначающего время, и оборота в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб. : Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.
2. Гутовская, М. С. Лексико-семантические свойства слова и их проявления во фразеологизме : на материале русской и английской фразеологии с базовыми метаязыковыми лексемами : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Белорус. гос. ун-т ; М. С. Гутовская. – Минск, 2004. – 158 л.
3. Голяк, С. В. Сербская и белорусская фразеология с зоокомпонентом (зависимости между свойствами фразеологизма и слова-компонента) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Белорус. гос. ун-т ; С. В. Голяк. – Минск, 2003. – 184 л.
4. Салими Абдолмалеки, К. Грамматические классы фразем с компонентами, обозначающими время (на материале русского языка / К. Салими Абдолмалеки // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2016. – № 1. – С. 100–107.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1985–1988.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 6 т. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. – М. : Азбуковник, 2003. – 720 с.

Федр. – Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 828 с.

Р. Ф. Сахарова (Минск, Беларусь)

К ИСТОКАМ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ: ОТ ОЩУЩЕНИЯ К ФРАЗЕОЛОГИЗМУ*

*Человеческие решения и выбор не бывают в полной мере
рациональными, зато всегда окрашены эмоциями.
Человеческая мысль при выборе всегда погружена в телесные
ощущения, переживания и процессы, которые вносят свой
вклад в полный спектр познания и действия [1].*

Важность эмоций в жизни человека не вызывает сомнений. Ключевая роль, которую эмоции играют в общении и познании окружающего мира, позволила им стать объектом, привлекающим внимание исследователей различных наук: психологии, философии, физиологии и лингвистики.

Особенно сильно интерес со стороны лингвистов к эмоциям возрос в русле смены парадигм – от структурализма к когнитивной науке, что логичным образом перенесло в центр исследовательского интереса изучение скрытого от непосредственного наблюдения внутреннего мира человека. И такими невидимыми объектами являются, в первую очередь, эмоциональные, психические состояния человека. Язык предоставляет доступ к постижению эмоций как сущностей внутреннего мира и к тому, как человек сам осознает свои эмоции. В рамках когнитивной парадигмы ученые стремятся не только *описать* языковые явления, но и *объяснить* их. Эта цель предопределяет выход в исследовании языка за пределы собственно лингвистики, ее тесную связь с другими науками, изучающими человека. Этим объясняется описание языковых явлений в корреляции с единицами ментального уровня, с человеческой когницией в целом.

* Публикация выполнена в рамках реализации научно-исследовательской работы «Когнитивные механизмы фразеологической номинации базовых эмоций в немецком и белорусском языках» за счет средств грантов Министерства образования Республики Беларусь в 2016 г. № гос. регистрации 20164328.

Следует заметить, что в когнитивной лингвистике говорят о концептуальной, а затем и языковой картине, в первую очередь, **внешнего мира**. Процесс репрезентации объектов внешнего мира поэтапно можно представить следующим образом: *объект внешнего мира* → *репрезентация на ментальном уровне* → *языковая репрезентация*. Эмоции же – это **внутренние** состояния человека. Поэтому в категоризации, осознании и языковой репрезентации этих двух сущностей – эмоций и объектов внешнего мира – должны быть различия, уже потому, что эмоции, в отличие от объектов внешнего мира, «...недоступны прямому наблюдению. В этом отношении они подобны другим внутренним состояниям, например, ментальным. Однако в отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, эмоции очень непросто перевести в слова» [2, с. 454]. В связи с этим первое звено в репрезентации эмоций и объектов внутреннего мира имеет различия, так как эмоции находятся внутри человека, а не вне его. Поэтому важным вопросом, поиск ответа на который занимает лингвистов-когнитивистов, является вопрос о том, как эмоции репрезентируются в языке.

Для получения ответа на данный вопрос можно обратиться к истории языковых единиц. Важность и необходимость обращения к диахронии при рассмотрении синхронного состояния языка подчеркивает, например, Н. В. Фурашова, исследуя явления многозначности [3]. Этимологические данные позволяют восстановить процесс создания языковых единиц, реконструировать образы, лежавшие некогда в основе образования единиц языка. Таким образом, этимологические данные являются определенным способом доступа к глубинным процессам, лежащим в основе языковой репрезентации явлений внутреннего и внешнего мира, позволяющим реконструировать их и выдвигать гипотезы о механизмах и закономерностях данных ментальных процессов.

В качестве подтверждения данного положения обратимся к этимологии лексических единиц, репрезентирующих эмоцию «страх» в немецком и белорусском языках. Нем. *Angst* возводится этимологами к индогерм. *angh*, т.е. *eng* ‘узкий’ с суффиксом *st*, который имеет значение *dazugehörig* ‘принадлежащий к чему-л.’, в данном случае – ‘все, что является тесным, узким; все, что связано с теснотой’ [4]. Также близкой к индогерм. *angh* является лат. *angustiae* ‘теснота’ [Там же]. Приведенные примеры демонстрируют, что в основе номинации страха лежит физиологическое ощущение данной эмоции: сосуды расширяются и человек ощущает чувство сжатия, тесноты, удушья.

Белорусская единица *страх* (ср. также: укр. *страх*, др.-русс. *страхъ*, ст.-слав. *страхъ*, блг. *страх*, сербохорв. *страх*, словен. *strah*, чеш. *střach*, слвц. *strach*, польск. *starch*.) с первоначальным значением ‘оцепенение’ сближается с лит. *stregti, stregiu* ‘оцепенеть, превратиться в лед’, лтш. *stregele* ‘сосулька’ [5, с. 772]. Как видим, страх получает здесь номинацию на основе определенного физического состояния человека – ощущения озноба, холода

при переживании данной эмоции: «оцепенеть, превратиться в лед, сосульку», что одновременно означает «стать неподвижным, застыть». В данном случае подчеркивается схожесть переживаний страха с ощущениями, вызванными реакцией на холод, в результате чего человек теряет возможность двигаться. Также бел. *страх* относят к лтш. *treso-* ‘трясу’ (отсюда *трасцісь ад страху*) [Там же]. В данном случае фиксируется определенная физиологическая реакция человека при переживании страха.

На основе приведенных версий происхождения слова *страх* в немецком и белорусском языках можно сделать вывод, что прямая номинация эмоции страха базируется в основном на конкретных физиологических ощущениях. Следует отметить, что современные пользователи языка не возводят данные единицы к физиологическим ощущениям, они пользуются готовыми единицами, которые уже зафиксированы в языке, следовательно, языковые единицы не являются для носителей языка мотивированными. Однако, как демонстрируют приведенные выше примеры, данные единицы являются мотивированными: эмоциональное состояние описывается через конкретное непереосмысленное физиологическое ощущение. Данный способ номинации эмоции становится устойчивым способом номинации эмоциональных состояний в языке.

Также если обратиться к единицам не прямой (фразеологической) номинации в немецком и белорусском языках, то можно проследить такую же самую закономерность: фразеологическая репрезентация эмоций основана на чувственном опыте человека и осмыслена в некоторых случаях на основе аналогии с ситуациями внешнего (наблюдаемого) мира. Например:

1) нем. *j-m läuft/kriecht/jagt eine Gänsehaut über den Rücken*¹, букв. у кого-л. появляется гусиная кожа, мурашки по спине пробегают, бел. *мурашкі бегаюць па целе*², букв. у кого-л. мурашки бегают по телу. Язык фиксирует телесное проявление эмоционального состояния – сокращение гладкой мускулатуры волосяных фолликул, что приводит к эффекту «гусиной кожи». Перья у гусей произрастают из уплотнений в эпидермисе, которые имеют сходство с человеческими волосяными фолликулами. После того, как гусиные перья выдергивают, на их местах остаются выступы, после чего кожа гуся становится похожей на кожу человека при переживании страха. Такой эффект называют также «мурашками», сравнивая его с ощущением, которое вызывается наличием мелких насекомых, бегающих по телу человека;

2) нем. *zittern wie ein Espenlaub* букв. дрожать как осиновый лист ‘очень сильно дрожать от холода/страха’, бел. *як асіна калаціцца, дрыжаць*, букв. как осина колотиться, дрожать ‘очень сильно, чаще от страха’. В данных фразеологических единицах страх описывается по его проявлению – телесной дрожи. В то же время во фразеологизме присутствует и сравнение – человек сравнивается с осиновым листом, который колыхается на ветру;

¹ Здесь и далее примеры для немецкого языка приводятся по [6; 7].

² Здесь и далее примеры для белорусского языка приводятся по [8].

3) нем. *j-m überläuft es heiß und kalt*, букв. кого-л. бросает в жар и в холод 'кто-л. дрожит, охвачен страхом, ужасом', бел. *мароз па скуры/спіне / целе прабягае / ходзіць / дзярэ / прадзіраў*, букв. мороз по коже/спине/теле пробегает/ходит/рвет/раздирал 'кто-л. сильно испугался, ощущает сильный ужас'. Физиологически ощущения при переживании страха сходны с ощущениями холода. Данное сходство переосмысливается и становится способом номинации эмоции страха.

Таким образом, ненаблюдаемый внутренний мир говорящие на немецком и белорусском языках моделируют на основе ощущений и переживаний, которые в процессе языковой репрезентации осмысляются по аналогии с ситуациями из практического опыта человека. Фразеологические единицы хранят в себе информацию, позволяющую сделать выводы об устойчивых способах языковой репрезентации эмоций. Обращение к этимологическим данным (истокам вербализации эмоций) позволило установить, что способом прямой и не прямой (фразеологической) номинации эмоций являются в первую очередь, ощущения человека при переживании эмоции страха. Описание ощущения, сопровождающего эмоцию, стало сегодня фразеологизмом, так как оно устойчиво и идиоматично. Устойчивость предопределена ограниченностью способов номинации эмоций, идиоматичность – кажущейся немотивированностью, однако этимологические данные свидетельствуют о мотивированности единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капра, Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра; пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. – К. : София; М. : ИД «София», 2003. – 336 с.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян // Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
3. Фурашова, Н. В. Когнитивная семантика и история слова / Н. В. Фурашова // Романо-германская филология в контексте гуманитарных наук: междунар. сб. науч. ст. – Новополоцк : ПГУ, 2011. – С. 281–286.
4. Angst (Lexikon der Gestalttherapie) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.gestalttherapie-lexikon.de/angst.htm>. – Дата доступа : 12.10.2016.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер – Т. 3. – М. : Прогресс, 1971. – 827 с.
6. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы / І. Я. Лепешаў. – Т. 1 : А–Л. – Мінск : Бел. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
7. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы / І. Я. Лепешаў. – Т. 2 : М–Я. – Мінск : Бел. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 702 с.
8. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 3., überarb. und aktual. Auflage. – B. 11. – Mannheim, 2008. – 959 S.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ? –
С КАРТИНКИ В МОЕЙ ГОЛОВЕ!
(на материале глаголов немецкого языка)

Хорошо известная моему поколению песня на слова М. Матусовского в исполнении М. Бернеса «С чего начинается родина?» метафорически и довольно четко отражает проблемы, которые являются предметом нашего обсуждения в данном докладе. Отвечая на сформулированный в названии песни вопрос, М. Матусовский сначала констатирует ряд компонентов из жизненного опыта человека, которые формируют понятие родины: *С картинки в твоем букваре, С хороших и верных товарищей, Живущих в соседнем дворе*. После этого автор начинает, можно сказать, сомневаться в достаточности названных компонентов и приводит другие аспекты, пытаясь уточнить понятие родины: *А может, она начинается С той песни, что пела нам мать, С того, что в любых испытаниях У нас никому не отнять?*

Примерно так обстоит дело и с определением границ фразеологии по отношению к многозначности, что и послужило поводом для модификации слов песни – «С чего начинается фразеология?». Какие единицы следует относить в данную категорию? Где проходит граница между фразеологизмами и вторичными значениями глаголов (которые являются объектом нашего исследования). Продемонстрируем проблемы на конкретных примерах из немецкого языка.

Анализ лексикографических источников показывает, что есть переносные (метафорические) значения глаголов, которые одновременно приводятся в толковых словарях как лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) какого-либо глагола и в фразеологических – как фразеологизмы. Примером может служить переносное значение глагола *schneiden* ‘резать’: ‘игнорировать кого-л., не обращать внимания на кого-л., избегать контакта’ (здесь и далее дефиниции значений приводятся по словарю [1]). Если вспомнить такой критерий фразеологизмов, как устойчивость, то значение этого же глагола *sich schneiden* ‘ошибиться’ еще больше соответствует статусу фразеологизма, так как практически единственным контекстом его употребления является высказывание *da hast du dich geschnitten* ‘Тут ты маху дал!’. Но оно тоже выделено и как отдельный ЛСВ в семантической структуре глагола, и как фразеологизм в фразеологических словарях. Данные примеры, а таких немало, демонстрируют отсутствие четкой границы между многозначностью и фразеологией.

Другая ситуация, подтверждающая этот вывод, может быть проиллюстрирована на примере глагола *brechen* ‘ломать, бить’, один из ЛСВ которого ‘не соблюдать, нарушать что-л.’ иллюстрируется примерами *einen Vertrag, einen Eid, sein Schweigen, das Wort, das Gesetz, die Ehe brechen* ‘нарушить договор, клятву, молчание, слово, закон, супружескую верность’. Одновременно все эти сочетания включены в словарь идиоматических выражений, пословиц и поговорок, т.е. признаны фразеологизмами (здесь и далее источником фразеологизмов является словарь [2]).

Отвечая на вопрос, сформулированный в названии доклада, и пытаясь прояснить критерии отнесения языковой единицы в категорию фразеологизмов, полагаю, что фразеология начинается с ментальной картинки, ментального образа какой-либо конкретной ситуации, который переосмысливается и приобретает новое значение, например: *jmdm. das Genick brechen* букв. 'проломить кому-л. голову, затылок' в значении 'погубить кого-л.; разорить'. Вариативность данного фразеологизма очень ограничена и заключается в заполнении позиции объекта в дательном падеже. На основе этого критерия и приведенное выше значение *sich schneiden* 'ошибиться' должно быть отнесено в категорию фразеологизмов, особенно если учесть, что это сокращенный вариант полного сочетания *sich in den Finger/ in das eigene Fleisch schneiden* 'порезать себе палец' букв. 'порезать собственное мясо'.

Чем большую вариативность допускает исходное сочетание, именуемое определенной ментальной картинку, фиксирующую структуру практического опыта, тем выше степень его обобщения, абстрагирования от первоначальной структуры опыта с ее компонентами, что можно продемонстрировать на примере сочетания *etw. übers / über das Knie brechen* 'торопиться в деле, не проявляя тщательности; быстро и необдуманно действовать'. Исконно оно именовало повседневный практический опыт, когда люди ломали ветки о согнутое колено, что было, действительно, быстрее, чем пилить их, однако форма и размер частей не были едиными, точными, что, однако, не имело особого значения. Компонент структуры опыта *ветки* в поверхностной языковой структуре сочетания отсутствует и заменен на открытый слот *etwas* 'что-либо', заполняемый в речи целым рядом имен существительных: *die Hochzeit, die Entscheidung, die Reform* 'свадьба, решение, реформа' и др. Следовательно, критерию устойчивости данный фразеологизм соответствует очень условно.

Если допустить, что решающим критерием отнесения данной языковой единицы в категорию фразеологизмов стала ее полилексичность, то упомянутый выше глагол *brechen* в значении 'не соблюдать, нарушать что-л.' не соответствует и этому критерию, имея открытый слот, заполняемый именами целого ряда объектов: *einen Vertrag, einen Eid, sein Schweigen, das Wort, das Gesetz, die Ehe brechen* 'нарушить договор, клятву, молчание, слово, закон, супружескую верность' и др. Это свидетельствует о формировании у данного глагола нового обобщенного вторичного значения, а не о его фразеологическом статусе. Все приведенные примеры иллюстрируют условность проведения границы между такими явлениями, как переносные значения глаголов и фразеологизмы, содержащие глаголы. И то и другое – конструкты ученых, а не реальная жизнь языка, которая не вписывается в эти рамки, заданные исследователями для своих целей.

Почему этот вопрос вызвал наш интерес? Многие годы назад, когда я только начинала заниматься исследованием многозначности немецких глаголов и желала участвовать в конференциях, посвященных фразеологии, я слышала такой аргумент «А какое отношение Вы имеете к фразеологии? Вы же изучаете многозначность». Этот вопрос заставил меня искать ответ

на него, за что я благодарна моим оппонентам, хотя тогда и не смогла убедительно обосновать свою причастность к фразеологии. Другой аргумент, который мне пришлось услышать в этом отношении от фразеологов заключается в опасности «размывания» объекта фразеологии.

Сегодня я убеждена в том, что исследователь вторичных значений глаголов имеет прямое отношение к фразеологии, и границы объекта исследования или категории фразеологизмов размываем не мы, исследователи. Они размывы изначально, что, кстати, является, одним из постулатов когнитивной лингвистики. Мы, исследователи, проводим эти границы для наших нужд и пытаемся навязать их языку.

Подводя итог, можно сказать, что фразеологическая единица начинается с переосмысления языковой единицы, называющей конкретный ментальный образ типа *порезать себе палец, проломить кому-л. голову* и др. До тех пор, пока в поверхностной структуре языковой единицы сохранены имена соответствующих компонентов структуры опыта, хотя значение при этом переосмыслено, единица является фразеологической. Другими словами, чем меньше вариативных компонентов, т.е. открытых слотов, в сочетании, тем выше степень его фразеологичности. И, наоборот, чем обобщеннее какой-либо компонент ментальной и языковой структуры, тем ниже степень фразеологичности и тем больше аргументов в пользу формирования вторичного значения, т.е. ЛСВ: *Äste über das Knie brechen* ‘ломать **ветки** о согнутое колено’ → *etwas über das Knie brechen* букв. ‘что-л. ломать о согнутое колено’; *den Schnee, die Nadel, den Stab, den Acker brechen* букв. ‘разрушать снежный покров (прокладывая дорогу в нем); сломать иголку, палку; пахать поле (разрушая целостность его поверхности)’ → *das Gesetz, das Schweigen, den Vertrag brechen* ‘нарушить закон, молчание, договор’.

В заключение следует отметить еще два аспекта описанного явления. И фразеология, и многозначность начинаются – как следует из приведенного эмпирического материала – не с отдельного глагола, а с сочетания, имеющего какой-л. конкретный ментальный образ практического опыта. Выбор таких образов для того, чтобы пользоваться ими как инструментами для представления других ментальных сфер, является культурно обусловленным, что приводит к различиям между языками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bänden [Электронный ресурс]. – Elektronische Datei (576 Mb). – Mannheim&Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2000. – 1 электр. опт. диск (CD-Rom).
2. Redewendungen, Redensarten, Sprichwörter für Übersetzer, zum Deutsch lernen, für Interessierte der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.redensarten-index.de/suche.php>. – Дата доступа : 02.08.2016.

КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *СЛЕД*

Национальный характер культуры находит свое отражение в языке. Язык – это зеркало национальной культуры, ее хранитель. Однако языковая картина мира является не столько отражением, сколько интерпретацией действительности, совершаемой говорящими и зафиксированной как в слове, так и в грамматике.

Культура проникает в устойчивые словосочетания через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со знаками национальной культуры. Именно система образов, закрепленных в семантике национального языка, является зоной сосредоточения культурной информации.

В нашем докладе мы предприняли попытку экспликации культурной коннотации русских устойчивых словосочетаний с компонентом *след*.

Современный корпус русской фразеологии располагает сравнительно небольшим количеством устойчивых единиц с этим компонентом, мы насчитали 14 [1]. Некоторые из них восходят, по мнению исследователей, к профессиональной речи охотников: *Напасть (выйти) на след*; *Идти по следам*; *Взять след*; *Заметать следы (хвостом)*; *По горячим следам*. В научной и лексикографической литературе чаще всего обсуждается этимология последнего фразеологизма.

Каждый носитель языка довольно легко эксплицирует культурную информацию устойчивых словосочетаний, связанную с наивными представлениями о качестве следов, оставляемых живыми существами: чем «более свежий» след, тем выше его «температура», свежий след – *горячий*, позже следы *остывают*.

Объем культурной информации, имплицитно присутствующей в устойчивых единицах с компонентом *след*, значительно увеличивается с включением в анализ паремий, представленных в словаре В. И. Даля и в «Большом словаре русских поговорок» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (БСРП), анализирующем русскую литературную и народную речь XIX – XXI веков [2; 3]. Указанные источники содержат уже упомянутые нами и зафиксированные во фразеологическом словаре под редакцией А. И. Молоткова устойчивые выражения (хотя некоторые имеют отличия в семантике), а также включают множество других.

Русская паремиология, которую мы рассматриваем в рамках фразеологии, свидетельствует, что след – это не просто отпечаток ноги человека или зверя, это «живая» их часть. Кроме уже упомянутых идиом, БСРП включает единицы *След замело и место простыло* – ‘о человеке, который поспешно убежал, скрылся’; *Следов опустить* (чьих) – ‘потерять кого-либо из виду’; *Чьи-то следы считать* – ‘на руках носить человека, нянчить, при-

в словаре В. И. Даля словом *следь* – ‘вид, образ или подобие человека; тень, видение’ с примером: *Увидела я следь свою, знать, к смерти!* [2, с. 597]. Вероятно, *следь* – это тот же *след*, превратившийся со временем в самостоятельную лексическую единицу.

Мифологические взгляды переплетаются с обрядовыми, ритуальными. Фразеологическая единица *заметать следья* в БСРП толкуется как ‘ритуал подметания пола от двери к центру комнаты в свадебном обряде’. Известно, что подметание в обратном направлении предпринимается на похоронах. Устойчивое сочетание омонимично литературному *заметать следы*, этимология которого традиционно связывается с охотой. Так может быть, эта этимология не совсем точна?

Встречаются в нашем материале выражения, связанные с сельскохозяйственной деятельностью: *В один след* – ‘однократно (пахать, бороновать)’; *В два (три) следа* – делать это двукратно или троекратно. *По бабским следкам* – ‘после сенокоса, жатвы’ (т.е. после женской работы).

В русской наивной картине мира *след* – настолько важный знак, что может приобретать функцию эталона. Согласно поговорке, зафиксированной в словаре В. И. Даля: *Пойдет снег – покинешь и след*, знак следа – это ‘следствие каких-либо обстоятельств’. О чем-то нужном, необходимом народ говорит *великий след*, если что-то сделано напрасно, не имеет результата: *в пустой след*.

Эталонность следа проявляется в характеристике пространства и времени: *В каждый (всякий) след* – ‘езде, повсюду’, ‘всегда, во всякое время’, ‘постоянно, все время’. Последнее значение чаще используется в определенной ситуации: ‘постоянно надевать одну и ту же одежду независимо от сезона, праздников или будней’. *След себе видеть* – ‘плохо видеть, видеть на малое расстояние’ (о слабом зрении). *На леший след* – ‘очень далеко, неизвестно куда или зачем’.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что фразеологизмы с компонентом *след* сохраняют и воспроизводят менталитет народа, являются носителями культурно-национальной информации, отражая некоторые особенности базисных пластов культуры – архетипических, мифологических, ритуальных, наивно-бытовых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка / В. И. Даль. – СПб. : Эксмо-Пресс, 2002. – 736 с.
3. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа, 2007. – 784 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Богданова Л. И.</i> Культурный код и конфликт ценностей	4
<i>Горлатов А. М.</i> Межкультурная коммуникация в аспекте национально-культурного своеобразия: состояние и перспективы исследований	7
<i>Ковшова М. Л.</i> Лингвокультурологический анализ фразеологизмов в действии: теория и практика сопоставления	9
<i>Куляпин А. И.</i> «Русское» и «советское» в художественной географии В. М. Шукшина	15
<i>Лещева Л. М.</i> Фразеологизм как единица языка, представления знаний и национальной культуры	18
<i>Миронова Н. Н.</i> Рецепция и интерпретация мультимодальных дискурсов художественного творчества	21
<i>Сулейманова О. А.</i> Лингвогеографическое моделирование образа города как основа межкультурной коммуникации	24
<i>Тарева Е. Г.</i> «Мягкая сила» межкультурного образования	26

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНЫ МИРА

<i>Басиля Н. А.</i> Тексты гламурных журналов как универсальная метафорическая бинарма	30
<i>Борзенец С. Е.</i> Особенности реализации категории интенсивности в перифразах, содержащих прецедентный топоним	32
<i>Гапанович Е. А.</i> Лингвоспецифичность французских имен совокупностей	35
<i>Джисоева А. А., Стрельникова О. Ф.</i> Концепт «семья» в английской и американской картинах мира: универсальное и этноспецифичное	38
<i>Земичева С. С.</i> Светообозначения в диалектном идиолексиконе	42
<i>Левицкий А. Э.</i> Человек в профетической картине мира этноса (на материале сонника Г. Хиндмана Миллера)	44
<i>Раздужев А. В.</i> Специфика терминологической репрезентации декларативных и процессуальных знаний научно-технической сферы человеческой деятельности	47
<i>Романкевич М. Н.</i> Ассоциативное значение номинаций домашних животных во французской лингвокультуре	50
<i>Тарасевич Л. А.</i> Пространственная семантика предлогов: параметры измерения ...	53

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА

<i>Артемова О. А.</i> Темпоральный дейксис в белорусском и английском языках: сравнительно-сопоставительный аспект	56
<i>Бабкина В. А., Игнатов Я. А.</i> Влияние социодемографических факторов на стереотипное представление российских студентов о Германии и немцах (по результатам психолингвистического эксперимента)	59
<i>Борисовская И. В.</i> Репрезентация концепта «наблюдатель» в предложениях изменения	61
<i>Григорьян Е. Л.</i> Русские безличные предложения, синтаксические универсалии и языковая картина мира	64
<i>Езан И. Е., Неборская Л. Н.</i> Типы элиминации в неполных предложениях немецкой разговорной речи	66

<i>Кириленко О. В.</i> Устойчивость готовых синтаксических единиц.....	69
<i>Никитенкова К. Г.</i> Полусуффиксы-неологизмы современного немецкого языка....	72
<i>Сдобнова Ю. Н.</i> К вопросу универсального в институциональной коммуникации	75
<i>Сытько А. В.</i> Фразовая просодия присоединительного элемента в немецком и белорусском разделенном вопросе	77

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Беспалова Е. В.</i> Ландшафтные концепты в немецкой поэзии и русских переводах: направления концептуального анализа.....	82
<i>Бурдыка М. Я.</i> Проблема перекладу назваў вучоных і акадэмічных ступеняў і званняў.....	85
<i>Водяницкая А. А.</i> Оценочные стратегии в переводческой перспективе	88
<i>Иванова Т. Ф.</i> Междисциплинарный подход как основной принцип дидактики перевода	91
<i>Курбаленко Н. В.</i> К вопросу перевода каузативных конструкций (на материале русского и немецкого языков).....	94
<i>Солонович Л. В.</i> Соматические фразеологизмы в переводе (на примере романа Г. Бёлля «Ansichten eines Clowns»).....	97
<i>Сыромятникова Т. Н.</i> Особенности передачи функционально-стилистических маркеров в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» средствами немецкого языка.....	100
<i>Чернышев А. Б.</i> Конфигурация «изменение» в семантике морфем: универсальное и специфичное в разноструктурных языках.....	103
<i>Чударь А. Н.</i> Особенности передачи англоязычных теглайнов на русский язык.....	106

КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Белютина Ю. А.</i> Репрезентация дискурсивной стратегии угрозы в англоязычной картине мира (на примере художественных текстов)	109
<i>Быкова О. И.</i> Интертекстуальность как смыслообразующая категория индивидуально-авторской картины мира в романе Г. Грасса «Grimms Wörter. Eine Liebeserklärung»	112
<i>Голубкова Е. Е.</i> Прецедентное имя сказочного персонажа как смысловая скрепа в дискурсе (на материале корпусных данных)	114
<i>Какзанова Е. М.</i> Роль реалий в драме В. Гюго «Эрнани».....	117
<i>Копытко Н. В.</i> Изображение научной картины мира в контексте гуманистических ценностей в романе Дианы Смит «Письма из Йеллоустона»	120
<i>Кострова О. А.</i> Картина мира ученого в романе Д. Кельмана «Измеряя мир»	123
<i>Половцев Д. О.</i> «Сумерки общества» в повести Э. М. Форстера «Машина останавливается».....	126
<i>Привалова Е. П.</i> Особенности немецкой картины мира в художественных произведениях детско-юношеской литературы с элементами фэнтези	129
<i>Самофалова А. С.</i> Ассоциативно-образный слой концепта-оппозиции «герой/антигерой» в романе Р. Олдингтона «Death of a Hero».....	132
<i>Чеботарская И. В.</i> Газетный заголовок как инструмент современной журналистики.....	136

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ

<i>Бартош Д. К., Харламова М. В.</i> Лингводидактический потенциал социальных сетей в обучении студентов педагогического направления иностранному языку	139
<i>Болдова Т. А.</i> «Input» – «Output». А что делать дальше?	141
<i>Gavronova Yu. D., Neshenko A. V.</i> The relationship of individual's basic values with russian and german students' professional identity	144
<i>Зозуля О. Л.</i> Стратегии семантизации незнакомых слов в технических текстах (на примере немецких имен существительных и прилагательных)	146
<i>Sommerfeld A.</i> Filme im DAF-Unterricht	149
<i>Коньшова А. В.</i> Теоретический аспект обучения диалогу культур	151
<i>Лантева Н. Е.</i> Универсальное в обучении устному иноязычному общению	154
<i>Назаренко Е. Н.</i> Проблема реализации диалога культур в индивидуальных творческих заданиях студентов специальности «Журналистика» (на примере немецкого языка)	156
<i>Романовская Е. И.</i> Презентация культурной семантики фразеологических единиц с компонентом глаголов движения при обучении русскому языку в иноязычной аудитории	159
<i>Тарев Б. В.</i> Новые практики обучения диалогу культур	162
<i>Шевцова В. А.</i> Прагматические аспекты использования фразеологизмов на занятиях по экономическому немецкому языку	165
<i>Щербакова Л. Г.</i> Трудности при обучении просодии немецкой речи белорусских студентов-лингвистов	167
<i>Шилобрит Д. И.</i> Использование инновационных технологий в процессе преподавания французского и немецкого языков в средней школе	170

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

<i>Атрашкевич В. В.</i> Национально-культурный компонент в семантике лексических единиц английского языка: лингвострановедческий аспект	174
<i>Белютин Р. В.</i> Метафорическая модель «Политика – это спорт» в немецкой языковой картине мира	177
<i>Бут А. С.</i> Авторская фразеология А. П. Чехова и вопросы вариативности идиом	180
<i>Внук Т. В.</i> Авто- и аллоэтнонимы во фразеологической картине мира (на материале немецкого языка)	183
<i>Зверева Ю. С.</i> Фоновая семантика английских фразеологизмов: лингвострановедческий аспект	185
<i>Иванов Е. Е., Мокиенко В. М.</i> О европейском словаре библеизмов	188
<i>Паремская С. В.</i> Языковая картина мира и фразеологизмы с зоонимом <i>свинья</i> в немецком и русском языках	191
<i>Петрушэўская Ю. А.</i> Да праблемы размежавання ўніверсальнага і інтэрнацыянальнага ў парэміялагічным фондзе мовы	193
<i>Салими Абдолмалеки К.</i> Денотативная отнесенность фразем с обозначениями времени в русском языке	196
<i>Сахарова Р. Ф.</i> К истокам вербализации эмоций: от ощущения к фразеологизму	199
<i>Фурашова Н. В.</i> С чего начинается фразеология? – с картинки в моей голове!	203
<i>Чернышова Л. В.</i> Культурная коннотация русских фразеологизмов с компонентом <i>след</i>	206

Научное издание

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Минск, 14–15 октября 2016 г.

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Ответственный за выпуск *Н. В. Фурашова*

Подписано в печать 04.10.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 14,42. Тираж 100 экз. Заказ 62.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.